

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**О. В. Воронин**

**ПРОИЗВОДСТВО ПО РАССМОТРЕНИЮ  
И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ,  
СВЯЗАННЫХ С УСЛОВНО-ДОСРОЧНЫМ  
ОСВОБОЖДЕНИЕМ**



Томск – 2004

УДК 343.011  
В 752

**Воронин О.В.** Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – 208 с.  
ISBN 5–89503–227–3

В настоящей монографии исследуется порядок рассмотрения и разрешения дел об условно-досрочном освобождении. Делается попытка предложить авторскую модель рассматриваемого производства. Исследование базируется на широком использовании отечественной, в том числе дореволюционной научной литературы, а также практических исследованиях, проведенных автором с 2001 по 2004 год в Западно-Сибирском регионе.

Работа предназначена для преподавателей, студентов, аспирантов юридических факультетов и вузов, практических работников, принимающих участие в разрешении дел об условно-досрочном освобождении, и лиц, интересующихся уголовно-процессуальными проблемами исполнения приговора.

Монография написана по состоянию законодательства и правоприменительной практики на февраль 2004 года.

**УДК 343.011**

**Научный редактор:** доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист РФ **Ю.К. Якимович**

**Рецензенты:** доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист РФ **М.К. Свиридов**  
доктор юридических наук, профессор **А.А. Тарасов**

ISBN 5–89503–227–3

© О.В. Воронин, 2004

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Основными целями проводимой в Российской Федерации судебно-правовой реформы являются закрепление и дальнейшее совершенствование правовых институтов в направлении обеспечения оптимального соотношения прав, свобод и законных интересов граждан с интересами общества и государства. Среди них особое место занимает институт условно-досрочного освобождения (далее по тексту – УДО). Являясь основной формой досрочного освобождения от наказания, УДО непосредственно затрагивает интересы не только осужденных, но общества и государства в целом. В этой связи по тому, насколько эффективно реализуется эта мера, можно судить о действительных правовых приоритетах в современной уголовной политике России.

Неоднократные изменения уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующие применение УДО, произошедшие за последние годы, подчеркивают актуальность проблемы поиска оптимальных правовых форм освобождения от наказания в условиях современного правового строительства. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с разработкой эффективного производства, обеспечивающего реализацию этой меры.

Выделение в УПК РФ отдельной главы, призванной регулировать процессуальную деятельность, связанную с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, свидетельствует о положительных тенденциях дальнейшего совершенствования порядка рассмотрения дел об УДО в рамках уголовно-процессуального поля. Вместе с тем закрепление фактически нового для России типа уголовного процесса заставляет переосмыслить сложившийся исторический опыт развития исследуемого производства, а также переоценить такие ключевые параметры процессуальной деятельности по УДО, как роль суда, правовое положение основных участников, структуру и содержание судебного разбирательства, а также уточнить место этой процессуальной деятельности в системе современного российского уголовного судопроизводства.

В последние годы плодотворными усилиями юристов – ученых и практических работников – достигнуты весомые успехи в разработке и

решении проблем, связанных с условно-досрочным освобождением от наказания. Однако усилия главным образом были направлены на изучение материально-правовых аспектов досрочного освобождения. Что касается процессуальных вопросов, то они, на взгляд автора, исследованы недостаточно полно. Между тем их исследование не менее важно, поскольку создание оптимального производства является непременным условием эффективного и справедливого применения УДО.

Проблемы процессуальной деятельности по УДО традиционно привлекали к себе внимание ученых, однако со времени последних работ Б.А. Филимонова («Подготовка и судебное рассмотрение дел о досрочном освобождении от наказания несовершеннолетних», 1962; «Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних», 1965), М.К. Свиридова («Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания», 1972), В.В. Николука («Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР», 1989), В.Д. Адаменко («Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда», 1993), Ю.К. Якимовича («Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России», 1994) прошло достаточно времени, и некоторые из высказанных в этих книгах положений должны быть переоценены в связи с принятием нового уголовно-процессуального законодательства. Именно этой цели и служит настоящая монография.

В первой главе анализируются особенности структуры и содержания процессуальной деятельности по УДО с 1909 по 2001 год. Автор обращается к опыту правового регулирования применения УДО в Российской империи, Союзе ССР и Советской России. Особое внимание уделяется раскрытию сущности исследуемого производства по современному законодательству, анализируются имеющие место в науке уголовного процесса подходы к определению его правовой природы, предпринимается попытка определить место этой деятельности в системе уголовного процесса, а также производств по разрешению и рассмотрению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Вторая глава посвящена раскрытию процессуального положения основных участников производства: суда, осужденного, адвоката осужденного, прокурора и представителя органа или учреждения, исполняющего наказание.

Заключительная третья глава содержит в себе анализ содержания судебной деятельности по УДО, уточнение предмета и средств доказывания, определение источников доказательственной информации по

данной категории дел. Здесь также рассматривается последовательность и специфика уголовно-процессуальных этапов производства по УДО. В заключение предлагается нормативная модель регулирования исследуемого производства.

Все таблицы и рисунки приводятся в Приложении.

Автор выражает благодарность заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Ю.К. Якимовичу, а также всему коллективу кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Томского государственного университета за помощь, оказанную в подготовке настоящей работы.

## Глава I

# СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ. СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ПО СОВРЕМЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

### § 1. Рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении по законодательству Российской империи (1909 – 1917 годы)

В конце XIX – начале XX в. институт УДО находит свое закрепление в законодательстве большинства стран Западной Европы и Америки<sup>1</sup>. В России, несмотря на то, что возможность введения данной меры поддерживалась ученой общественностью начиная с конца XIX в.<sup>2</sup>, нормативное закрепление рассматриваемый институт получает лишь 22 июня 1909 года в Законе «Об условном досрочном освобождении» (далее по тексту – Закон 1909 года)<sup>3</sup>.

Закон 1909 года устанавливал, что УДО могло быть предоставлено приговоренным к заключению в тюрьме, в исправительном арестантском отделении или в исправительном доме по отбытии не менее трех

---

<sup>1</sup> В законодательстве германских государств условно-досрочное освобождение известно с 1862 года (напр., в Саксонии), в Голландии – с 1881 года, во Франции – с 1885 года, в Северо-Американских Соединенных Штатах – с 1876 года, в Бразилии – с 1890 года. См.: *Пионтковский А.А.* Условное осуждение. – Казань, 1900. – С. 1–61.

<sup>2</sup> Впервые вопрос о введении в российскую уголовно-правовую систему института УДО возник в 1882 году при выработке Редакционной комиссией проекта Уголовного уложения, утвержденного 22 марта 1903 года. Данные идеи также активно были поддержаны Вторым (1900) и Третьим (1901) съездами русской группы Международного союза криминалистов. См.: *Бехтерев Г.* К вопросу о применении у нас условного досрочного освобождения // Тюремный вестник. – 1912. – С. 1822–1824.

<sup>3</sup> См.: Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 1–7.

четвертей определенного им судебным приговором срока наказания, если они пробыли в месте заключения во исполнение приговора не менее шести месяцев, без зачета в последний срок времени, проведенного до этого под стражей<sup>4</sup>.

В юридической литературе соответствующего периода вопрос о правовой природе УДО являлся дискуссионным. По мнению одних ученых, УДО выступало в качестве карательного инструмента, представляя собой специальную меру непосредственного воздействия на преступного агента, имеющую целью оказать содействие исправлению и приспособлению преступника к условиям общежития путем образования, усиления и укрепления сдерживающих от дальнейшей преступной деятельности импульсов<sup>5</sup>. Другие полагали, что эта мера выступает одной из разновидностей помилования, даруемого осужденному по отбытию им части назначенного судом наказания, и является не чем иным, как условным восстановлением прав осужденного на свободу<sup>6</sup>. Сторонники первого подхода исходили из принудительного характера применения УДО, наличия угрозы возвращения осужденного в исправительное учреждение вследствие ненадлежащего поведения, а также умаления его общегражданских благ в ходе его реализации. По их мнению, такие признаки делали эту меру во многом схожей с наказанием, так как в своей совокупности, несмотря на ее гуманный характер, в той или иной степени вызвали страдания осужденного, отражавшие проявление репрессивно-карательного элемента. Хотя способ реализации наказательного воздействия в данном случае заключался в наделении осужденного определенными рамками дозволенного поведения, вместе с тем он не менял сути уголовно-правового воздействия по отношению к преступнику: лицо, совершившее преступление, продолжало претерпевать негативные последствия со стороны публичной власти.

Условно-досрочное освобождение, по мнению представителей второй концепции, представляло собой отказ государства от реализации права на наказание преступника при соблюдении последним ряда условий, или, иначе говоря, условное помилование. Основным аргумент сторонников этого подхода сводился к тому, что в основе этих институтов

---

<sup>4</sup> Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 1.

<sup>5</sup> Пионтковский А.А. Указ. соч. – С. 136.

<sup>6</sup> Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. – М., 2000. – С. 123; Он же. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 570, 573.

лежали одинаковые принципы, с той лишь разницей, что право помилования принадлежало не верховной власти, а представителям судебной или общей администрации. Суть помилования в данном случае заключалась в прощении получившего негативную оценку со стороны публичной власти деяния на завершающей стадии государственно-властного воздействия на преступника. Этот факт, в свою очередь, доказывал, что УДО не имело ничего общего с наказанием, так как целью ставило его изменение или отмену. Последняя концепция с некоторыми изменениями легла в основу уголовного законодательства некоторых штатов США, рассматривающих УДО в качестве особой формы помилования, предоставляемой губернатором<sup>7</sup>. В России и большинстве стран континентальной Европы такие взгляды не получили широкой поддержки. Подавляющее большинство отечественных ученых разграничивали помилование и досрочное освобождение, считая их различными по целям, характеру и порядку применения институтами. Такой выбор был обусловлен господствующей в России конца XIX – начала XX в. доктриной, согласно которой основной способ решения уголовно-правового конфликта виделся в карательном воздействии на преступника. Наказание являлось единственным инструментом, с помощью которого можно было достичь общественно-полезные цели, в том числе и исправить его, поэтому любые меры, предполагающие воздействие на осужденного, могли развиваться только в рамках этого института.

Недостаточная развитость законодательной техники того времени не позволяет однозначно определить отраслевую природу норм, регулирующих порядок разрешения дел об УДО. Закон 1909 года носил комплексный характер и содержал в себе наряду с требованиями материально-правового характера значительный блок норм, направленных на регламентацию производства по УДО. Его принятие обусловило внесение изменений практически во все кодифицированные акты, регулирующие уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения: в Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, Устав уголовного судопроизводства и Устав о содержащихся под стражею. При этом изменения, как правило, сводились к включению в содержание соответствующего закона всего комплекса норм, регулирующих вопросы УДО. Так, применению УДО в Уставе о содер-

---

<sup>7</sup> См.: *Шутилов В.П.* Система исполнения наказания в США. – М., 1973. – С. 65–66; *Алимов С., Шутилов В.* Институт условно-досрочного освобождения США // Советская юстиция. – 1972. – № 5. – С. 30–31.



жащихся под стражею были посвящены ст.ст. 416–439, полностью дублирующие соответствующие положения Закона 1909 года<sup>8</sup>. В связи с этим определение правовой природы деятельности по УДО, исходя из отраслевой принадлежности законодательства, представляет большие сложности.

Вопросам производства по УДО были посвящены ст.ст. 5–24 Закона 1909 года. Устанавливаемый ими порядок разрешения дела включал в себя следующие этапы: возбуждение производства (ст.ст. 5–7); рассмотрение и разрешение вопроса об УДО Особым Совещанием (ст.ст. 08–12); утверждение решения Особого Совещания окружным судом (ст. 13); исполнение решения о предоставлении УДО (ст.ст. 14–19).

Поводом для возбуждения производства служило ходатайство о рассмотрении возможности УДО, подаваемое через начальника исправительного учреждения в Особое Совещание. Согласно ст. 5 Закона 1909 года, правом возбуждения производства кроме начальника исправительного учреждения наделялись: представитель прокуратуры, осуществлявший надзор за исправительным учреждением; представители комитетов и обществ, занимавшиеся тюремным попечительством, члены местных обществ патронатов, а также духовные лица и врачи, состоявшие в штате исправительного учреждения. Такое право не предоставлялось осужденному ввиду того, что «вопрос о способе и порядке отбытия наказания, законно применяемого, не может быть предметом обсуждения заключенного»<sup>9</sup>. В связи с этим П.И. Люблинский писал: «Нужно заранее предвидеть, что фактически роль начальника тюрьмы будет преобладающей: стоящие от него в зависимости врач и священник едва ли смогут осуществлять инициативу помимо его воли, а члены общества патроната, не будучи знакомы со временем освобождения и с характером поведения заключенных, будут иметь мало фактического материала, чтобы мотивировать свои предложения»<sup>10</sup>. Представляется, что приведенное мнение не лишено смысла: превалирующее положение

---

<sup>8</sup> См.: Устав о содержащихся под стражею по продолжению 1909 года. – СПб., 1912. – С. 327–333.

<sup>9</sup> Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 53; В этой связи П.И. Люблинский писал: «Раз досрочное освобождение принимается в публичных интересах и представляет из себя род отбытия наказания, то воля освобождаемого не может быть принимаема во внимание». *Люблинский П.И.* Основные черты условно-досрочного освобождения по Закону 22 июня 1909 г. – Пг., 1915. – С. 399.

<sup>10</sup> *Люблинский П.И.* Указ. соч. – С. 400.

начальника исправительного учреждения вытекает из смысла других положений закона. Так, несмотря на широкий круг субъектов, могущих возбуждать производство, Закон 1909 года предоставлял право вносить предложение об УДО в Особое Совещение только начальнику исправительного учреждения (ст. 7). Кроме начальника исправительного учреждения, аналогичными по объему полномочиями обладал лишь надзирающий прокурор. Однако реализация прокурором такого полномочия была возможна только в отношении осужденных, поведение которых было лично ему известно. При этом для избежания подрыва авторитета начальника тюрьмы в глазах заключенных последние не должны были быть осведомлены о решении прокурора возбудить производство. Таким образом, фактически решающую роль в решении вопроса об инициировании производства по УДО играли лишь представители публичной власти – начальник исправительного учреждения и надзирающий прокурор.

Хотя Закон 1909 года не устанавливал основание возбуждения производства, полагаем, что оно совпадало с основанием применения УДО. Статья 2 гласила, что УДО могло быть предоставлено осужденному в том случае, если его одобрительное поведение во время заключения давало достаточные основания предполагать, что по освобождении из заключения он будет вести добропорядочный образ жизни. Таким образом, основанием применения данной меры являлось «вероятное предположение, что заключенный усвоил себе привычку воздерживаться от дурного образа жизни, укрепил в себе стремление к добру, уважение к законам и потребность в труде»<sup>11</sup> иначе говоря, вывод компетентных лиц о достижении им исправления<sup>12</sup>. С учетом того, что Закон 1909 года не устанавливал обязательного инициирования производства в отношении осужденных, отбывших необходимый срок, а в некоторых случаях предусматривал рассмотрение вопроса об УДО и до истечения указанного срока (ст.6), процессуальным основанием возбуждения производства следует считать предположение о достижении осужденным исправления. Другими словами, решение вопроса о возбуждении произ-

---

<sup>11</sup> Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 43.

<sup>12</sup> Указанные признаки определялись циркулярами Министерства юстиции по Главному тюремному управлению в качестве показателей исправления. См.: *Миклашевский А.И.* Закон 22 июня 1909 года «Об условном досрочном освобождении» с решениями уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции. – 1914. – С. 45, 77–79.

водства не предусматривало реализации каких-либо процедур, направленных на установление процессуального основания (объективных обстоятельств), а сводилось к распоряжению о возбуждении деятельности на основании обращения соответствующего субъекта или без такового.

Вторым этапом являлось рассмотрение вопроса об УДО Особым Совещанием. Хотя Закон 1909 года устанавливал, что вопрос о применении УДО разрешается на данном этапе, решение этого органа носило предварительный характер и подлежало последующему утверждению окружным судом. В состав Особого Совещания помимо представителей тюремной администрации и лиц прокурорского надзора входили представители полицейской власти (полицмейстер или уездный исправник), два представителя тюремного патроната, два представителя попечительских комитетов или обществ, тюремный врач, лицо, заведующее образованием, и священник. Председателем данного совещания являлся мировой судья или член окружного суда. Обязательный кворум состоял из председателя, начальника места заключения или его помощника, а также одного представителя от попечительских структур или патроната (ст. 7). При этом неявка на заседание одного из членов местного патроната или представителя попечительских структур служила препятствием признания законности его состава<sup>13</sup>.

Неудовлетворительное состояние отечественных исправительных учреждений и низкий уровень тюремного персонала не позволяли оставить предварительное решение вопроса об УДО в исключительной компетенции тюремного начальства и обусловили введение дополнительных гарантий в виде участия общественных и иных органов. В итоге предварительно вопрос об УДО разрешался коллегиальным органом при участии прокурорского надзора под контролем представителей судебной власти<sup>14</sup>. Раскрывая роль суда, разработчики закона писали: «Принимая во внимание, что управление ходом заседания совещания, при этом довольно многочисленного по составу, должно быть вверено лицу, имеющему в этом деле навык и стоящему по общественному и служебному своему положению вне всяких посторонних влияний, а также пользующемуся в среде местного общества солидным авторите-

---

<sup>13</sup> См.: Миклашевский А.И. Закон 22 июня 1909 года «Об условном досрочном освобождении» с решениями уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции. – 1914. – С. 49.

<sup>14</sup> См.: Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 55–57.

том, надлежит признать, что всего правильнее и полезнее для дела возложить обязанность председательствования на местного уездного члена окружного суда или мирового судью»<sup>15</sup>. Роль прокуратуры на данном этапе производства ограничивалась осуществлением традиционной для нее функции надзора. Непосредственное участие прокурора в работе Особого Совещания обуславливалось широким составом лиц, принимающих решение об УДО, но не отвечающих за реализацию наказания<sup>16</sup>. Любопытно, что такой коллегиальный порядок предварительного разрешения вопроса об УДО являлся сугубо российской особенностью и не предусматривался действовавшим в это время законодательством иных стран<sup>17</sup>.

Вопрос о предоставлении УДО разрешался Особым Совещанием по большинству голосов путем утверждения доклада председателя или лица, выступающего по его поручению. При равенстве голосов мнение председателя являлось определяющим. Хотя законом не предусматривалось участие осужденного в заседании Особого Совещания, возможность проведения бесед с ним в местах отбытия наказания не исключалась. Решение об УДО оформлялось постановлением, которое заносилось в протокол заседания с подробным изложением оснований, по которым осужденный признавался или не признавался заслуживающим досрочного освобождения. В случае несогласия кого-либо с решением большинства закон предусматривал вынесение особого мнения в письменной форме с обязательным приобщением к протоколу заседания. Ведомственными актами устанавливалось, что постановления Особого Совещания должны быть составлены на каждого осужденного отдельно с обязательным указанием сведений: о лице, возбудившем производство; об отбытии осужденным необходимого срока; о совершенном преступлении, наказании и образе жизни осужденного до осуждения (сведения из приговора); о поведении во время отбывания наказания; об условиях предстоящей заключенному по освобождению жизни, составе его семьи и сумме заработка в тюрьме; о возмещении потерпевшему причиненных преступлением убытков. Эти данные на заседании Особо-

---

<sup>15</sup> См.: Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 56.

<sup>16</sup> Там же. – С. 52–53.

<sup>17</sup> Похожий порядок предварительного разрешения вопроса об УДО предусматривался только венгерским законодательством. См.: *Миклашевский А.И.* Указ. соч. – С. 13–19.

го Совещания должно было предоставить лицо, возбуждающее производство<sup>18</sup>.

Постановление о предоставлении УДО объявлялось осужденному начальником исправительного учреждения не позже следующего дня после вынесения решения. При этом у него отбиралось письменное обязательство о соблюдении условий досрочного освобождения «для того, чтобы избежать случаев напрасного рассмотрения судом дел об УДО»<sup>19</sup>. После этого весь комплект документов передавался прокурором в окружной суд, в округе которого осужденный отбывал наказание. В случае непризнания осужденного заслуживающим УДО постановление Особого Совещания не направлялось прокурору даже при наличии особого мнения.

Следующим этапом производства по УДО являлось утверждение решения Особого Совещания окружным судом. В юридической литературе того времени идея отнесения окончательного решения вопроса об УДО к компетенции судебной власти вызывала неоднозначные оценки. По мнению ряда ученых, рассмотрение судом вопроса об УДО неоправданно усложняло производство. К тому же, как отмечалось авторами, в большинстве европейских стран применение УДО осуществляется в административном порядке<sup>20</sup>. Действительно, Российская империя являлась единственным государством, где вопрос об УДО окончательно разрешался судебными органами<sup>21</sup>. Однако такое решение было продиктовано отечественными особенностями отбытия наказания. Несудебный централизованный порядок разрешения дел об УДО, существовавший в конце XIX – начале XX в., предполагал, что окончательное решение принимал высший отраслевой орган – министр юстиции или министр внутренних дел. С учетом особенностей территориального расположения отечественных исправительных учреждений «восхождение представлений Особого Совещания к министру отняло бы несомненно долгие месяцы, в течение которых самая потребность в условном освобождении могла отпасть»<sup>22</sup>, в связи с чем необходим был упрощенный порядок принятия решения. Таким порядком мог быть толь-

---

<sup>18</sup> См.: Миклашевский А.И. Указ. соч. – С. 48–50.

<sup>19</sup> Закон от 22 июня 1909 года с изложением рассуждений, на коих он основан. – СПб., 1909. – С. 62.

<sup>20</sup> См.: Пионтковский А.А. Указ. соч. – С. 162–169.

<sup>21</sup> Там же. – С. 1–61; Миклашевский А.И. Указ. соч. – С. 14–19; Люблинский П.И. Указ. соч. – С. 369–371, 387.

<sup>22</sup> Люблинский П.И. Указ. соч. – С. 387.

ко судебный, так как только он мог обеспечить законное и обоснованное применение УДО независимым субъектом на основе объективной оценки соответствующих условий и обстоятельств<sup>23</sup>. Учитывая, что УДО в правовом плане расценивалось большинством ученых в качестве меры специального карательного воздействия на осужденного, представляется логичным включение решения вопроса о его применении в компетенцию судебных органов.

Закон 1909 года устанавливал, что окружной суд по предложению прокурора рассматривал дело об УДО в распорядительном заседании в ближайший присутственный день. В случае необходимости суд имел право требовать дополнительных сведений или вызывал в заседание для дачи объяснений членов Особого Совещания. Определение окружного суда по вопросу об УДО не подлежало обжалованию и немедленно, по постановлению, обращалось к исполнению на общем основании (ст. 13).

Устав уголовного судопроизводства относил рассмотрение вопросов, связанных с УДО, к стадии исполнения приговора. При этом ст. 955 Устава устанавливала, что эти вопросы должны разрешаться в распорядительном заседании, как не касающиеся существа дела. Несмотря на то, что ст.ст. 141 и 151 Учреждения судебных установлений устанавливали упрощенный порядок проведения распорядительных заседаний (негласно при отсутствии сторон с факультативным участием прокурора), в ходе утверждения постановления Особого Совещания окружным судом не исключался допрос мирового судьи и осужденного по отдельным вопросам УДО<sup>24</sup>. Вместе с тем это не меняло содержания процессуальной деятельности: производство по УДО в окружном суде относилось к упрощенному уголовно-процессуальному порядку.

Любопытно, что в дореволюционной литературе подчеркивалась специфичная природа уголовно-процессуального этапа деятельности по УДО. П.И. Люблинский по этому поводу писал: «Вверяя всецело суду вопрос о предоставлении и отмене условного освобождения, закон тем самым возлагает на суд новые и своеобразные функции. Здесь суд решает вопрос о характере и общем поведении лица, а не о каком-либо преступном деянии. Он устанавливает критерий личной опасности деятеля. До настоящего времени критерий субъективной опасности уста-

---

<sup>23</sup> Люблинский П.И. Указ. соч. – С. 387.

<sup>24</sup> См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 574.

навливался только административной властью. Новый русский закон вручает эту функцию власти судебной и тем самым значительно расширяет ее функции, намечая для нее новые перспективы»<sup>25</sup>. Отрадно, что, отмечая самостоятельность процессуальной деятельности по УДО, дореволюционные ученые усматривали специфику производства в особом, отличном от производства по уголовному делу, предмете процессуальной деятельности и частичную обусловленность административным началом. Между тем, указывая на особенности производства по УДО, ученые расходились во взглядах относительно его процессуальной сути. Одни полагали, что, разрешая дела об УДО, окружной суд осуществляет функцию судебного контроля над исполнением приговора и деятельностью нижестоящих (мировых) судов<sup>26</sup>. Другие считали, что производство по УДО в процессуальном плане представляет собой одну из форм внесения относительной неопределенности в размер карательного воздействия, устанавливаемый приговором суда<sup>27</sup>. Первые аргументировали свою позицию тем, что предметом судебной деятельности в ходе производства в окружном суде является оценка формальной законности принятого Особым Совещанием (мировым судьей) решения без рассмотрения его по существу с позиции целесообразности и фактической обоснованности<sup>28</sup>. Вторые говорили о том, что предметом судебной оценки служит ранее вынесенный приговор суда в части назначенного наказания<sup>29</sup>. С учетом того, что законодательство детально не разрабатывало уголовно-процессуальный этап производства по УДО, любая из приведенных позиций представлялась обоснованной. Значение этих концепций заключается в том, что они послужили основой для последующих научных подходов к определению процессуальной сущности производства по УДО.

Закон 1909 года устанавливал, что по получению выписки из определения окружного суда о представлении осужденному УДО начальник исправительного учреждения в течение суток приводил решение суда в исполнение. Если ему становились известны какие-либо обстоятельства, препятствующие предоставлению УДО и не учтенные судом, он, не приостанавливая исполнения судебного решения, докладывал о них

---

<sup>25</sup> Люблинский П.И. Указ. соч. – С. 388.

<sup>26</sup> Там же. – С. 390.

<sup>27</sup> См.: Пионтковский А.А. Указ. соч. – С. 145–148; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 2. – С. 569–570, 573–574.

<sup>28</sup> См.: Люблинский П.И. Указ. соч. – С. 402–403.

<sup>29</sup> Пионтковский А.А. Указ. соч. – С. 146.

прокурору для возбуждения в окружном суде производства по пересмотру вынесенного определения (не вступившего в законную силу). Таким образом, фактически существовало упрощенное контрольное производство в рамках процессуальной деятельности по УДО.

Функции судебной власти в производстве по УДО не ограничивались разрешением вопроса по существу. Закон 1909 года возлагал на мировых судей обязанности по постпенитенциарному наблюдению за поведением осужденного, а также разрешению вопросов, касающихся изменения или отмены некоторых условий УДО (ст.ст. 15, 16, 21). Вопросы отмены самой меры в случае нарушений условий ее предоставления разрешались окружным судом по представлению мирового судьи в распорядительном заседании с участием осужденного.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы:

1. Производство по УДО в начале XX в. носило комплексный характер, включающий в себя элементы административной, уголовно-процессуальной и общественной деятельности при ведущей роли судебных органов.

2. Ведущая роль судебных органов в разрешении вопроса о предоставлении досрочного освобождения являлась характерной чертой российского производства по УДО и определялась особенностями отечественной системы организации отбывания наказания.

3. Производство по УДО включало в себя четыре основных этапа: возбуждение, предварительное решение дела Особым Совещанием, утверждение предварительного решения Особого Совещания окружным судом и исполнение утвержденного решения.

4. Уголовно-процессуальный этап деятельности по применению УДО представлял собой упрощенное производство в рамках стадии исполнения приговора, имеющее контрольное значение по отношению к рассмотрению вопроса Особым Совещанием.

5. Предметом судебной деятельности являлась оценка личной опасности осужденного, на основании которой разрешался вопрос об изменении карательного воздействия, возлагаемого приговором суда.

## **§ 2. Рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении в 1918–2001 годы**

Первым советским законодательным актом, регулирующим вопросы УДО, был Декрет № 2 «О суде» от 7 марта 1918 года. Статья 32 этого акта предоставляла всем лицам, осужденным по приговорам народ-



ного суда, право просить местный народный суд по месту жительства просителя об условном или досрочном освобождении, а также о помиловании или восстановлении в правах. «Если местный суд, – закреплялось в Декрете, – придет к заключению, что ходатайство это не лишено серьезных оснований, он передает дело по первоначальной подсудности»<sup>30</sup>. Хотя Декрет устанавливал, что производство об УДО не исключалось в отношении лиц, осужденных упраздненными дореволюционными судами, при условии сохранения уголовного дела, тем не менее это не означало, что все осужденные могли рассчитывать на УДО. Осужденные ревтрибуналами в период революции досрочному освобождению не подлежали.

Следующим советским актом, регулирующим вопросы УДО, стала утвержденная постановлением НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 года Временная инструкция о лишении свободы, как меры отбытия наказания, и о порядке отбывания такового<sup>31</sup>. Этот документ имел принципиальное значение, так как возрождал основные элементы производства по УДО, присущие дореволюционному законодательству, а также устанавливал ряд новых ключевых положений. Прежде всего, он расширял круг лиц, имеющих право ходатайствовать перед судом об УДО, включая в него осужденного, близких ему лиц, распределительные комиссии, администрацию исправительных учреждений, а также суд. Во-вторых, учреждал губернские распределительные комиссии при местных карательных отделах, рассмотрение вопроса об УДО на заседаниях которых представляло собой первый этап разрешения вопроса о досрочном освобождении.

Распределительные комиссии являлись коллегиальным органом, состоящим из представителей губернского суда, администрации мест лишения свободы, а также лиц, «избираемых губернским исполнительным комитетом из числа сведущих и интересующихся пенитенциарными вопросами» для осуществления контроля за деятельностью администрации мест лишения свободы<sup>32</sup>. Учитывая, что «сведущие лица» были первыми представителями советской общественности, можно заключить, что данный орган представлял собой обновленный вариант Особого Совещания. Наделяя распределительные комиссии правом обра-

---

<sup>30</sup> СУ РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.

<sup>31</sup> Там же. – № 53. – Ст. 598.

<sup>32</sup> Улицкий С.Я. Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность). – Владивосток, 2002. – С. 11.

шения в суд с ходатайством об условном освобождении, Инструкция устанавливала процессуальное основание обращения – «если комиссия признает, что заключенный по своим индивидуальным качествам не нуждается в мерах воздействия и исправления»<sup>33</sup>, дублируя в качестве такового субъективное усмотрение компетентных органов, также ранее известное отечественному законодательству.

25 ноября 1918 года постановлением НКЮ РСФСР была утверждена «Инструкция о досрочном освобождении»<sup>34</sup>. В процессуальном плане указанный документ подтверждал исключительную роль суда в применении УДО. Положительным моментом являлось четкое определение территориальной подсудности дел об УДО – такие вопросы решал народный суд по месту отбытия осужденным наказания. Данный акт регламентировал состав суда, включая в него постоянно присутствующего профессионального судью и двух или шесть народных заседателей, приглашаемых в зависимости от состава суда, постановившего приговор. Прогрессивным новшеством являлось установление срока рассмотрения ходатайства об УДО – один месяц со дня поступления его в суд.

Инструкция впервые содержала подробный регламент порядка судебного заседания. В частности, устанавливалось, что судебное заседание носило открытый характер и в нем принимал участие осужденный. Специфичной чертой являлось обязательное присутствие эксперта в области отбывания наказания – представителя коллегии воспитателей мест заключения или ее заведующего. После рассмотрения ходатайства и заслушивания эксперта суд выносил решение по существу рассматриваемого дела. Решение об УДО оформлялось определением с обязательным указанием на последствия совершения лицом нового преступления и орган советского патроната, а при его отсутствии – на другое учреждение или лицо, на которое возлагалась обязанность по надзору за досрочно освобожденным.

30 ноября 1918 года ВЦИК РСФСР принимает Декрет «О народном суде РСФСР», в ст. 79 которого предоставляет народному суду право «досрочного освобождения, помилования и восстановления в правах осужденных как по их личному или близких ходатайству, так и по представлению органов, применяющих наказание, в порядке, предусмотренном Инструкцией о досрочном освобождении»<sup>35</sup>.

---

<sup>33</sup> Улицкий С.Я. Указ. соч. – С. 11.

<sup>34</sup> СУ РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 890.

<sup>35</sup> Там же. – Ст. 889.

Постановлением от 7 августа 1920 года НКЮ «Об изменении Инструкции о досрочном освобождении» в порядок производства по УДО были внесены существенные изменения<sup>36</sup>. Во-первых, сузился круг субъектов, имеющих право возбуждать производство: суды и революционные трибуналы были лишены такого права. Во-вторых, революционному трибуналу или народному суду, рассматривающему дело об УДО, предписывалось в обязательном порядке затребовать уголовное дело из суда, постановившего приговор.

Запрещение судебным органам возбуждать производство об УДО, по мнению некоторых ученых, способствовало объективному и беспристрастному вынесению решения об УДО на основании убеждения, сложившегося при рассмотрении дела<sup>37</sup>. Действительно, возможности суда как органа, разрешающего дело по существу, должны ограничиваться только данным полномочием. Вместе с тем, когда речь идет о решении вопросов, связанных с отбыванием наказания в условиях нестабильных общественных отношений, следует создавать дополнительные гарантии, позволяющие осужденному, находящемуся в зависимом от карательно-исправительных органов положении, реализовывать предоставляемые ему возможности по досрочному освобождению. С учетом отсутствия единых органов надзора за законностью деятельности уголовно-исполнительных учреждений<sup>38</sup>, одной из существенных гарантий обеспечения реализации притязания осужденного на УДО являлось возбуждение вопроса о досрочном освобождении судебными органами. В связи с этим, представляется, что лишение суда такого права не могло расцениваться в качестве прогрессивной меры.

Вторая поправка указывала на то, что предметом судебной оценки наряду с поведением осужденного в период отбытия наказания являлась его общественная опасность в момент совершения преступления, а также тяжесть и обстоятельства совершения преступления. Такой нетипичный подход к содержанию предмета производства по УДО объясняется сложной обстановкой Гражданской войны, когда интересы общественной безопасности диктовали необходимость установления допол-

---

<sup>36</sup> СУ РСФСР. – 1920. – № 70. – Ст. 322.

<sup>37</sup> См.: *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 12; *Улицкий С.Я.* Указ. соч. – С. 17.

<sup>38</sup> См.: *Спиридонов Б.М.* Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. – М., 1978. – С. 13–26.

нительных критериев оценки субъективной опасности личности, к тому же не исключавших реализацию классового подхода.

Принципиальное значение в становлении производства об УДО сыграло и «Положение об общих местах заключения РСФСР», введенное постановлением НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 года<sup>39</sup>. Данный документ последовательно реализовывал принципы прогрессивной системы отбывания наказания, предоставляя распределительным комиссиям право уменьшения срока пребывания осужденных в различных разрядах (испытуемые, исправляющиеся, образцовые) по представлению коллегии места заключения. С учетом того, что пребывание осужденного в образцовом отряде служило необходимым условием последующего УДО, данный орган получал значительные полномочия при решении вопроса о досрочном освобождении.

21 марта 1921 года СНК РСФСР принимает Декрет «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных»<sup>40</sup>. Данный акт расширял круг лиц, могущих ходатайствовать об УДО, включая в него наряду с осужденными и их близкими также организации, учреждения и должностных лиц советских государственных органов; отказался от безусловного досрочного освобождения; определил, что в случае нарушения условий предоставления УДО осужденный до постановления нового приговора лишается свободы по постановлению судебного и следственного органа.

Дальнейшее формирование советского типа производства по УДО связано с принятием в 1922 году Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РСФСР. Указанные документы окончательно определили содержание, структуру и место производства по УДО в системе уголовного и уголовно-исполнительного производства Советской России, вобрав в себя предшествующий опыт правового регулирования досрочного освобождения.

УК РСФСР 1922 года предусматривал УДО осужденных к лишению свободы и принудительным работам, если они отбыли не менее половины срока. Статья 51 этого Кодекса вводила дополнительный этап в досудебное производство по УДО – рассмотрение вопроса о возможности УДО осужденного на заседании наблюдательной комиссии, в состав которой входили: начальник места заключения – председатель комис-

---

<sup>39</sup> СУ РСФСР. – 1921. – № 23. – Ст. 141.

<sup>40</sup> Там же. – Ст. 138.

сии, народный судья и представитель профсоюзной организации<sup>41</sup>. Таким образом, производство по УДО включало в себя фактически три этапа: два досудебных – рассмотрение ходатайства об УДО в наблюдательной, а затем губернской распределительной комиссии и один судебный – разрешение вопроса по существу судом по месту исполнения наказания.

УПК РСФСР 1922 года относил окончательное разрешение вопроса об УДО к предмету стадии исполнения приговора. В связи с учреждением в 1922 году института советской прокуратуры данный акт предусматривал участие прокурора в судебном разбирательстве с правом делать заключение на обращение о предоставлении УДО. Небезынской особенностью первого УПК РСФСР является закрепление в производствах, связанных с исполнением приговора, участия защитника осужденного. Помимо прокурора и защитника, в судебном заседании мог принимать участие осужденный. Закон также устанавливал обязательного участника судебного производства – представителя распределительной комиссии. Статья 479 УПК РСФСР 1922 года содержала прямой запрет на обжалование определений суда об отказе в УДО. В случае совершения нового преступления условно освобожденным суд выносил специальное определение об отмене УДО либо совместно с приговором, либо отдельно в судебном заседании с участием прокурора<sup>42</sup>.

Следует отметить, что наряду с общим порядком судопроизводства советское законодательство того времени предусматривало альтернативный порядок применения уголовно-правовых норм, осуществляемый специализированными судебными органами – революционными трибуналами и полковыми судами. Однако, несмотря на наличие специализированного судопроизводства, законодатель не исключал применение УДО и в отношении лиц, осужденных данными органами. Так, Положение о полковых судах, принятое 10 июля 1919 года, наделяло полковые суды правом применения УДО<sup>43</sup>. Аналогичные требования содержались в Декрете ВЦИК «О революционном трибунале» от 12 апреля 1919 года<sup>44</sup>.

Подводя итог этому этапу развития советского правового регулирования производства по УДО, можно сделать следующие выводы:

---

<sup>41</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 15.

<sup>42</sup> Там же. – С. 13–14.

<sup>43</sup> Улицкий С.Я. Указ. соч. – С. 14.

<sup>44</sup> СУ РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 132.

1. Несмотря на тяжелую социальную обстановку Гражданской войны, новое советское законодательство не упразднило институт УДО, наделив правом применять данную меру не только общие, но и специализированные суды. Такое решение объясняется тем, что УДО продолжало рассматриваться отечественными учеными в качестве необходимого элемента карательно-исправительной политики советского государства.

2. В противовес провозглашаемому отходу от дореволюционной правоприменительной практики советское законодательство постепенно возвратилось к ранее существовавшему порядку правового регулирования процессуальной деятельности по УДО, установив судебную процедуру разрешения дел об УДО.

3. Положительной чертой первоначального советского этапа правового регулирования производства по УДО является «демократизация» процессуальной деятельности, выразившаяся в закреплении широкого круга субъектов, могущих возбуждать производство, гласности и коллегиальности судебного разбирательства, а также возможности участия в судебном заседании осужденного, его защитника, представителя распределительной комиссии и администрации, а также прокурора.

Вместе с тем, несмотря на появление положительных тенденций дальнейшего расширения уголовно-процессуального регулирования производства по УДО, в начале 20-х годов прошлого века начинают проявляться тревожные предпосылки введения внесудебного порядка разрешения этих дел. Первым шагом ограничения судебного порядка разрешения дел об УДО стала передача в 1922 году мест лишения свободы из ведения НКЮ в ведение НКВД. Устанавливалось, что такое решение носило временный характер и объяснялось необходимостью урегулирования хозяйственной деятельности исправительных учреждений<sup>45</sup>. Одновременно с организационными мерами в печати и научно-практических кругах стала проводиться идеологическая работа по подготовке решений об упрощении судебного характера производства по УДО<sup>46</sup>. В результате Декретом ВЦИК РСФСР от 5 марта 1923 года «Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы» впервые был установлен

---

<sup>45</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 14–15.

<sup>46</sup> Там же.

альтернативный порядок упрощенного рассмотрения данных дел<sup>47</sup>. Декрет предписывал: «В отступление от ст. 55 Уголовного и ст. 453 Уголовно-процессуального кодексов предоставить право губернским распределительным комиссиям возбуждать ходатайство об условно-досрочном освобождении женщин, а соответствующим судебным учреждениям и *органам Государственного политического управления* удовлетворять таковые и до отбытия половины срока» (курсив автора. – *О.В.*). Декрет ВЦИК РСФСР от 18 июля 1923 года установил упрощенный порядок разрешения дел об УДО для осужденных за приготовление и сбыт спиртных напитков<sup>48</sup>. Производство о досрочном освобождении в отношении данных заключенных не предусматривало инстанционности и осуществлялось комиссиями при губернских исполкомах, состоящих из представителей прокуратуры, управлений НКВД и губернских судов.

16 октября 1924 года вторая сессия ВЦИК XI созыва утверждает Исправительно-трудовой кодекс РСФСР<sup>49</sup>, существенным образом изменивший производство по УДО. С введением данного закона окончательный вопрос о применении УДО разрешали не судебные органы, а распределительная комиссия. Распределительные комиссии образовывались при соответствующих инспекциях мест заключения и включали в себя инспектора мест заключения, члена губернского или областного суда, представителя РКИ, члена губернского или областного совета профсоюзов, члена комитета помощи содержащимся в местах заключения и освобожденным из них. Статья 20 устанавливала, что распределительная комиссия рассматривала дела об УДО после предварительного обсуждения и представления ей материалов наблюдательной комиссией. Наблюдательные комиссии учреждались при каждом месте заключения и включали в себя начальника учреждения, народного судью и представителя бюро профсоюза (ст. 19 ИТК).

Губернский прокурор вправе был опротестовывать постановление распределительной комиссии в течение трех дней после его вынесения. В этом случае исполнение постановления приостанавливалось. Постановление ВЦИК РСФСР от 5 мая 1925 года устанавливало, что протесты на решения распределительной комиссии рассматривались комисси-

---

<sup>47</sup> Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. – М., 1953. – С. 157.

<sup>48</sup> См.: *Свиридов М.К.* Указ. соч. – С. 16.

<sup>49</sup> СУ РСФСР. – 1924. – № 86. – Ст. 870.

ей в составе представителя Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР – председателя, начальника Главного управления мест заключенных НКВД РСФСР и помощника прокурора республиканского НКЮ<sup>50</sup>. Таким образом, все этапы рассмотрения и разрешения вопроса об УДО приобрели административную форму. Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 года внесло изменения в ч. 1 ст. 458 УПК РСФСР, закрепив, что УДО может последовать по постановлению распределительной комиссии лишь по отбытии присужденным к лишению свободы или принудительным работам не менее половины срока наказания, за исключением случаев тяжелой неизлечимой или душевной болезни, когда УДО может быть вынесено судом и ранее истечения  $\frac{1}{2}$  срока наказания<sup>51</sup>. Любопытно, что, устанавливая административный порядок разрешения вопросов об УДО, законодатель не исключал соответствующие нормы из УПК, а изменял их, оставляя в уголовно-процессуальном массиве. Вместе с тем, несмотря на заявления некоторых практических работников НКЮ и НКВД об уголовно-процессуальной природе данных полномочий<sup>52</sup>, отраслевая принадлежность этих норм не меняла их правовой сути – по своей природе они являлись административными.

В связи с образованием в 1922 году Союза ССР 31 октября 1924 года ЦИК СССР принял Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик<sup>53</sup>. Статья 38 Основных начал гласила: «К лицам, присужденным к срочным мерам социальной защиты и обнаружившим исправление, может быть применено условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания определенной судом меры социальной защиты. Оно ... применяется судом, вынесшим приговор, или судом того района, где содержится осужденный». Такое решение законодателя хотя и противоречило ст. 16 ИТК РСФСР, тем не менее не изменило практику окончательного разрешения вопросов об УДО распределительными комиссиями.

Вместе с тем положениями Основных начал воспользовались некоторые советские республики – Украинская и Туркменская ССР, предусмотрев участие судебных учреждений в производстве по УДО<sup>54</sup>. Такое

---

<sup>50</sup> Улицкий С.Я. Указ. соч. – С. 24.

<sup>51</sup> Там же. – С. 24–25.

<sup>52</sup> Там же. – С. 25.

<sup>53</sup> СЗ СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 206.

<sup>54</sup> Улицкий С.Я. Указ. соч. – С. 31.



решение вызвало критическую оценку научно-практических кругов: «Украинский кодекс наносит явный ущерб пенитенциарным интересам, лишая распределительные комиссии права рассмотрения и разрешения дел об условно-досрочном освобождении – этой основной и важнейшей функции исправительно-трудовых органов – и оставляя ее в ведении судебных органов»<sup>55</sup>. Справедливости ради следует отметить, что ИТК УССР допускал только судебный пересмотр решений распределительных комиссий, отставляя за последними право разрешения дела по существу. Чисто судебное производство устанавливалось лишь в отношении осужденных чрезвычайными сессиями Верховного Суда УССР и Главного суда Молдавской АССР, однако аналогичные правила существовали и в РСФСР. Тем не менее приведенная критика свидетельствовала о явном стремлении расширить внесудебные процедуры рассмотрения вопросов об УДО<sup>56</sup>.

Однако разрешение вопросов УДО распределительными комиссиями вскоре обнаружило серьезные недостатки. Создание единственной распределительной комиссии на одну губернию приводило к перегрузке ее деятельности. К тому же эти комиссии были оторваны от заключенных, непосредственно не общались с ними и не могли знать их личных качеств. В связи с этим они были упразднены, а функции по рассмотрению вопросов об УДО переданы наблюдательным комиссиям<sup>57</sup>. Вновь принятая редакция ИТК РСФСР (от 30 октября 1929 года) устанавливала, что в состав наблюдательных комиссий входили председатель суда, представитель администрации мест заключения, представитель РКИ и не менее трех представителей общественных организаций. Статья 16 ИТК РСФСР определяла, что постановления наблюдательных комиссий по вопросам УДО могли быть обжалованы и опротестованы в суд в течение семи суток. При этом принесение протеста приостанавливало их исполнение<sup>58</sup>. 28 февраля 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР внесли аналогичные изменения в ст.ст. 458 и 463 УПК РСФСР, установив, что право применения УДО принадлежит наблюдательным комиссиям<sup>59</sup>.

Следует отметить, что упрощение производства по УДО коснулось и органов специализированной юстиции. 7 апреля 1930 года СНК СССР

---

<sup>55</sup> Утевский Б. Исправительно-трудовой кодекс УССР // Административный вестник. – 1926. – № 7. – С. 42–43.

<sup>56</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 21–26.

<sup>57</sup> См.: Елеонский В.А. Наблюдательные комиссии. – М., 1966. – С. 3–5.

<sup>58</sup> Улицкий С.Я. Указ. соч. – С. 33.

<sup>59</sup> Там же. – С. 34.

утвердил Положение об исправительно-трудовых лагерях, в которые направлялись лица, приговоренные судом к лишению свободы на срок не ниже трех лет, либо лица, осужденные особым постановлением ОГПУ<sup>60</sup>. В отношении последней категории осужденных устанавливался особый порядок разрешения вопроса об УДО. Так, п. 5 постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 года «Об Особом Совещании при народном комиссаре ВД Союза ССР» устанавливал: «Особому Совещанию предоставляется право: а) в зависимости от поведения сосланных и заключенных в исправительно-трудовые лагеря, на основе отзывов соответствующих органов НКВД Союза ССР, сокращать срок пребывания в ссылке или исправительно-трудовом лагере; б) освобождать от дальнейшего пребывания в специальных трудовых поселениях»<sup>61</sup>.

Таким образом, к началу 30-х годов прошлого столетия окончательно установился внесудебный порядок разрешения дел об УДО. Такой порядок просуществовал почти десять лет и был упразднен в связи с фактической ликвидацией института УДО в советском праве: в 1939 году нормы об УДО были исключены из Основных начал, уголовных и уголовно-процессуальных кодексов практически всех республик Союза ССР. Символично, что упрощение производства по УДО совпало с пиком массовых репрессий второй половины 30-х годов. Возможно, этим фактом объясняется настороженное отношение научной общественности к предложениям об упрощении современного производства об УДО. Тем не менее историческая ретроспектива показывает обширный опыт внесудебного рассмотрения дел об УДО. Его характерными чертами являлись наличие инстанционной системы коллегиальных органов, сочетающих в своей деятельности превалирующие административные процедуры принятия решения с элементами контрольного прокурорского или судебного участия.

Следующий этап развития производства об УДО связан с принятием 24 апреля 1954 года Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет». Данный акт устанавливал, что дело о досрочном освобождении рассматривал суд по месту содержания заключенных по представлению администрации мест заключения. Суды могли рассматривать вопрос о сокращении срока наказания

---

<sup>60</sup> СЗ СССР. – 1930. – № 22. – Ст. 248

<sup>61</sup> СЗ СССР. – 1935. – № 11. – Ст. 84.

по отбытии осужденным не менее шести месяцев лишения свободы<sup>62</sup>. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 года «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» ранее существовавшие правила рассмотрения вопросов об УДО в отношении лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, стали применяться для производств по УДО ко всем категориям осужденных<sup>63</sup>.

21 апреля 1955 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке рассмотрения судами дел о досрочном и условно-досрочном освобождении из мест заключения»<sup>64</sup>. Указ устанавливал, что дела об УДО должны рассматриваться по представлению администрации мест заключения Верховным судом союзной, автономной республики, краевым (областным) судом, судом автономной области, а при значительной удаленности от этих судов – ближайшим народным судом. Дела об УДО за контрреволюционные преступления, а также за умышленное убийство, бандитизм, разбой и крупные хищения государственного или общественного имущества подлежали рассмотрению только в Верховном суде союзной, автономной республики, краевым (областным) судом, судом автономной области. Представление об УДО рассматривалось в судебном заседании без истребования уголовного дела, но с участием прокурора, представителей администрации места заключения. Не исключалось также присутствие осужденного. Определения об УДО не подлежали обжалованию, но могли быть опротестованы. Внесение надзорного протеста приостанавливало исполнение решения суда.

Данные документы не только возрождали существовавшие ранее принципы отечественного производства по УДО, предоставляя разрешение дел об УДО исключительной компетенции судебной власти и ограничивая полномочия уголовно-исполнительных органов осуществлением функций ординарного участника процесса, но и создавали серьезный фундамент для последующей теоретической разработки этого института в рамках уголовного процесса. С их принятием в уголовно-процессуальной науке появляется четкий курс на дальнейшее совер-

---

<sup>62</sup> Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959. – С. 317.

<sup>63</sup> Там же. – С. 318.

<sup>64</sup> Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик. – М., 1957. – С. 30.

шенствование вопросов процедуры и процессуальных гарантий в ходе процессуальной деятельности по УДО. Ради объективности, следует отметить, что, несмотря на отмеченное обстоятельство, основное внимание научной общественности было приковано в основном к материально-правовым аспектам УДО<sup>65</sup>. Вопросам производства были посвящены лишь единичные работы<sup>66</sup>. Такое отношение к проблеме объясняется продолжительным отсутствием данного института в правовом массиве РСФСР, а также недооценкой ведущими процессуалистами проблем исполнения приговора<sup>67</sup>.

В 1957 году принимается Положение о наблюдательных комиссиях, в соответствии с которым наблюдательные комиссии стали создаваться на правах органов общественности при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся, на территории которых имелись исправительно-трудовые учреждения<sup>68</sup>.

Дальнейшее развитие производства по УДО связано с принятием в 1958 году Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик и принятыми в 1959–1961 годах на их основе уголовно-процессуальными кодексами союзных республик.

14 февраля 1959 года Президиум Верховного Совета СССР принимает постановление «О порядке введения в действие Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления»<sup>69</sup>, в п. 7 которого устанавливает альтернативную подсудность по делам об УДО, предписывая их рассмотрение народным судам или вышестоящим судам по месту исполнения приговора. В п. 8 этого доку-

---

<sup>65</sup> См.: *Володарский П.Г.* Институт досрочного освобождения и практика его применения // Советское государство и право. – 1957. – № 7. – С. 48–51; *Ефимов М.А.* Условно-досрочное освобождение по советскому уголовному праву: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Л., 1958; *Киселев А.* Условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким // Социалистическая законность. – 1957. – № 6. – С. 5–7; *Чопоров М.* Об институтах безусловного и условно-досрочного освобождения // Социалистическая законность. – 1959. – № 7. – С. 69–70.

<sup>66</sup> См.: *Кузнецов К.* Некоторые вопросы рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении от наказания // Советская юстиция. – 1959. – № 7. – С. 23–26; *Перлов И.Д.* Институт условно-досрочного освобождения и практика его применения // Социалистическая законность. – 1957. – № 3. – С. 45–49.

<sup>67</sup> См.: *Алексеев Н.А., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – С. 22.

<sup>68</sup> *Елеонский В.А.* Указ. соч. – С. 5.

<sup>69</sup> Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 7. – Ст. 60.

мента определяются правила повторного внесения представлений: в отношении осужденных, которые должны отбывать не менее 2/3 наказания, – не ранее чем через год после отказа, в отношении остальных – не ранее шести месяцев с момента отказа в УДО.

27 октября 1960 года Третьей сессией Верховного Совета РСФСР V созыва был принят УПК РСФСР, вступивший в силу 1 января 1961 года<sup>70</sup>. Данный документ, обобщая предшествующий опыт правового регулирования уголовно-процессуального производства по УДО, посвятил этим вопросам ст.ст. 357, 363, 368 и 369. В них устанавливалось, что УДО производится определением районного (городского) суда независимо от суда, вынесшего приговор, по совместному представлению исправительно-трудового учреждения и наблюдательной комиссии по месту отбывания наказания или месту нахождения органа, на который возложено исполнение приговора о ссылке и высылке. В отношении несовершеннолетних осужденных функции наблюдательной комиссии могла осуществлять комиссия по делам несовершеннолетних. Освобождение от наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью могло производиться по ходатайству общественной организации, коллектива трудящихся или осужденного. Повторное обращение в случае отказа допускалось не ранее чем по прошествии шести месяцев. Статья 369 определяла порядок судебного производства, устанавливая, что дела об УДО рассматриваются коллегиально при участии прокурора, а также представителя органа, исполняющего наказание. Не исключалось участие осужденного («В заседании, как правило, участвует осужденный») и представителя наблюдательной комиссии. Рассмотрение дела начиналось докладом председательствующего, после чего суд заслушивал явившихся в заседание лиц и заключение прокурора. Затем суд удалялся на совещание для вынесения решения. Статья 367 УПК РФ предусматривала возможность принесения протеста прокурора на определение об УДО в порядке надзора. В 1963 году прокурору были предоставлены права по опротестованию определений об УДО в кассационном порядке<sup>71</sup>.

Последующие изменения производства по УДО касались в основном этапа возбуждения уголовно-процессуальной деятельности (вопросов подачи представлений) и обусловливались изменениями уголовного

---

<sup>70</sup> Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

<sup>71</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 45.

законодательства. Так, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 мая 1970 года право внесения представления в отношении осужденных, отбывающих наказания в дисциплинарных батальонах, предоставлялось командирам дисциплинарных батальонов<sup>72</sup>. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 года в отношении условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду право совместного принесения представления наряду с наблюдательными комиссиями получили общественные организации по месту работы осужденного<sup>73</sup>.

Существенные изменения в производстве по УДО произошли в 90-х годах прошлого столетия. 6 марта 1992 года был установлен единоличный судебный порядок разрешения дел об УДО<sup>74</sup>. Законом РФ от 18 февраля 1993 года общественные организации были исключены из числа субъектов, могущих участвовать в принесении представления<sup>75</sup>. Вслед за этим Федеральным законом от 21 декабря 1996 года из производства об УДО была исключена деятельность наблюдательных комиссий<sup>76</sup>. В результате, учитывая ограниченный круг субъектов, могущих возбуждать процессуальную деятельность по УДО согласно УПК РСФСР, право возбуждения уголовно-процессуального производства по УДО осталось лишь у администрации органов и учреждений, исполняющих наказания.

В связи с принятием 17 декабря 1998 года Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» Федеральным законом от 7 августа 2000 года в ст. 363 УПК РСФСР были внесены изменения, предоставившие мировым судьям право рассматривать дела об УДО по вопросам, отнесенным к их подсудности<sup>77</sup>.

Таким образом, тенденцией развития производства второй половины 50-х – конца 90-х годов стало упрощение процессуальной деятельности при сохранении решающей роли суда.

---

<sup>72</sup> История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. – М., 1997. – С. 411.

<sup>73</sup> История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. – М., 1997. – С. 467.

<sup>74</sup> Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 27. – Ст. 1560.

<sup>75</sup> Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 360.

<sup>76</sup> СЗ РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5881.

<sup>77</sup> СЗ РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3345.

Несмотря на детальное регулирование производства по УДО уголовно-процессуальным законодательством, многие вопросы оставались открытыми, в связи с чем немаловажную роль в оптимизации процессуальной деятельности сыграла судебная практика. Среди руководящих разъяснений особое значение имели такие акты Пленума Верховного Суда СССР, как постановление № 2 от 4 марта 1961 года «О судебной практике по условно-досрочному освобождению осужденных от наказания», постановление № 19 от 18 декабря 1963 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике по применению законодательства об условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким», постановление от 23 декабря 1964 года «О некоторых процессуальных вопросах, возникающих в судебной практике при исполнении приговоров», постановление № 9 от 19 октября 1971 года «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким»<sup>78</sup>. Указанные постановления были направлены на уточнение предмета доказывания, совершенствование процессуального порядка подготовки и рассмотрения материалов дел, улучшение организации деятельности суда по рассмотрению и разрешению вопросов УДО. Наряду с разъяснениями высших судебных органов РСФСР и СССР в этот период была также проведена активная работа по обобщению судебной практики по вопросам производства по УДО<sup>79</sup>.

Резюмируя итоги проведенного исторического анализа, можно выделить следующие этапы развития производства по УДО:

1. С 1918 по 1923 год – становление и формирование советского типа процессуальной деятельности по УДО. Для этого периода характерно использование дореволюционного опыта разрешения вопросов об УДО в условиях построения общественных отношений советского типа.

2. Производство по УДО после принятия ИТК РСФСР от 16 октября 1924 года и до отмены УДО в 1939 году. Безуспешная попытка использования внесудебных процедур при рассмотрении и разрешении дел об УДО.

---

<sup>78</sup> Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1985. – М., 1987. – С. 770–774.

<sup>79</sup> См.: Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М., 1983. – С. 61, 63–65, 67–68, 72–75.

3. Производство по УДО с 1954 года до принятия УПК РФ 2001 года. Возвращение и дальнейшее совершенствование производства по УДО в рамках уголовного процесса.

Проведенный анализ развития ранее действовавшего законодательства, регулирующего применение УДО, позволяет сделать вывод о том, что определяющей исторической тенденцией развития отечественного производства по УДО является последовательное совершенствование уголовно-процессуальной деятельности по применению УДО, повышение роли суда в рассмотрении и разрешении этих дел.

### **§ 3. Правовая природа производства по делам об условно-досрочном освобождении**

Проблема определения правовой природы производства по УДО является предметом пристального научного внимания с момента появления досрочного освобождения в российском законодательстве. На сегодняшний день она также не утратила своей актуальности: УПК РФ, по сути, ввел новую процессуальную категорию, определяя порядок применения УДО как один из видов уголовно-процессуального производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Советская юридическая наука рассматривала процессуальную деятельность по УДО в рамках стадии исполнения приговора<sup>80</sup>. При этом одни ученые полагали, что данный порядок приближен к порядку, установленному для производства в суде второй инстанции<sup>81</sup>. Другие рассматривали его как одну из форм реализации относительно неопределенных приговоров<sup>82</sup>, в то время как третьи высказывали мнение, что

---

<sup>80</sup> См.: *Куцова Э.Ф.* Исполнение приговора. – М., 1960. – С. 18; *Перлов И.Д.* Исполнение приговора. – М., 1963. – С. 13; *Литвинов Р.В.* Разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговоров. – Воронеж, 1964. – С. 3; *Матвиенко Е.А.* Приговор суда и его исполнение. – Минск, 1968. – С. 35.

<sup>81</sup> См.: *Аврах Я.С.* Исполнение приговора по УПК РСФСР // Новое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство РСФСР. – Казань, 1961. – С. 200; *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М., 1951. – С. 423.

<sup>82</sup> См.: *Немировский Э.Я.* Советское уголовное право. Части Общая и Специальная. – Одесса, 1924. – С. 214–216.



разрешение данных дел представляет собой особую форму изменения (корректировки) приговора<sup>83</sup>.

По мнению М.А. Чельцова и Я.С. Авраха, порядок разрешения дел об УДО приближен к порядку рассмотрения дел в суде второй инстанции, так как обладает схожей структурой процессуальной деятельности и единой формой итоговых решений. Безусловно, последовательность совершаемых действий и совокупность выносимых актов внешне напоминают черты кассационного или надзорного производства, однако такое совпадение едва ли может служить основанием для их отождествления. Единство формы уголовного процесса предполагает наличие схожих процедур в рамках всего судопроизводства. Тем не менее это не означает тождественности содержания всей уголовно-процессуальной деятельности. Форма, хотя и является отражением некоторых свойств явления, вместе с тем представляет собой производную категорию и поэтому не может являться критерием определения сущности. К тому же понятие «рассмотрение дел в суде второй инстанции» в силу своей расплывчатости не способно задать четких параметров для сравнения. Следует согласиться с мнением, что в ходе уголовно-процессуальной деятельности по УДО возникает необходимость в установлении фактов изменения личности осужденного, в их доказывании, а такая задача может быть решена только судом первой инстанции, поскольку кассационный или надзорный суд, согласно закону, не вправе устанавливать новые факты для решения дела по существу<sup>84</sup>. Исходя из этого, следует признать взгляды на производство по УДО как на производство в суде второй инстанции несостоятельными.

В юридической литературе высказывалось мнение, что УДО представляет собой форму относительно неопределенного приговора. Как известно, под относительно неопределенным приговором принято понимать такой способ определения размера уголовного наказания, при котором точно не определяется его продолжительность, а устанавливаются лишь пределы и решение вопроса об окончательном определении продолжительности уголовно-правового воздействия ставится в зависимость от достигнутых результатов. Действительно, применение УДО

---

<sup>83</sup> См.: *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 98–107; *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 6.

<sup>84</sup> *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 8.

изменяет порядок отбытия наказания, однако такие изменения нельзя считать относительной неопределенностью.

В силу того, что относительная неопределенность закладывается при вынесении итогового судебного решения, она является характеристикой самого приговора. Применение же УДО представляет собой отдельный процессуальный институт, реализация которого, согласно требованиям законодательства, прямо не обуславливается первоначальным судебным решением. В определенном смысле можно было бы вести речь об относительной неопределенности приговоров в случае закрепления в нашем законодательстве системы так называемого обязательного УДО, наступающего при отбытии осужденным установленного срока и существующего в некоторых западных странах (например, Швеции<sup>85</sup>). Однако отечественное законодательство не предусматривает такой возможности.

На сегодняшний день в определенном смысле можно говорить о фактически существующей системе обязательного инициирования УДО, но это не означает введения начала неопределенности в систему приговоров, так как решение вопроса может ограничиться первоначальными этапами производства, на которых возможно вынесение решения о приостановлении дальнейшей процессуальной деятельности. Другими словами, вопрос о возможности изменения приговора (внесении элемента относительной неопределенности), согласно действующей нормативно-правовой базе, не обуславливается первоначальным судебным решением – приговором, следовательно, не может считаться его обязательным атрибутом. Следует также учесть, что относительная неопределенность, как правило, заключается в варьировании максимально возможной санкции, иначе говоря, она заключается в возможности продления срока наказания или ответственности. Подобная возможность предусматривалась ранее действовавшим УК РСФСР 1922 года (ст. 56), однако в свое время была подвергнута справедливой критике. По мнению ученых, это два разных по своей природе института: относительная неопределенность (продление срока) является карательным институтом, имеющим целью завершить неокончившееся перевоспитание осужденного, а УДО представляет собой меру, прекращающую карательное воздействие вследствие завершения его перевоспитания. «Неопределенность при условно-досрочном освобождении,

---

<sup>85</sup> Imprisonment Today and Tomorrow. International Perspectives on Prisoners' Rights and Prison Conditions. – The Hague/ London/ Boston, 2001. – P. 642.

которую некоторые авторы видят в сокращении срока наказания, ранее установленного судом, имеет чисто внешнее сходство с той неопределенностью, что вытекает из норм о продлении срока наказания, так как ни по основаниям, ни по своей сущности они не совпадают»<sup>86</sup>. Исходя из вышеизложенного, считать УДО одной из форм относительно неопределенного приговора едва ли возможно.

М.К. Свиридов полагает, что порядок разрешения дел об УДО представляет собой особый институт изменения (корректировки) приговора в части назначенного наказания. Основой таких идей служит признание за приговором особых прогностических свойств в части назначения наказания<sup>87</sup>. Автор пишет: «Содержащийся в приговоре суда вывод о наказании носит характер индивидуального криминологического прогнозирования. Иначе и быть не может, так как этот вывод направлен в будущее, он прогнозирует возможное будущее поведение осужденного», и далее – «прогнозирование возможно только на вероятностном уровне. Следовательно, содержащийся в решении суда о наказании вывод о достаточности для исправления данного осужденного созданных условий носит вероятностный характер. Отсюда вытекает важное положение: этот вывод по мере проявления тех или иных влияющих на исправление факторов, действие которых при вынесении приговора суд учесть не мог, и наступивших в ходе реализации наказания изменений личности осужденного должен постоянно корректироваться, подправляться с тем, чтобы всегда в максимальной степени соответствовать существующим в данный момент условиям»<sup>88</sup>.

По своей природе приговор представляет собой управленческое решение<sup>89</sup>. Соответственно он обладает всеми свойствами, присущими данной категории. Любое управленческое решение имеет перспективную направленность, соответственно в той или иной степени несет в

---

<sup>86</sup> Носенко А.М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы. – М., 1974. – С. 25.

<sup>87</sup> См.: Аванесов Г.А. Теория и методология криминологического прогнозирования. – М., 1972. – С. 268; Зельдов С.И. Освобождение от наказания и его отбывания. – М., 1982. – С. 19.

<sup>88</sup> Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 17.

<sup>89</sup> См.: Лупинская П.С. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. – М., 1976. – С. 10; Алексеев С.С. Проблемы теории права. – Свердловск, 1973. – Т. 2. – С. 278.

себе прогностический заряд, поэтому выводы автора в части наделения приговора прогностическими свойствами не вызывают сомнения.

Приговор обладает комплексным содержанием, включая разрешение не только процессуальных, но и материально-правовых, а также иных, в том числе криминологических вопросов. В связи с этим возникает вопрос: присуща ли прогностическая функция процессуальной составляющей приговора? По нашему мнению, нет. Уголовно-процессуальная деятельность по своей природе, как правило, ретроспективна, ее итогом является вынесение решения по поводу обстоятельств, которые уже были предметом исследования и оценки. Будущие обстоятельства не могут составлять предмет процессуальной деятельности хотя бы потому, что отсутствует фактическая база, необходимая для возникновения процессуальных отношений. Именно поэтому прогноз как носитель вероятностной информации не может быть ни предметом, ни результатом уголовно-процессуального исследования, хотя его существование в некотором роде обуславливается уголовно-процессуальной деятельностью: круг общественных отношений, складывающийся в сфере уголовного судопроизводства, много шире сугубо уголовно-процессуальных отношений. Он может включать в себя, как отмечалось выше, уголовно-правовые, криминалистические и другие отношения. К последней группе как раз и относится криминологический прогноз. Однако нахождение криминологического элемента в сфере уголовно-процессуальных отношений не влечет придание ему уголовно-процессуальной формы<sup>90</sup>.

Признание за приговором процессуально значимой функции прогноза означало бы, что деятельность по фактической реализации наказания должна являться предметом постоянно осуществляемого уголовно-процессуального мониторинга до момента внесения в него соответствующих корректив. Другими словами, вся фактическая деятельность по реализации наказания носила бы характер процессуальной, так как была бы изначально обусловлена процессуальным прогностическим фактором. В результате производство по уголовному делу могло бы длиться годами и завершаться только тогда, когда осужденный освобождался бы от отбытия или уже от отбытого им наказания<sup>91</sup>. Вполне оче-

---

<sup>90</sup> См.: Элькинц П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. – С. 8–13.

<sup>91</sup> Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. – М., 1979. – С. 137.

видно, что подобные представления не соответствуют действительности. Любая процессуальная деятельность, возникающая в ходе реализации наказания, обуславливается фактами, возникающими после обращения приговора к исполнению, и не может быть охвачена рамками ранее вынесенного приговора. Поэтому необходимо согласиться с мнением ученых, считающих, что изменять приговор даже в пределах назначенного наказания можно только в той части, которая уже получила соответствующую юридическую оценку, и только строго установленными способами, а именно путем кассационного, надзорного и апелляционного производств<sup>92</sup>.

На недопустимость изменения (корректировки) приговора при решении вопросов исполнения приговора указывалось в судебной практике. Так, Верховный Суд СССР указал, что при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, судьи не вправе вносить изменения в приговор. По делу А. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 20 мая 1967 года особо подчеркнула, что суд первой инстанции в порядке ст. 369 УПК РСФСР не вправе изменять свой приговор в части меры наказания<sup>93</sup>.

Любопытный контраргумент выдвигает В.Д. Адаменко, указывая, что если решение суда об УДО означает пересмотр приговора в части наказания, то непонятно, почему осужденный в случае нарушений условий УДО вновь направляется в исправительное учреждение для отбывания неотбытой части наказания в соответствии с прежним приговором<sup>94</sup>.

Исходя из изложенного, полагаем, не следует определять процессуальную деятельность по УДО в качестве корректировки приговора в части наказания, обуславливаемой его особыми прогностическими свойствами.

Суть приведенных позиций заключается в определении процессуальной природы деятельности по УДО через установление связи между приговором и решением суда о применении данной меры. На наш взгляд, довольно трудно установить процессуальные особенности производства по УДО, отталкиваясь от характера связи судебного решения

---

<sup>92</sup> См.: *Ткачевский Ю.М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1997. – № 2. – С. 15.

<sup>93</sup> Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1968. – № 2. – С. 6.

<sup>94</sup> См.: *Адаменко В.Д.* Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. – Кемерово, 1993. – С. 14.

о досрочном освобождении с ранее вынесенным приговором. В этом случае в объектив научного интереса в большей степени попадают признаки приговора, а не деятельность, осуществляемая после обращения его к исполнению. В результате производство по УДО зачастую находит узкое и противоречивое понимание. Безусловно, роль приговора как основного акта судопроизводства подлежит обязательному учету при решении вопроса о процессуальной сущности производства, возникающего после обращения его к исполнению, однако не стоит ее переоценивать. Предметом процессуальной деятельности по делам об УДО являются не положения ранее вынесенного приговора, а установление и оценка обстоятельств, возникших в ходе реализации наказания. Приговор является лишь отправной точкой для начала исполнения наказания и в процессе его реализации играет вспомогательную роль. Эта вспомогательная роль заключается в том, что он служит начальным рубежом отсчета срока, по отбытии которого возможно УДО. Поэтому прямо увязывать характер процессуальной деятельности с приговором суда при рассмотрении данной категории дел не следует.

Существует мнение, что производство по УДО наряду с другими схожими производствами образует отдельную стадию уголовно-процессуальной деятельности – стадию разрешения вопросов, связанных с освобождением от отбытия или изменения наказания и последствий реализации приговора, определения и постановления суда<sup>95</sup>. УПК РФ действительно обособляет порядок разрешения дел об УДО и аналогичных вопросов от прочей процессуальной деятельности, именуя его производством по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговоров (гл. 47), однако этот факт не означает, что такая деятельность является самостоятельной стадией уголовного процесса.

Категория «стадия уголовного процесса» является в науке относительно устоявшимся понятием, и вряд ли стоит его менять. Деление процесса на стадии означает рассмотрение материалов дела в несколько этапов. Объем данных материалов может меняться, но предмет процесса при этом остается неизменным. Каждая стадия – это этап рассмотрения дела, одновременно являющийся предпосылкой для последующего его продвижения. По мнению В.Д. Адаменко, стадия разрешения вопросов, связанных с освобождением от отбытия или изменения наказания, должна следовать за стадией приведения приговора, определения и

---

<sup>95</sup> См.: Адаменко В.Д. Указ. соч. – С. 91.

постановления суда к исполнению. Предметом последней является деятельность, связанная с реализацией приговора суда. Следуя логике развития уголовного процесса, эти материалы должны быть предметом рассмотрения и в стадии разрешения вопросов, связанных с освобождением от отбытия или изменения наказания. Однако это не так, здесь предметом рассмотрения является вопрос изменения уголовно-правового отношения, а не его реализации.

Следующим доводом может служить наличие комплекса контрольно-проверочных стадий, присущих производству по УДО. В этом случае, следуя логике В.Д. Адаменко, стадия разрешения вопросов, связанных с освобождением от отбытия или изменения наказания и последствий реализации приговора, определения и постановления суда, включает в себя совокупность контрольно-проверочных этапов, что прямо противоречит принципам построения отечественного судопроизводства. Необходимо отметить, что В.Д. Адаменко не склонен рассматривать судебное надзорное производство в рамках процессуальной деятельности по УДО в качестве отдельных стадий производства, определяя их как обычную последовательность осуществления процессуальных действий<sup>96</sup>. Несомненно, кассационное, как и любое другое проверочное производство, можно представить в качестве закономерного этапа осуществления процессуальных действий, однако при этом нельзя забывать, что оно носит факультативный характер, чего нельзя сказать об обычной последовательности действий в рамках отдельного производства. Решение вопроса об УДО не предполагает обязательной кассации или надзора, более того, практика свидетельствует о том, что такие производства – довольно редкое явление. Поэтому они не могут рассматриваться в качестве обычного последовательного этапа процессуальной деятельности.

Попытка исследования процессуальной деятельности по УДО за пределами стадии исполнения приговора была предпринята Т.Н. Добровольской. По ее мнению, порядок разрешения дел об УДО представляет собой отдельное особое производство суда первой инстанции по самостоятельным материалам. Особый характер проявляется в том, что эта деятельность имеет особый порядок возбуждения, отличный круг участников, отдельный предмет и, как результат, самостоятельные итоговые решения, не обуславливаемые ранее вынесенным приговором<sup>97</sup>.

---

<sup>96</sup> См.: Адаменко В.Д. Указ. соч. – С. 14–15.

<sup>97</sup> См.: Добровольская Т.Н. Указ. соч. – С. 18–20.

Следует согласиться с автором, что производство по УДО имеет все отмеченные особенности, позволяющие рассматривать его в качестве отдельной процессуальной категории. Однако указание на особый характер помимо определения места этой деятельности в судопроизводстве никак не проясняет ее процессуальную природу. К тому же термин «особое производство» имеет различный процессуальный смысл. К примеру, УПК РФ использует его для характеристики упрощенного судебного производства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ст.ст. 314–317). В уголовно-процессуальной науке эта категория используется некоторыми авторами для определения уголовно-процессуальной деятельности по применению принудительных мер медицинского характера, а также ряда других уголовно-процессуальных производств<sup>98</sup>. В связи с этим, едва ли указание на особый характер процессуальной деятельности по УДО может использоваться для существенной характеристики данной деятельности.

Попытку определения правовой природы производства по УДО предпринял В.В. Николук. По его мнению, эта процессуальная деятельность вместе с иными производствами, возникающими в стадии исполнения приговора, образует отдельный комплекс уголовно-исполнительных производств<sup>99</sup>. Следует согласиться с автором в той части, что процессуальная деятельность по УДО, действительно, во многом определяется уголовно-исполнительным началом. Она возникает в процессе фактической реализации наказания, имеет особый предмет доказывания, заключающийся в установлении результатов уголовно-исполнительного воздействия на осужденного, одним из ее основных участников является представитель органа или учреждения, исполняющего наказание. Некоторые процессуальные институты, присущие производству по уголовному делу, в ходе рассмотрения и разрешения вопросов об УДО не действуют или не существуют (например, обвинение). Вместе с тем, на наш взгляд, отмеченные особенности не должны влечь признание за производством по УДО уголовно-исполнительной сущности.

---

<sup>98</sup> См.: *Николук В.В., Кальницкий В.В.* Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. – Омск, 1990. – С. 5–7; *Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В.* Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001. – С. 184–203; *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск, 2000. – С. 11–43.

<sup>99</sup> См.: *Николук В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск, 1989. – С. 40–77.



Прежде всего, не все правовые отношения при исполнении приговора, опосредуемые уголовным процессом, являются уголовно-исполнительными. Возможно, при разрешении вопроса об изменении вида исправительного учреждения в порядке ст. 78 и 140 УИК РФ предмет процесса составляют исключительно уголовно-исполнительные отношения, однако едва ли таким образом можно определить предмет производства по УДО. Безусловно, уголовно-исполнительный интерес здесь есть, но не является превалирующим. Более того, не исключена ситуация, когда этот интерес будет противоречить иным, в том числе уголовно-правовым интересам, в этом случае определение производства в качестве уголовно-исполнительного не совсем точно будет отражать характер процессуальной деятельности. Поэтому представляются оправданными высказываемые в науке опасения, что в результате такого подхода возможно значительное упрощение порядка разрешения дел об УДО, что повлечёт за собой снижение гарантированности вынесения законных и обоснованных решений, а также создаст существенные трудности в разграничении компетенции правоприменительных органов<sup>100</sup>.

Приведенные выше позиции объединяет единый подход к производству по УДО как процессуальной деятельности, лежащей за пределами стадии исполнения приговора. Хотя рассмотрение производства по УДО вне стадии исполнения приговора позволило некоторым авторам наиболее полно выявить специфику процессуальной деятельности по досрочному освобождению, полагаем, основной недостаток такого подхода заключается в том, что в данном случае теряется связь производства по УДО с остальным уголовным процессом. В итоге создается впечатление, что рассмотрение и разрешение вопросов о досрочном освобождении не свойственно уголовному судопроизводству. Вместе с тем это не так. По своей правовой природе УДО представляет собой изменение ранее установленного приговором суда уголовного правоотношения вследствие появления новых обстоятельств, свидетельствующих о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания. Такие изменения могут протекать лишь в уголовно-процессуальной форме, поэтому едва ли оправданно выносить процессуальную деятельность по УДО за пределы исполнения приговора. В этой связи представляется логичным подход О.В. Волколуп, полагающей, что процессуальная деятельность по УДО

---

<sup>100</sup> См.: Адаменко В.Д. Указ. соч. – С. 24–26.

наряду с другими производствами, связанными с исполнением приговора, образует особый процессуальный институт исполнения приговора в рамках уголовно-процессуального права, не являющийся отдельной стадией судопроизводства<sup>101</sup>.

УПК РФ разграничивает уголовно-процессуальную деятельность, возникающую в процессе исполнения приговора, на два блока: деятельность, связанную с обращением судебных решений к исполнению, и деятельность, направленную на рассмотрение и разрешение вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора. Статья 397 УПК РФ относит производство по УДО к последней группе вопросов. Таким образом, уголовно-процессуальный закон определяет разрешение вопросов об УДО в качестве производства в рамках уголовно-процессуального института исполнения приговора. Эта деятельность имеет существенную специфику, заключающуюся в том, что она носит факультативный характер, и ее предметом является оценка обстоятельств, возникших в ходе непосредственной реализации наказания. Отмеченные особенности позволяют некоторым ученым определять ее в качестве дополнительного уголовно-процессуального производства<sup>102</sup>. Полагаем, такой подход адекватно отражает современное правовое регулирование порядка разрешения вопросов, касающихся УДО.

В юридической литературе убедительно показано, что содержание уголовно-процессуального института исполнения приговора неоднородно. По мнению М.К. Свиридова, она включает в себя разрешение двух основных групп вопросов: а) призванных обеспечить воздействие уголовного процесса на сферу реализации содержащихся в приговоре предписаний путем обращения его к исполнению; б) направленных на внесение корректив в решение приговора о наказании в связи с появлением обстоятельств, свидетельствующих о невозможности или нецелесообразности дальнейшего исполнения этого решения в прежнем ви-

---

<sup>101</sup> См.: Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб., 2003. – С. 208.

<sup>102</sup> См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск, 1991. – С. 116–125; *Он же*. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 23–75; Мартыняхин Л.Ф. Условно-досрочное освобождение от наказания в системе производств советского уголовного процесса // Проблемы правоуказания в современный период. – Томск, 1990. – С. 197–198.

де<sup>103</sup>. Разделяя позицию автора о разнородном содержании института исполнения приговора, с учетом вышеизложенных соображений считаем более правильным именовать последнюю группу вопросов как направленные на обеспечение изменения ранее установленного приговором уголовно-правового отношения вследствие появления новых обстоятельств в процессе отбывания наказания. В этой связи, поскольку определение процессуальной деятельности по УДО в качестве дополнительного производства, на наш взгляд, наиболее полно отражает его специфику, представляется возможным уточнить природу этого производства как дополнительного, возникающего в ходе исполнения приговора.

Окончательное решение затрагиваемого вопроса возможно путем выяснения степени самостоятельности дополнительных производств (в т.ч. процессуальной деятельности по УДО) в рамках уголовного процесса. По мнению Ю.К. Якимовича, наличие отдельного предмета доказывания, специфичное действие некоторых принципов уголовного процесса позволяют ставить вопрос о выделении этих производств из института исполнения приговора<sup>104</sup>. Признавая их самостоятельный характер, полагаем, не следует выносить эту деятельность за границы исполнения приговора. На наш взгляд, учитывая требования УПК РФ, более правильно рассматривать дополнительные производства в качестве отдельных производств в рамках уголовно-процессуального института исполнения приговора, т.е. признавать за ними относительную самостоятельность. Такой вывод основывается на том, что дополнительные производства, в отличие от иных самостоятельных производств, собственных уголовному процессу, в большей степени обуславливаются производством по уголовному делу. Так, если некоторые отдельные производства могут возникать и протекать без предварительного производства по уголовному делу, то дополнительные всегда обусловлены первоначальным рассмотрением и разрешением уголовного дела. В этом смысле они находятся «ближе» к основному производству, поэтому едва ли стоит выносить их за пределы уголовного судопроизводства.

---

<sup>103</sup> См.: Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 108.

<sup>104</sup> См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск, 1991. – С. 27.

Признавая относительную самостоятельность дополнительного производства по УДО, необходимо отметить их специфику. Помимо отдельного предмета доказывания, особенностей действия отдельных принципов и особой направленности процессуальной деятельности<sup>105</sup>, представляется, что она выражается в таких существенных признаках, как:

- отсутствие уголовно-процессуальных этапов досудебной подготовки материалов;
- невозможность использования традиционных для производства по уголовному делу средств доказывания (так, следственные действия в этом производстве неприменимы);
- особая среда возникновения уголовно-процессуальных отношений (в ходе фактической реализации наказания);
- упрощенное, по сравнению с производством по уголовному делу, содержание судебного разбирательства.

Отталкиваясь от вышеизложенного, представляется, что правовую природу процессуальной деятельности по УДО можно определить как дополнительное уголовно-процессуальное производство, возникающее в ходе реализации наказания и направленное на изменение ранее установленного приговором суда уголовного правоотношения вследствие появления в процессе отбывания наказания новых обстоятельств, свидетельствующих о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания.

Статья 397 УПК РФ содержит несколько видов производств, возникающих в ходе исполнения наказания и направленных на изменение уголовно-правовых отношений. В связи с этим возникает вопрос: обладает ли производство по УДО какой-либо сущностной спецификой по сравнению с прочими дополнительными производствами?

УПК РФ никаким образом не выделяет процессуальную деятельность по УДО среди прочих производств, связанных с решением вопросов исполнения приговора. Вместе с тем это отнюдь не означает, что данная деятельность имеет ординарную форму дополнительного производства. Принципиальное отличие производства по УДО от прочей процессуальной деятельности в рамках исполнения приговора заключа-

---

<sup>105</sup> См.: Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск, 1991. – С. 125–129; Библио В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Минск, 1986. – С. 59–60.

ется в том, что это единственная форма досрочного прекращения отбывания наказания, предполагающая оценку результатов исправительного воздействия на осужденного. В процессуальном плане эта особенность выражается, во-первых, в том, что производство по УДО обладает отдельным предметом доказывания. Во-вторых, это единственное производство, предусматривающее хотя не процессуальный, но все же комплексный этап досудебной подготовки материалов. В-третьих, последствия применения УДО отличаются от правовых последствий применения иных уголовно-правовых норм в рамках исполнения приговора. Так, в случае УДО осужденный, отбывающий реальное наказание, обретает статус свободного лица, в то время как применение иных уголовно-правовых мер в рамках исполнения приговора не всегда влечет утрату лицом статуса осужденного, отбывающего реальное наказание. Наконец, УДО является основной формой освобождения от наказания (табл. 1.3.4). Дела об УДО занимают значительный удельный вес среди прочих вопросов исполнения приговора (табл. 1.3.1–1.3.3, рис. 1.3.1), вопросов, рассматриваемых единолично в порядке уголовного судопроизводства (рис. 1.3.2, 1.3.3, табл. 1.3.5), и расцениваются судьями как наиболее сложные среди дел, связанных с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора (табл. 1.3.6).

Приведенные аргументы придают вопросу о выделении процессуальной деятельности по УДО среди прочих дополнительных производств актуальность. Следует заметить, что в науке на этот счет нет единства. Некоторые авторы считают, что выделение порядка разрешения дел об УДО среди прочей процессуальной деятельности неприменимо с точки зрения законодательной регламентации и едва ли будет способствовать улучшению судебной практики<sup>106</sup>. Другие, наоборот, выступают за ее обособление в рамках института исполнения приговора<sup>107</sup>. Принимая во внимание отмеченные выше особенности процессуальной деятельности по УДО среди прочих дополнительных производств, считаем целесообразным поддержать позицию последних ученых.

---

<sup>106</sup> Адаменко В.Д. Указ. соч. – С. 15.

<sup>107</sup> См.: Мартыняхин Л.Ф. Условно-досрочное освобождение от наказания в системе производств советского уголовного процесса // Проблемы правопедения в современный период. – Томск, 1990. – С. 197; Жилевич Р.С. Критерии применения условно-досрочного применения осужденных лиц // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. – Пермь, 1997. – С. 173–174.

Возможно два подхода к решению вопроса обособления процессуальной деятельности по УДО: выделение норм, регулирующих применение УДО, в отдельный нормативно-правовой акт или осуществление правового регулирования (обособления) в рамках действующего законодательства. Несмотря на ранее существовавший опыт автономного правового регулирования вопросов применения УДО, предпочтение следует отдать второму подходу. Историческая ретроспектива показала, что основная тенденция развития процессуальной деятельности по УДО заключается в планомерном усложнении процессуальной деятельности по разрешению вопросов об УДО. Сохранение этой тенденции возможно лишь в случае регулирования этих отношений уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому нормы, регламентирующие производство по УДО, должны при всей своей самостоятельности носить уголовно-процессуальный характер и содержаться в УПК РФ.

Резюмируя изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1. Уголовно-процессуальная деятельность по УДО представляет собой дополнительное упрощенное уголовно-процессуальное производство, возникающее в процессе фактического отбывания наказания и направленное на изменение уголовно-правового отношения путем решения вопроса о возможности досрочного освобождения от наказания осужденного.

2. Анализ правовых последствий, содержания процессуальной деятельности, а также высокая степень распространенности позволяют нормативно выделить производство по УДО в рамках иных уголовно-процессуальных производств по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, закрепив в УПК РФ специальный комплекс норм, призванных его регулировать.

## Глава II

### УЧАСТНИКИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМ ОСВОБОЖДЕНИИ И ИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС

#### § 1. Роль суда в производстве по делам об условно-досрочном освобождении

Действующее законодательство относит решение вопросов об УДО к исключительной прерогативе суда (ст.ст. 79, 93 УК РФ, ст.ст. 175, 176 УИК РФ, ст.ст. 397, 399 УПК РФ). Исторический опыт также показывает, что только судебный порядок рассматривается отечественным законодателем как единственно возможный при разрешении вопросов о досрочном освобождении осужденных. Между тем в науке высказываются суждения о необходимости закрепления внесудебного порядка рассмотрения и разрешения этих дел. По мнению одних, эти вопросы должны разрешаться администрацией исправительного учреждения<sup>108</sup>, другие считают – особыми органами, состоящими на паритетных началах из представителей администрации и общественности – Советами по досрочному освобождению, формируемыми при каждом исправительном учреждении<sup>109</sup>. На первый взгляд, такие идеи не лишены смысла. Законодательство некоторых зарубежных стран действительно предусматривает внесудебный, уголовно-исполнительный или комплексный порядок разрешения дел об УДО (к примеру, США, Великобритании, Швеции и др.<sup>110</sup>). Регулятивный характер материальных правоотношений по досрочному освобождению теоретически не исключает такой

---

<sup>108</sup> *Погосян Р.* О судебной реформе // Сов. юстиция. – 1989. – № 10. – С. 23.

<sup>109</sup> *Голик Ю.В., Уткин В.А.* О реформе условно-досрочного освобождения и участии общественности в его применении // Новый уголовный закон. – Кемерово, 1989. – С. 127.

<sup>110</sup> *Алимов С., Шутилов В.* Институт условно-досрочного освобождения США // Сов. юстиция. – 1972. – № 5. – С. 30–31; *Шутилов В.П.* Система исполнения наказания США. – М., 1973. – С. 65–67. *Imprisonment Today and Tomorrow. International perspectives on Prisoners' Rights and Prison Conditions.* 2001, The Hague/ London / Boston. – P. 226–227, 642.

подход и в отечественном законодательстве. Вместе с тем едва ли стоит лишать суд права разрешать дела об УДО.

Во-первых, отечественная концепция уголовно-правового воздействия на преступника видит основное значение наказания не в обеспечении безопасности общества путем изоляции осужденного от других граждан, как это присуще зарубежному законодательству, а в карательно-исправительном воздействии с целью его исправления. В этой связи, если в зарубежных странах вопрос об УДО, понимаемый как установление утраты в процессе отбывания наказания осужденным свойств общественной опасности, может решаться во внесудебном порядке (администрацией исправительного учреждения, комитетом или советом по УДО), то в российских условиях таким органом может быть только суд как единственный субъект, правомочный давать оценку досрочному достижению целей карательно-исправительного воздействия на осужденного.

Во-вторых, одним из факторов в установлении уголовно-процессуальной формы разрешения дел об УДО наряду с уголовно-правовым характером правовых норм, подлежащих применению, является усмотрение законодателя. Раскрывая мотивы такого решения, М.К. Свиридов пишет: «В данной ситуации (как при изменении условий содержания осужденных, так и при решении вопроса об УДО. – О.В.) требуется разобраться в правомерности действий не только осужденного, но и администрации, и в результате, возможно, дать отрицательную оценку поведению осужденного, но в то же время отрицательно оценить заслуживающие того действия администрации»<sup>111</sup>. Вполне естественно, что в таких условиях предоставление решение вопроса об УДО администрации исправительного учреждения вызовет сомнения в объективности и беспристрастности правоприменителя. Избежать этого возможно, лишь предоставив решение вопроса об УДО тому субъекту, который стоит вне каждодневного воспитательного процесса и не связан никакими отношениями, кроме процессуальных, ни с осужденным, ни с администрацией органа исполнения наказания<sup>112</sup>.

Идея о предоставлении разрешения вопроса об УДО совместным органам, включающим наряду с представителями администрации также представителей общественности, заманчива, однако на современном

---

<sup>111</sup> См.: Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 76–78.

<sup>112</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 77.



этапе нереализуема в силу неразвитости отечественных институтов гражданского общества и отсутствия соответствующих правовых форм взаимодействия. В таких условиях советы по УДО превратятся фактически в административный орган, где решающее значение будет иметь мнение администрации. Поэтому, полагаем, следует настороженно относиться к высказываемым предложениям. Принимая во внимание изложенное, убедительными представляются аргументы Т.Н. Добровольской, показавшей, что только судебный порядок:

а) в значительной мере выводит решение этого вопроса из сферы усмотрения администрации органов, ведающих исполнением соответствующего вида наказания;

б) делает основой для решения этого вопроса исключительно результаты исследования, установления и оценки конкретных фактов, полученных в порядке, предписанном процессуальным законом, органом, свободным от ведомственных интересов;

в) позволяет осуществить доказывание наличия или отсутствия фактических данных, необходимых по закону для принятия решения, в условиях, обеспечивающих лицу, чья судьба определяется таким решением, возможности защищать свои права и законные интересы<sup>113</sup>.

Проведенные опросы показывают, что идеи предоставления несудебным органам права разрешать дела об УДО не находят поддержки в среде практических работников (табл. 2.1.1). В связи с этим представляется, что предложения о придании деятельности по разрешению вопросов об УДО внесудебной формы должны быть отвергнуты.

Признавая исключительную роль суда в решении вопроса о применении УДО, необходимо уточнить его процессуальное положение: занимает ли суд, разрешая дела об УДО, такое же процессуальное положение, как при разрешении вопроса о виновности и назначении наказания, или же играет иную, особую процессуальную роль?

В судебных стадиях производства по уголовному делу процессуальное положение суда определяется ст.ст. 15, 29 (ч. 1), 252 УПК РФ и характеризуется тем, что суд не может выполнять никакие иные функции, кроме разрешения дела по существу. При этом в законе подчеркивается, что, разрешая дело по существу, суд обязан отталкиваться только от доказательств, представленных ему сторонами, и не вправе выходить за пределы предъявленного подсудимому обвинения. Такая роль суда

---

<sup>113</sup> Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. – М., 1979. – С. 110–111.

свойственна преимущественно состязательной модели построения уголовного судопроизводства. В этой связи, раскрывая процессуальное положение этого субъекта, следует уточнить действие принципа состязательности в производстве по УДО.

Статья 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ закрепляют состязательность одним из ключевых принципов отечественного уголовного судопроизводства. Не оспаривая его действие в производстве по уголовному делу, отметим, что вопрос о существовании состязательности в производстве по УДО является спорным. Большинство ученых, занимавшихся проблемами исполнения приговора, оставляют вопрос о действии этого принципа открытым<sup>114</sup>. Те же, кто признает его действие, говорят об его особом содержании. Так, В.Н. Бибило, полагая, что состязательность присуща процессуальной деятельности по УДО, исходит из понимания этого принципа как психологической установки участников судопроизводства на процессуальный спор<sup>115</sup>. Возможно, в период действия УПК РСФСР такой подход был оправдан, однако в настоящее время едва ли следует определять содержание этого принципа подобным образом: под состязательностью УПК РФ понимает не психологическую установку участников, а размежевание функционального содержания их деятельности.

Традиционно в содержание принципа состязательности включают три основных элемента: равенство процессуальных возможностей участников производства; разделение уголовно-процессуальных функций; степень активности суда в процессе собирания и оценки доказательств.

В производстве по УДО трудно говорить о равенстве процессуальных возможностей основных участников. Уже первый взгляд на совокупность процессуальных прав отчетливо показывает отсутствие какого-либо процессуального равенства. Так, ст.ст. 397, 399 УПК РФ, предоставляя осужденному достаточно широкий комплекс процессуальных возможностей для отстаивания своего интереса на досрочное освобож-

---

<sup>114</sup> См.: *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 38–45; *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск, 1989. – С. 85–90; *Матвиенко Е.А., Бибило В.Н.* Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 8–10; *Пышнев Д.И.* Судебное разбирательство по делам об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду: Авторф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981. – С. 4.

<sup>115</sup> *Бибило В.Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Минск, 1986. – С. 90.

дение, прямо закрепляют за представителем администрации лишь возможность давать объяснения. Конечно, вести речь о превалирующем положении осужденного в процессе абсурдно, вместе с тем характер правового регулирования отчетливо показывает отсутствие процессуального равенства между субъектами, отстаивающими в производстве свои материальные интересы. Нам могут возразить, что предоставление этим участникам одинаковых процессуальных прав позволит признать за ними равные процессуальные возможности. Действительно, в литературе высказывались идеи о создании единого процессуального статуса участника производства, связанного с разрешением вопросов исполнения приговора<sup>116</sup>, однако, на наш взгляд, такой подход не будет способствовать решению проблемы. Участвуя в производстве по УДО и обладая одинаковыми процессуальными возможностями, представитель исправительного учреждения и осужденный не перестанут преследовать свои взаимно необусловливаемые материальные интересы, следовательно, изначально их процессуальная деятельность не может быть сопоставима.

Вторым элементом состязательности в уголовном судопроизводстве является размежевание основных процессуальных функций на обвинение, защиту и разрешение дела по существу. Несмотря на то, что в литературе нет единства относительно форм такого разграничения<sup>117</sup>, действующий УПК РФ дифференцирует процессуальную деятельность участников судопроизводства, относя их к одной из двух сторон в производстве (ст. 15, гл. 7 УПК РФ). В производстве по УДО такой подход невозможен. Прежде всего, здесь нет ни функции обвинения, ни ее аналога, поэтому проблематично выделить типичные для ординарного судопроизводства направления деятельности участников и определить стороны.

Следует отметить, что в науке предпринимались попытки разграничить деятельность участников производств, возникающих в ходе исполнения приговора, в т.ч. по УДО, относя их к сторонам, преследующим противоположенный материально-правовой интерес. Так, по мнению

---

<sup>116</sup> См.: *Литвинов Р.В.* Рассмотрение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. – Воронеж, 1964. – С. 87–88.

<sup>117</sup> См.: *Даев В.Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // *Правоведение.* – 1974. – № 1. – С. 71; *Прокопьева С.И.* Принцип состязательности и осуществление функции суда первой инстанции в судебном разбирательстве // *Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам.* – Калининград, 1982. – С. 28.

М.К. Свиридова, сторонами в таких производствах являются администрация исправительного учреждения и осужденный. В частности, он пишет: «Иногда при разрешении вопроса об изменении условий содержания администрация органа исполнения наказания и осужденный становятся спорящими сторонами»<sup>118</sup>. По-иному разграничивает стороны В.Н. Бибило, считающая, что на стороне защиты в этом выступает осужденный и его защитник, а противостоит им прокурор, высказывающий мнение о возможности УДО<sup>119</sup>. Любопытный подход предлагает Л.Ф. Мартыняхин, считающий, что одной стороной в процессе является осужденный, приобретший права лица, претендующего на УДО, а другой – суд<sup>120</sup>.

Не умаляя значения высказываемых взглядов, позволим себе оспорить выделение сторон в ходе процессуальной деятельности по УДО. В теории процессуального права под стороной понимается неизменная процессуальная позиция, отражающая направленность процессуальной деятельности участника судопроизводства в зависимости от его интереса в спорном материально-правовом отношении<sup>121</sup>. Иначе говоря, основными критериями выделения стороны являются принадлежность субъектов к спорному материально-правовому отношению и изначально установленная процессуальная позиция в производстве.

Отталкиваясь от такого подхода, суд не может быть стороной в процессе в силу того, что является субъектом, разрешающим дело по существу. В противном случае его процессуальная деятельность по УДО будет являться не чем иным, как административным разбирательством, представляющим собой обращение зависимого субъекта с просьбой о правоприменении. Невозможно также определить прокурора в качестве стороны, так как довольно трудно вести речь о наличии у него заранее установленной позиции по делу: в ходе судебного разбирательства он может как поддержать требование о предоставлении УДО, так и выступить против. К тому же он является факультативным участником процесса (ч. 6 ст. 399 УПК РФ). В определенном смысле можно

<sup>118</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 76–77.

<sup>119</sup> См.: Бибило В.Н. Указ. соч. – С. 92.

<sup>120</sup> Мартыняхин Л.Ф. Условно-досрочное освобождение от наказания в системе производств советского уголовного процесса // Проблемы правоправления в современный период. – Томск, 1990. – С. 197.

<sup>121</sup> См.: Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. – М., 1913. – Т. 1. – С. 572; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 1. – С. 6–10; Глазер Ю. Руководство по уголовному процессу. – СПб., 1884. – С. 179–180.

было бы считать его стороной, например, в случае возложения на него обязанности осуществлять процессуальное оспаривание требования заявителя, однако действующее законодательство не закрепляет такой возможности. Аналогичные соображения не позволяют признать стороной и администрацию исправительного учреждения: выступая за предоставление УДО или возражая против досрочного освобождения, администрация исправительного учреждения преследует свой уголовно-исполнительный интерес, который может как совпадать со стремлением осужденного досрочно обрести свободу, так и иметь противоположенную направленность. Иными словами, в данном случае также трудно определить заранее установленную позицию по делу этого участника производства. Именно поэтому в судебном разбирательстве по делам об УДО зачастую отсутствует конкурирование относительно предмета процесса. Нам могут возразить, что предоставление осужденному права инициировать производство по УДО делает этих участников спорящими субъектами. Действительно, с формальных позиций возможно состязание относительно досрочного освобождения, однако, принимая во внимание зависимое от исправительного учреждения положение, осужденные не всегда решаются пусть на судебное, но все же открытое противостояние администрации. Эти соображения не позволяют признавать осужденного и администрацию исправительного учреждения сторонами в процессе. Иначе говоря, в производстве по УДО стороны, как изначально заданные процессуальные позиции по делу основных участников судопроизводства, фактически отсутствуют.

Третьим элементом, характеризующим принцип состязательности, является степень активности суда. В теории процесса традиционно выделяют три модели проявления судебной активности: следственную (активную), смешанную и пассивную модель невмешательства<sup>122</sup>. Критерием разграничения этих типов служат ограниченность суда пределами судебного разбирательства и его возможности по собственной инициативе участвовать в процессе доказывания<sup>123</sup>. Анализ действующего законодательства позволяет признать смешанную модель<sup>124</sup> активности

---

<sup>122</sup> См.: *Васьковский Е.В.* Указ соч. – С. 378–402; *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – М., 1916. – С. 18; *Тальберг Г.Д.* Русское уголовное судопроизводство. – Киев, 1889. – Т. 1. – С. 23.

<sup>123</sup> См.: *Фойницкий И.Я.* Указ соч. – С. 6–10, 63–66.

<sup>124</sup> См.: *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. – М., 1915. – С. 68; *Строгович М.С.* Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. – М., 1939. – С. 110; *Фойницкий И.Я.* Указ соч. – С. 65.

суда типичной для производства по уголовному делу: суд, разрешая дело по существу, не может изменять предъявленное обвинение, ухудшая положение обвиняемого (ст. 252 УПК РФ), и вправе по собственной инициативе реализовывать лишь ограниченный круг полномочий в области доказывания<sup>125</sup>. Иная ситуация складывается в производстве по УДО. В.Н. Бибило, в общих чертах характеризуя активность суда в производствах, связанных с исполнением приговора, прямо указывает, что на суде лежит обязанность восполнения недостаточной активности иных субъектов стадии исполнения приговора<sup>126</sup>. Разделяя высказываемое мнение, проанализируем пределы судебного разбирательства по делам об УДО и объем полномочий суда в области доказывания.

Действующий УПК РФ оставляет открытым вопрос о пределах судебного разбирательства по делам об УДО. Традиционно в науке решение этой проблемы сводится к вопросу о том, связан ли суд требованием обратившегося субъекта или может выйти за его пределы? В литературе на этот счет нет единства: одни полагают, что суд связан требованием субъекта, возбудившего производство, и по собственной инициативе не может выйти за его пределы<sup>127</sup>; другие утверждают обратное<sup>128</sup>. Более правильную позицию, с нашей точки зрения, занимают последние авторы: разрешая вопрос об УДО, суд не связан требованием лица, возбудившего производство. Подтверждением этому служит право суда по собственной инициативе разрешить вопрос об освобождении осужденного не только от основного, но и от дополнительного наказания, а также возложить на осужденного дополнительные обязанности (ч. 1 и 2 ст. 79 УК РФ).

Некоторые ученые пытаются объяснить такое положение суда тем, что он является непосредственным участником материально-правового отношения по УДО. Как правило, такие суждения высказывают сторон-

---

<sup>125</sup> См.: *Волколуп О.В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб., 2003. – С. 153–154.

<sup>126</sup> *Бибило В.Н.* Указ соч. – С. 91.

<sup>127</sup> См.: *Миненок А.И.* Проблемы повышения деятельности суда в стадии исполнения приговора // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1989. – С. 97–98.

<sup>128</sup> См.: *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 105–106; *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск, 1989. – С. 177–181; *Адаменко В.Д.* Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. – Кемерово, 1993. – С. 136.

ники признания за судом права или обязанности по досрочному освобождению исправившегося осужденного, якобы вытекающей из правоотношения по УДО, участником которого является суд<sup>129</sup>. Хотя производство по УДО внешне создает видимость материальных правовых отношений между судом и иными участниками, действующее законодательство не позволяет считать суд их участником. В.И. Селиверстов в этой связи абсолютно точно указывает, что при таком подходе фактически допускается подмена материального правоотношения процессуальным<sup>130</sup>. Разделяя приведенное возражение, отметим, что признавать суд участником материального правоотношения не стоит хотя бы потому, что он является единственным субъектом, призванным разрешать возникающие на основе материальных правоотношений споры. Активная роль суда в производстве по УДО обуславливается не тем, что он является участником материального правоотношения, а тем, что в судебном разбирательстве каждый из участников производства преследует различный материальный интерес и обладает неодинаковыми процессуальными возможностями для достижения своих целей. В таких условиях суд не может находиться в роли беспристрастного арбитра, а вынужден выступать активным участником процессуальной деятельности, в некоторых случаях не только оказывая участникам содействие, но и по собственной инициативе добывая необходимые ему сведения для решения дела по существу.

Очевидно, принимая во внимание указанное обстоятельство, в литературе высказываются предложения о предоставлении суду дополнительно таких полномочий, как право доступа в исправительное учреждение, а также возможности встреч и бесед с осужденным<sup>131</sup>. Поддер-

---

<sup>129</sup> См.: Дровосеков Г.В. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким. – Рязань, 1979. – С. 11; Борисов Э.О. О критериях оценки исправления осужденных // Проблемы охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью. – Иваново, 1980. – С. 135; Тарханов А.И. Замена наказания по советскому праву. – Казань, 1982. – С. 57; Кырлан Г.Е. Субъективное право осужденных на условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы // Вопросы теории и практики предупреждения преступлений. – Барнаул, 1986. – С. 97; Вырастайкин В. Условно-досрочное освобождение – право, а не обязанность суда // Российская юстиция. – 1999. – № 7. – С. 44–45; Он же. Условно-досрочное освобождение только для достойных // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 45–47.

<sup>130</sup> См.: Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. – М., 1992. – С. 100–101.

<sup>131</sup> См.: Гельфер М. О повышении роли суда в исправлении и перевоспитании осужденных // Социалистическая законность. – 1970. – № 5. – С. 51–52; Карпец И.И.

живая идея расширения возможностей суда в сфере доказывания применительно к производству по УДО, считаем, что не следует соглашаться с предлагаемым перечнем прав. Что касается посещения исправительных учреждений, то, хотя УПК РФ не предусматривает такой возможности, она закрепляется в ст. 24 УИК РФ и отражает сложившуюся практику разрешения данных дел, предусматривающую проведение выездных заседаний в местах отбывания наказания. Относительно встреч и бесед с осужденными следует заметить, что такие полномочия более свойственны надзирающему прокурору, нежели суду, поэтому предоставление их судье обусловит появление у него несвойственной ему, по крайней мере в рамках отечественной концепции уголовной юстиции, функции пенитенциарного надзора, что едва ли будет способствовать единству уголовной политики. К тому же довольно трудно представить способы придания полученной подобным образом информации формы доказательств.

В производстве по уголовному делу суд по собственной инициативе может лишь задавать вопросы подсудимому, вызывать для допроса эксперта, ранее давшего заключение, назначать экспертизу и оглашать материалы дела, остальные доказательственные возможности могут быть реализованы судом при наличии соответствующих ходатайств или согласия сторон. УПК РФ оставляет открытым вопрос о полномочиях суда при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Частично проблему решают разъяснения высших судебных органов, указывающие, что в случае предоставления материалов, не позволяющих вынести решение по существу, суд вправе по собственной инициативе отложить рассмотрение дела и возвратить материалы исправительному учреждению для переоформления<sup>132</sup>. Как показывает практика, судьи довольно редко пользуются этими возможностями. Как правило, на практике в случае невозможности разрешить дело об УДО на основании представленных материалов судьи не откладывают судебных заседаний,

---

Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С. 270.

<sup>132</sup> Подробнее см.: п. 4 и 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. № 9 «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким» // Гарант [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Сетевая версия. – Электрон. дан. – М.: Гарант-Сервис, 1990. – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.



а истребуют необходимые документы, иначе говоря, фактически по собственной инициативе осуществляют собирание доказательств.

Практика показывает, что фактически используемая совокупность прав судьи при разрешении дел об УДО включает в себя право:

- возбуждать уголовно-процессуальное производство;
- исследовать материалы дела;
- оглашать материалы дела;
- дополнительно истребовать недостающие материалы по собственной инициативе;
- определять круг участвующих в деле лиц;
- задавать вопросы участвующим в деле лицам;
- разрешать отводы и ходатайства.

Из них наиболее часто используемым является право возбуждать уголовно-процессуальное производство, исследовать материалы дела, определять круг участников судебного разбирательства и задавать вопросы (табл. 2.1.2, 2.1.3). С учетом упрощенного содержания производства такой объем полномочий позволяет признать суд активным участником процессуальной деятельности по УДО. Сопоставление с деятельностью при разрешении вопросов уголовного дела показывает, что в производстве по УДО фактически действует следственная модель судебной активности. В связи с этим, принимая во внимание также неравное положение основных участников, невозможность их распределения на стороны, следует заключить, что принцип состязательности ограничено действует в производстве по УДО. На наш взгляд, именно в этом заключается ключевая особенность, характеризующая процессуальное положение суда в этом производстве.

Следует заметить, что подобная ситуация свойственна не только российским, но и зарубежным производствам, связанным с разрешением вопросов, возникающих в процессе исполнения наказания. Практически во всех странах, где существует судебный порядок разрешения этих дел, участники занимают неравное процессуальное положение, а судьи наделены обширными полномочиями, позволяющими им по собственной инициативе вторгаться непосредственно в вопросы исполнения наказания и собирать информацию (доказательства), необходимую для разрешения дела. Считаем, что в этом кроется одна из причин того, почему зарубежный законодатель устанавливает особый, специализированный порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора.

Очевидно, указанные соображения заставили некоторых отечественных ученых высказать мнение о том, что дела об УДО должны также рассматриваться специализированными органами пенитенциарной юстиции. При этом в качестве аргументов, как правило, приводятся тезисы о наличии правовых предпосылок, якобы содержащихся в действующем законодательстве, и положительный, по их мнению, зарубежный опыт пенитенциарной юстиции<sup>133</sup>.

Идея создания пенитенциарных судов, в чью компетенцию входило бы решение вопросов УДО, не лишена смысла, однако едва ли осуществима на современном этапе. Во-первых, наличие в УПК РФ отдельного раздела, посвященного вопросам производства по делам, возникающим в ходе исполнения приговора, хотя и подчеркивает существенные особенности процессуальной деятельности, вместе с тем не может служить предпосылкой для распространения специализированной формы. Совокупность вопросов, определяемых ст. 397 УПК РФ, неоднородна и недостаточна для того, чтобы устанавливать отдельный специализированный орган, призванный разрешать эти дела. Расширение подведомственности за счет включения иных вопросов, например, помилования, амнистии, гражданско-правовых споров осужденных, приведет к выхолащиванию сущности этих правовых институтов и утрате некоторыми государственными органами полномочий, обусловливаемых сложившейся системой сдержек и противовесов, а также неоправданному усложнению правоприменительной деятельности (например, из-за споров о подсудности). Иначе говоря, действующее уголовно-процессуальное законодательство не закладывает предпосылок для создания органов пенитенциарной юстиции. Во-вторых, создание таких органов является способом усложнения административной деятельности по исполнению наказания с целью ее приближения к уголовно-процессуальному производству. В нашем случае такой необходимости нет, так как российской исторической особенностью разрешение дел об УДО традиционно является использование уголовно-процессуальной формы. В этой связи учреждение пенитенциарных судов являлось бы безусловным шагом

---

<sup>133</sup> См.: Руднев В. Пенитенциарный судья (к вопросу о судебном контроле за исполнением наказаний) // Российская юстиция. – 2001. – № 8. – С. 32–34; Миненок А.И. Проблемы повышения эффективности деятельности суда в стадии исполнения приговора // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1989. – С. 98–99.

назад в развитии отечественного правового регулирования производства по досрочному освобождению.

В ряде европейских стран, действительно, вопросы, возникающие в ходе исполнения наказания, разрешаются специализированными судебными органами. К примеру, во Франции вопросы УДО рассматривает судья по исполнению наказания (*Juge de l'Application des Peines*)<sup>134</sup>. Между тем существование подобного органа объясняется продолжительными правовыми традициями административной юстиции, позволяющими создавать многочисленные специализированные судебные органы, в том числе занимающиеся вопросами исполнения наказания. В России, помимо того, что нет достаточного уровня экономического развития, соответствующие традиции отсутствуют. Основу отечественной концепции построения юрисдикционной деятельности в сфере уголовного правоприменения составляет концепция универсального судебного органа, призванного вершить правосудие на основе единых принципов и процедур независимо от специфики субъектного состава или характера правовых отношений. Следует отметить, что такие взгляды находят свое воплощение не только в отечественном, но и зарубежном законодательстве. Так, Германия, представляя собой страну с дифференцированной специализированной юстицией, оставляет решение вопросов УДО в компетенции общих судов, объясняя такое решение наибольшей подготовленностью данных структур к разрешению подобных дел<sup>135</sup>.

Основу нормально функционирующего специализированного правосудия составляет отлаженная система государственного устройства, четко определяющая принципы взаимодействия общей и специализированной юстиции. На сегодняшний день в нашем государстве отсутст-

---

<sup>134</sup> См.: *Шутилов В.П.* Условно-досрочное освобождение осужденных во Франции // Социалистическая законность. – 1975. – № 5. – С. 84–85; *Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958* с изменениями и дополнениями на 1 января 1966. – М., 1967. – С. 13, 52–54; *Code de procedure penale 1958*: Legifrance [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Paris: GOUV.FR, 2000. – . – Режим доступа: [www.legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). свободный; *Стручков Н.А., Шутилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. – М., 1977. – С. 22; *Imprisonment Today and Tomorrow. International perspectives on prisoners' rights and prison conditions.* The Hague, London, Boston, 2001. – P. 268–269.

<sup>135</sup> Согласно немецкому законодательству, решение об УДО принимает палата по исполнению приговоров и решений суда земли (*Landesgerichte Strafvollstreckungskammer*). См.: *Жалинский А., Рёрихт А.* Введение в немецкое право. – М., 2001. – С. 227; *Imprisonment Today and Tomorrow ...*, P. 315–316, 333–335; *Calliess R.-P., Müller-Dietz H.* *Strafvollzugsgesetz.* – München, 2000. – S. 558, 583, 759.

вуют такие условия. Развитие института пенитенциарных судов в подобных обстоятельствах приведет к разрыву в уголовной политике. Специализированные суды, занимающиеся только вопросами исполнения наказания, в большей степени будут учитывать ведомственные интересы исправительных учреждений. Это чревато тем, что суд как государственный орган, призванный осуществлять правосудие, может превратиться в участника процесса исправления и перевоспитания в местах отбывания наказания, что фактически приведет к утрате структуры, способной реально осуществлять правосудие по данной категории дел<sup>136</sup>.

Не следует также забывать, что пенитенциарные суды в большей степени ориентированы на рассмотрение вопросов, связанных с исполнением наказания в виде лишения свободы, поскольку санкции большинства статей уголовного законодательства предусматривают именно такой вид наказания. Между тем в последнее время в юридической науке происходит переоценка подобных методов уголовно-правового воздействия. На первое место выходят идеи применения альтернативных санкций и примирительных (восстановительных) процедур. Возрастает роль наказаний, не связанных с лишением свободы, а также мер, направленных на изменение и прекращение уголовно-правового воздействия<sup>137</sup>. В таких условиях создание специализированных судов может стать неактуальным, так как наиболее эффективный и прозрачный контроль над применением альтернативных лишению свободы санкций может обеспечить лишь общий юрисдикционный порядок, позволяющий обеспечивать участие всех заинтересованных субъектов в решении данных вопросов. В связи с этим целесообразным представляется сохранение существующего порядка судебной деятельности по разрешению дел об УДО, предполагающей участие судов общей юрисдикции. Данный вывод подтверждается практическими исследованиями, показавшими, что идея создания специализированных судебных органов встретила негативную оценку у подавляющего большинства практических работников (табл. 2.1.4).

---

<sup>136</sup> См.: *Свиридов М.К.* О судах по исполнению приговора // Правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск, 1984. – С. 156–157; *Бибило В.Н.* Судебная власть в уголовном судопроизводстве. – Минск, 2001. – С. 94–95.

<sup>137</sup> См.: *Уткин В.А.* Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации. – М., 2001. – С. 5–12; *Он же.* Развитие альтернатив лишению свободы в рамках эксперимента // Содействие становлению механизма реализации альтернативных мер наказания в Российской Федерации. – М., 2002. – С. 15–17.

В юридической науке нет единства относительно осуществляемых судом в производстве по УДО функций. По мнению большинства ученых, суд выполняет единственную функцию – вершит правосудие путем разрешения дела по существу<sup>138</sup>. Другие полагают, что он реализует только судебный контроль<sup>139</sup>, и, наконец, третьи склонны считать, что суд осуществляет одновременно и правосудие и судебный контроль<sup>140</sup>.

Определяя деятельность суда по УДО в качестве правосудия, ученые исходят из того, что процессуальная деятельность по УДО является неотъемлемой частью стадии исполнения приговора, представляющей собой продолжение начатого в предыдущих стадиях правосудия по уголовному делу<sup>141</sup>. Вместе с тем высказывается и противоположенное мнение о том, что деятельность по УДО хотя и относится к сфере уголовного процесса, но не является осуществлением правосудия, так как здесь не решается основной (сущностный) вопрос уголовного судопроизводства о виновности и наказании лица, совершившего преступление<sup>142</sup>. Полагаем, считая, что правосудие возможно лишь там, где решается вопрос о виновности и наказании, авторы не учитывают различный характер норм, подлежащих применению в ходе уголовного судопроизводства. Когда речь идет о применении охранительных уголовно-правовых норм, тогда действительно предмет производства сводится к выяснению виновности и назначению наказания. Однако уголовный процесс опосредует применение не только охранительных, но и регулятивных уголовно-правовых норм. В последнем случае установление виновности и определения наказания не предполагается, однако это не

---

<sup>138</sup> См.: *Пышнев Д.И.* Судебное разбирательство по делам об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981. – С. 7–8; *Куцова Э.Ф.* Исполнение приговора. – М., 1960. – С. 14; *Любавин А.А.* Вопросы компетенции суда и администрации при исполнении приговора. – Томск, 1961. – С. 40; *Матвиенко Е.А., Бибило В.Н.* Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 12.

<sup>139</sup> *Гельфер М.* О повышении роли суда в исправлении и перевоспитании осужденных // Социалистическая законность. – 1970. – № 5. – С. 52.

<sup>140</sup> См.: *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 206–209.

<sup>141</sup> *Швецов В.И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М., 1982. – С. 10.

<sup>142</sup> См.: *Чечина Н.А., Элькин П.С.* Проблемы правосудия развитого социалистического общества // Государство и право развитого социализма в СССР. – Л., 1977. – С. 307.

значит, что здесь нет правосудия. В этой связи представляется, что правы те авторы, которые в число критериев определения правосудия включают признак применения норм материального права безотносительно к их правовому характеру.

Под правосудием в уголовном процессе принято понимать деятельность суда по применению норм материального права на основе разрешения спора в особом процессуальном порядке. Такой подход является доминирующим в отечественной юридической литературе. Дискуссии связаны, главным образом, с тем, какой из указанных признаков считать определяющим<sup>143</sup>. На наш взгляд, для выявления связи судебной деятельности по УДО с правосудием достаточно будет установить наличие одного из них – существование правового спора, так как все другие свойства – применение материального права и особый процессуальный порядок – обуславливаются судебным порядком разрешения данных дел. Под правовым спором понимается такой конфликт, в котором спор непосредственно связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями). Протекать он может как в форме активного противостояния сторон, так и без такового (потенциальная форма конфликта). В последнем случае он непосредственно связан с принудительно изменяющимися правовыми отношениями. По мнению ряда ученых, деятельность суда в этом случае также является ничем иным, как правосудием<sup>144</sup>. На наш взгляд, представляется возможным разделить такой подход в производстве по УДО.

Закрепляемая модель судебной деятельности по досрочному освобождению не исключает два варианта производства: в форме активного противостояния осужденного и администрации исправительного учреждения и в форме отсутствия процессуального противоборства, когда все участвующие в процессе лица заинтересованы в однозначном применении этой меры. В первом случае спор очевиден, поэтому не возни-

---

<sup>143</sup> См.: Библио В.Н. Судебная власть в уголовном судопроизводстве. – Минск, 2001. – С. 75–86; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. – М., 1970. – Т. 1. – С. 14; Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. – М., 1979. – С. 17; Мельников А.А. Правосудие в СССР: сущность, социальные функции, законодательное регулирование // Сов. государство и право. – 1981. – № 11. – С. 30; Бушуев Г.И. Правосудие в социалистическом обществе // Сов. государство и право. – 1983. – № 3. – С. 64.

<sup>144</sup> См.: Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. – М, 1995. – С. 216; Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве. – Н. Новгород, 2002. – С. 38–39.

кает сомнений в том, что суд, рассматривая вопрос по существу, осуществляет правосудие. Во втором – спор присутствует в потенции ввиду объективного различия интересов участников производства, поэтому деятельность суда в этой ситуации также должна расцениваться как отправление правосудия. Таким образом, судебное разрешение вопроса об УДО в любой форме является осуществлением правосудия.

В настоящий момент содержание понятия «судебный контроль» спорно<sup>145</sup>. Не вдаваясь в полемику, определимся, что судебный контроль, в определенной степени отражая сущность судебной власти, является формой выражения элементов сдержек и противовесов, присущих системе разделения властей. Представляется, что его содержание заключается в разрешении судебными органами части функций, присущих иным ветвям власти.

Условно-досрочное освобождение представляет собой изменение уголовно-правового правоотношения в части назначенного наказания. Исполнение наказания является деятельностью, осуществляемой исполнительными органами власти. В этой связи может возникнуть предположение, что, рассматривая и разрешая вопрос об УДО, суд вторгается в сферу фактической деятельности по реализации наказания. Иначе говоря, складывается впечатление, что уголовно-процессуальный этап производства по УДО представляет собой форму судебного контроля за деятельностью администрации исправительного учреждения.

Едва ли с таким предположением следует соглашаться.

Полагаем, фактическим содержанием деятельности при судебном контроле является реализация судом в процессуальной форме какой-либо функции, присущей иной ветви власти. В нашем случае предмет производства заключается в изменении уголовно-правового отношения, выражающегося в применении нормы об освобождении осужденного от отбывания наказания. Решение этого вопроса составляет исключительную прерогативу суда. Нам могут возразить, что применение новых уголовно-правовых отношений не всегда опосредуется уголовным процессом, более того, в данном случае отнесение этих вопросов к компетенции суда как раз и является формой осуществления судебного кон-

---

<sup>145</sup> См.: *Азаров В.А.* Сущность российского уголовного процесса и судебный контроль // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2002. – С. 7–13; *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск, 2000. – С. 45–47; *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Н. Новгород, 2002. – С. 44–88.

троля. Действительно, изменение правоотношений в ходе реализации наказания, в том числе применение УДО по законодательству многих стран составляет компетенцию исполнительных органов власти – органов, исполняющих наказание. Необходимо согласиться также с тем, что уголовный процесс не всегда опосредует изменение (прекращение, возникновение) уголовно-правовых отношений. Однако в данном случае выбор уголовно-процессуального порядка разрешения дел об УДО обусловлен целым рядом факторов. Прежде всего, решение о реализации в отношении осужденного мер уголовного наказания принимается судебными органами, поэтому любые изменения правовых отношений, возникающих в ходе реализации наказания, возможны также в судебном порядке, так как они преследуют изменение отношений, установленных приговором суда (в нашем случае решение о досрочном освобождении от наказания)<sup>146</sup>. Далее, решение вопросов об изменении правовых отношений в ходе реализации наказания исключается из компетенции органов, исполняющих судебные решения, в силу того, что административно-правовая процедура не способна создать необходимых гарантий для законного и обоснованного применения норм уголовного права, в том числе и при решении вопроса об УДО<sup>147</sup>. Наконец, при решении вопроса о применении условно-досрочного освобождения происходит кардинальное изменение правового положения осужденного: он освобождается от дальнейшего отбывания наказания, наделяется совокупностью прав, практически аналогичной объему прав свободного гражданина. Такое решение принимается на основании исследования сложного фактического состава, которое может быть проведено только в порядке уголовно-процессуального производства<sup>148</sup>. Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что решение вопросов об УДО является исключительной компетенцией судебных органов. Соответственно, рассматривая и разрешая дела об УДО, суд реализует исключительно «свою» компетенцию, не вторгаясь в сферу деятельности уголовно-исполнительной системы.

По мнению М.К. Свиридова, в производстве по УДО судебный контроль осуществляется в рамках правоприменительной судебной дея-

---

<sup>146</sup> См.: Куцова Э.Ф. Исполнение приговора. – М., 1960. – С. 14; Матвиенко Е.А., Библио В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 12.

<sup>147</sup> См.: Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 57–66.

<sup>148</sup> Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 15.



тельности, является её частью и не существует отдельно<sup>149</sup>. Необходимо согласиться с автором в том, что судебной деятельности присуща контрольная функция. Действительно, контрольное значение свойственно всему уголовному судопроизводству: последовательность действий, осуществляемая в рамках судопроизводства, предполагает, что каждое последующее действие имеет контрольное значение по отношению к предшествующему. В этом смысле судебный контроль является необходимым атрибутом уголовного процесса и может быть определен шире – как процессуальный контроль. Однако позволим себе не согласиться с представлением о невозможности его существования вне рамок судебной деятельности. Возможность для существования судебного контроля при рассмотрении и разрешении дел об УДО существует. Действующее законодательство предусматривает досудебное производство по делам об УДО, осуществляемое вне уголовно-процессуальной формы. Именно здесь существуют предпосылки для появления института судебного контроля. Однако хотелось бы еще раз подчеркнуть, что речь идет только о возможности существования данного института, а не о его существовании в реальности. Что же касается судебного контроля как самостоятельной процессуальной деятельности, то необходимо признать, что на сегодняшний день в производстве об УДО его не существует. Сказанное выше позволяет заключить, что основным направлением судебной деятельности является осуществление правосудия.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Отечественная концепция уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, и система исполнения наказаний определяют суд единственным органом, способным разрешать вопросы досрочного освобождения от наказания.

2. Специфика судебного разбирательства по делам об УДО заключается в том, что такой ключевой принцип уголовного судопроизводства, как состязательность ограниченно действует в этом производстве. Отсутствие процессуального равенства участников производства, наличие у них различного интереса, а также зависимое положение осужденного заставляют суд в ряде случаев по собственной инициативе принимать меры к установлению фактических обстоятельств, имеющих значение для дела.

3. На современном этапе развития уголовно-процессуальных отношений нет необходимости в создании специализированных органов юс-

---

<sup>149</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 209.

тиции – пенитенциарных судов или их аналогов. Разрешение дел об УДО судами общей юрисдикции в наибольшей степени отвечает существующей системе организационно-правового устройства судебной власти и тенденциям дальнейшего расширения уголовно-процессуального начала в производстве по УДО.

4. Несмотря на особую роль суда в производстве по УДО, основной функцией судебной деятельности остается осуществление правосудия.

## § 2. Процессуальное положение осужденного

В научной литературе распространено мнение, что осужденный, участвующий в производстве по УДО, по своему процессуальному положению является обвиняемым. При этом одни ученые считают, что осужденный сохраняет за собой статус обвиняемого<sup>150</sup>. Другие, признавая специфику материально-правового положения осужденного, в процессуальном плане фактически наделяют его<sup>151</sup> или же выступают за предоставление ему такого статуса<sup>152</sup>. Во многом основу подобных взглядов закладывает уголовно-процессуальный закон, устанавливающий, что обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора (п. 20 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Буквальное толкование приводимых норм действительно позволяет предположить, что осужденный, участвующий в производстве по УДО, по своему процессуальному положению продолжает оставаться обвиняемым. Вместе с тем приведенное предположение едва ли стоит признать справедливым.

Безусловно, процессуальное положение этих участников судопроизводства имеет определенное сходство: и осужденный, участвующий в производстве по УДО (далее – осужденный), и обвиняемый являются субъектами, в отношении которых ведется судопроизводство, однако этим, на наш взгляд, сходство исчерпывается. В литературе выделяются два подхода к определению процессуального положения лица, в отно-

---

<sup>150</sup> Адаменко В.Д. Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. – Кемерово, 1993. – С. 120.

<sup>151</sup> Борисевич Г.Я. Обеспечение прав и законных интересов осужденного в стадии исполнения приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986. – С. 9.

<sup>152</sup> См.: Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. Томск, 1994. С. 47; Литвинов Р.В. Разрешение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. – Воронеж, 1964. – С. 87–88; Ларин А.М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. – М., 1985. – С. 65.

шении которого ведется судопроизводство. Согласно первому, оно определяется его базовым отраслевым статусом, преломляющимся применительно к определенной стадии или уголовно-процессуальному производству<sup>153</sup>. Второй основывается на отрицании единого отраслевого статуса в уголовном судопроизводстве и признании за каждым участником процессуальной деятельности специального процессуального положения<sup>154</sup>. Опираясь на первую позицию, действительно можно вести речь о том, что процессуальное положение осужденного, участвующего в производстве по УДО, в некотором роде обуславливается процессуальным статусом обвиняемого как основного участника судопроизводства. Однако такой подход не может быть взят за основу при сопоставлении статусов участников различных производств. Отдельный предмет, специфика задач и содержания процессуальной деятельности приводят к тому, что у осужденного и обвиняемого наличествуют свои основания появления в процессе, различный объем процессуальных прав и обязанностей и как результат – несовпадающая направленность процессуальной деятельности.

Основанием появления обвиняемого в судопроизводстве служит инкриминирование ему деяния, запрещенного уголовным законом, в то время как основание вхождения в процесс осужденного заключается в отбытии минимального срока наказания. Обвиняемый обретает свой статус в результате вынесения соответствующего акта на основании предварительно установленных фактических данных, изобличающих его в совершении преступления, органами предварительного расследования. Статус рассматриваемого осужденного определяется в результате возбуждения соответствующего производства судьей на основании представленных им самим или исправительным учреждением документов, свидетельствующих об отбытии необходимого срока и появлении признаков, дающих достаточные основания полагать, что для своего окончательного исправления он не нуждается в дальнейшем отбытии наказания.

УПК РФ наделяет обвиняемого и осужденного различной совокупностью прав. Различный характер возможностей этих участников, по-

---

<sup>153</sup> См.: Корнуков В.М. Правовой статус личности в уголовном судопроизводстве // Проблемы правового статуса в уголовном процессе. – Саратов, 1981. – С. 40–42; Мартынич Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – Кишинев, 1982. – С. 11–12.

<sup>154</sup> Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М., 1985. – С. 13.

мимо закрепления в различных статьях и неодинаковом объеме, заключается, во-первых, в том, что они не дополняют и никаким иным образом не обуславливают друг друга. Основные процессуальные возможности обвиняемого неприменимы в производстве по УДО, так же, как и некоторые права осужденного – в ходе процессуальной деятельности по уголовному делу. Едва ли можно вести речь об использовании в производстве по УДО таких возможностей обвиняемого, как возражать против обвинения либо отказаться от дачи показаний, так же как проблематично говорить о том, что право осужденного давать объяснения в ходе судебного разбирательства вытекает из права обвиняемого давать показания. Во-вторых, различно содержание этих прав. Их сопоставление показывает, что права осужденного носят усеченный характер. Так, если в основном производстве обвиняемый наделяется правом представлять доказательства на любой стадии судопроизводства (п. 4 ч. 4 ст. 47 УПК РФ), то в производстве по УДО осужденный имеет ограниченную возможность представления документов в стадии судебного разбирательства (ч. 3 ст. 399 УПК РФ).

Процессуальная деятельность этих участников судопроизводства обладает различной направленностью. По своему правовому положению обвиняемый является свободным гражданином до момента признания его виновным решением суда, поэтому направленность его деятельности заключается в стремлении сохранить правовое положение свободного человека. В отличие от обвиняемого, правовое положение осужденного определяется тем, что он испытывает на себе лишения и ограничения, наложенные на него приговором суда. В связи с этим его деятельность направлена не на сохранение статуса осужденного, а на освобождение от этих ограничений и лишений. В процессуальном плане активность обвиняемого, как правило, носит ярко выраженный восстановительный характер, заключающийся в освобождении от любых форм уголовно-процессуального воздействия и стремлении как можно скорее покинуть уголовный процесс. В свою очередь, процессуальная активность осужденного, наоборот, заключается в стремлении войти в уголовный процесс с целью отстоять свое притязание на досрочное освобождение и с этих позиций может носить не только восстановительный, но и охранительный характер. Иначе говоря, если деятельность обвиняемого носит негативную направленность, то активность осужденного может обладать как негативным, так и позитивным характером.

Таким образом, основания вступления в уголовное судопроизводство, объем процессуальных возможностей и направленность процессу-

альной деятельности не позволяют признать осужденного, участвующего в производстве по УДО, обвиняемым. В этой связи считаем целесообразным исключить из ч. 4 ст. 47 УПК РФ п. 20, указывающий на то, что обвиняемый может участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Правовая основа процессуального положения осужденного, участвующего в производстве по УДО, как самостоятельного участника уголовного процесса закладывается в ст. 399 УПК РФ и выражается:

1) в отдельном закреплении комплекса прав, включающего в себя: право знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы, обжаловать решения суда первой инстанции в кассационном порядке (ст. 401 УПК РФ), пользоваться услугами адвоката;

2) в отсутствие отсылочных норм к положениям Общей части (как правило, если речь идет об осужденном, участвующем в производстве по уголовному делу, то его правовое положение определяется путем отсылки к ст. 47 УПК РФ);

3) в особом порядке доступа осужденного в уголовное судопроизводство; осужденный принимает участие в судебном разбирательстве в случае положительного решения суда, в то время как согласно ст.ст. 47, 247 УПК участие в судебном разбирательстве обвиняемого (подсудимого) является обязанностью последнего.

Отрадно, что законодатель вернулся к ранее известному опыту наделения осужденного процессуальными возможностями для отстаивания своих притязаний на УДО, предоставив ему достаточно широкий объем процессуальных прав. Вместе с тем, как показывает практика, основной массой этих прав осужденный фактически не пользуется. Как правило, наиболее используемыми возможностями осужденного являются дача объяснений и ответы на вопросы судьи, прокурора и в редких случаях представителя исправительного учреждения.

Часть 3 ст. 399 УПК РФ наделяет осужденного правом знакомиться с представленными в суд материалами. Считается, что это право реализуется не в судебных стадиях, как этого требует закон, а на досудебном этапе подготовки материалов. Действительно, ранее осужденный в обязательном порядке подписывал постановление о представлении или отказе в представлении к УДО, выносимое по результатам рассмотрения вопроса на заседании административной комиссии. Однако при этом, как правило, он не знакомился с остальными материалами, представ-

ляемыми в суд. Так, в ходе мониторинга работы административной комиссии нами не было выявлено ни одного случая ознакомления осужденного с подготовленными материалами. Выявленная тенденция подтвердилась результатами опросов осужденных и сотрудников исправительного учреждения (табл. 2.2.1). Эти исследования позволили сделать вывод, что на досудебном этапе подготовки материалов фактического ознакомления с представляемыми в суд материалами не происходило.

Изучение практики показывает, что в судебных этапах производства осужденные также не знакомятся с представленными в суд материалами. С учетом того, что УПК РФ не предусматривает составления отдельного акта, выносимого по результатам ознакомления осужденного с представленными в суд материалами, а протокол судебного разбирательства не позволяет судить о формах реализации осужденным этого права, довольно трудно определить относительный показатель дел, где осужденные ознакомились с представленными в суд документами. В этой связи любопытным выглядят результаты опроса судей. На вопрос, на каком этапе производства происходит ознакомление с представленными в суд материалами, были получены следующие варианты ответов:

- на досудебном этапе – 12,9%;
- непосредственно перед началом судебного разбирательства – 20,9%;
- осужденный, как правило, не знакомится с представленными материалами – 66,2%.

Таким образом, можно заключить, что право осужденного на ознакомление с материалами дела фактически не реализуется.

Следующим правом осужденного является участие в судебном рассмотрении представленных материалов. К сожалению, законодатель не уточняет формы реализации этого права. Если речь идет о таких активных формах, как задавание вопросов, высказывание мнения по поводу представленных материалов, различные дополнения или возражения (скорее всего, законодатель имеет в виду именно такое участие), то следует отметить, что осужденный довольно редко использует их в производстве по УДО.

Еще одной возможностью осужденного, согласно ч. 3 ст. 399 УПК РФ, является заявление ходатайств и отводов.

Практика показывает, что осужденные редко пользуются этими правами (табл. 2.2.2). Заявление ходатайств осужденными ограничивается активной ролью суда в собирании доказательств по делам об УДО, а также обязанностью администрации исправительного учреждения

представить в суд полный пакет материалов. Вместе с тем это не должно расцениваться как предпосылка к лишению осужденного такой возможности. В ходе судебного разбирательства не исключена ситуация, когда у суда в ходе рассмотрения вопроса об УДО могут возникнуть сомнения, что осужденный для своего дальнейшего исправления не нуждается в полном отбытии наказания, а представленных материалов будет недостаточно для решения вопроса по существу. В этом случае, на наш взгляд, осужденный может заявить ходатайство об истребовании дополнительных материалов, допросе лиц, могущих подтвердить, по его мнению, достижение им исправления, а также о проведении иных действий, направленных на установление обстоятельств, свидетельствующих об его исправлении.

Типичным примером может служить заявленное осужденным С. в ходе судебного заседания ходатайство о допросе бывшего начальника отряда для подтверждения фактов положительного поведения в период отбывания наказания<sup>155</sup>. Нередки также случаи, когда осужденные заявляют ходатайства о допросе в качестве свидетелей свободных граждан, работающих на территории исправительных учреждений.

В ходе исследования практического материала нам не встретилось ни одного случая заявления отвода осужденным кому-либо из участников. Опрос судей, прокурорских работников и сотрудников исправительного учреждения, участвующих в судебном разбирательстве дел об УДО, дал аналогичные результаты. На наш взгляд, проблема заявления отводов в производстве по УДО заключается в определении круга субъектов, могущих быть отведенными, и установлении оснований для принятия такого решения. В литературе вопрос заявления отводов исследовался применительно к представителю исправительного учреждения<sup>156</sup>. Полагаем, такая проблема может встать не только в отношении этого субъекта, но также перед прокурором и судьей. Интервьюирование судей, прокурорских работников и осужденных показало, что им не встречались случаи, когда в судебном разбирательстве по УДО принимал участие субъект, ранее участвовавший в рассмотрении уголовного дела. Однако им приходилось участвовать в повторном рассмотрении дел об УДО в отношении одного и того же осужденного. В этой связи встает вопрос: может ли осужденный заявить отвод лицу, ранее прини-

---

<sup>155</sup> Архив федерального суда Кировского района г. Томска, дело № 3 – 907/03.

<sup>156</sup> Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 51.

мавшему участие в производстве по его изобличению и признанию виновным, или ранее участвовавшему в рассмотрении вопроса об УДО?

Основания отводов, сформулированных законодателем в ст. 61 УПК РФ, не подходят к производству по УДО в силу того, что оно лишено досудебных уголовно-процессуальных стадий, а также потому, что довольно трудно выявить прямую или косвенную заинтересованность участников в необъективном и пристрастном рассмотрении дела. Однако в данном случае применим подход, закладываемый законодателем в ст. 63 УПК РФ, заключающийся в том, что таким основанием служит факт участия в предшествующих уголовно-процессуальных стадиях и производствах одного и того же лица безотносительно к наличию у него какой-либо заинтересованности в исходе дела. Полагаем, этот подход должен быть определяющим для производства по УДО, поэтому при определении оснований для заявления отвода по таким делам приниматься во внимание должна не возможность порочной заинтересованности в исходе дела, а факт участия лица в предшествующем основном производстве. В этой связи считаем возможным вести речь об отводе судьи и прокурора, ранее принимавших участие в разбирательстве уголовного дела в отношении осужденного, претендующего на УДО, или ранее рассматривавших вопрос об УДО.

Нам могут возразить, что, учитывая особенности проведения судебных заседаний (к примеру, некоторые из них проводятся с выездом в места лишения свободы), а также фактически существующую в некоторых судах специализацию, не проще ли лишить осужденного такой возможности? С этим трудно согласиться. Действительно, заявление осужденным отвода судье способно сорвать выездное заседание суда, но, тем не менее, приоритет в данном случае следует отдавать интересам осужденного, учитывая, что именно ему законодатель предоставляет право инициировать производство. К тому же в последнем случае объективно возникают сомнения в беспристрастности судьи или прокурора, ранее назначившего или поддерживавшего срочную меру уголовного наказания или принявшего и поддержавшего решение об отказе в УДО.

Часть 3 ст. 399 УПК РФ устанавливает, что осужденный, участвующий в производстве по УДО, вправе давать объяснения. Практика показывает, что в случае участия в судебном разбирательстве это право осужденный реализует практически всегда. Как правило, его реализация сводится к устным ответам на вопросы, задаваемые судьей, прокурором и иногда представителем исправительного учреждения относи-



тельно раскаяния в совершенном преступлении, участия в трудовой деятельности в период отбывания наказания, характере связей с семьей, планах на будущее, а также наложенных взысканиях и поощрениях (табл. 2.2.3).

Уголовно-процессуальный закон наделяет осужденного правом представлять документы. Выше отмечалось, что такую возможность, по сути, можно расценивать как предоставление осужденному ограниченного права представлять доказательства. Практика показывает, что осужденные, как правило, не пользуются данным правом в судебном производстве. Причины очевидны: ограниченный перечень доказательств и невозможность участвовать в собирании информации, могущей иметь доказательственное значение. Единственными документами, которыми может располагать осужденный, являются копии приговоров, кассационных или надзорных решений. Как правило, эти документы имеются в материалах дела, поэтому их представление в суде бессмысленно. К тому же, как показывает опрос, только у 9% осужденных копии судебных решений сохраняются к необходимому сроку. Иные документы, непосредственно связанные с исполнением наказания или характеризующие поведение осужденного в период отбывания наказания, содержатся в личном деле осужденного, находящемся у администрации органов и учреждений, исполняющих наказание.

Вместе с тем говорить о том, что осужденный не принимает участия в собирании необходимых ему документов, не совсем корректно. Как правило, по его просьбе некоторые документы (справки о возможном трудоустройстве, наличии жилья и т.п.) собирает адвокат или его родные и близкие. Такие документы во внесудебном порядке приобщаются к материалам об УДО и личного дела через начальника отряда или отдел специального учета. Иначе говоря, комплект документов, который может представить осужденный в суде, формируется на досудебных стадиях. Такая практика вызывает неоднозначную оценку. С одной стороны, участие осужденного в собирании необходимой информации вызывает положительные оценки, с другой – решение этих вопросов вне рамок процессуального поля создает угрозу необъективного и пристрастного подбора документов. Не секрет, что в этом случае инициатива в собирании информации иногда исходит от администрации исправительного учреждения.

Закрепление законодателем ограниченного вида доказательств, могущих использоваться в производстве по УДО, имеет объективные причины: не все доказательства могут быть использованы в производстве

по УДО, тем более лицом, находящимся в зависимом положении. В то же время это не означает отсутствие возможностей расширения полномочий осужденного в данном направлении. Полагаем, в производстве об УДО помимо представления документов, свидетельствующих о наличии условий, необходимых для закрепления исправительного воздействия в случае освобождения, возможно также истребование по его ходатайству или непосредственное представление им самим документов, указывающих на совершение в период отбывания наказания поступка, свидетельствующего об исправлении или изменении ценностных установок. К примеру, заявление осужденным ходатайства об истребовании документов уголовного дела по факту преступления в исправительном учреждении, когда осужденный проявил высокомотивированную гражданскую позицию, выразившуюся в пресечении преступной деятельности иных осужденных или оказании содействия в раскрытии такого преступления. Хотя в ходе изучения практики нам не встретилось подобных материалов, представление осужденным справок о будущем трудоустройстве по делам об УДО не редкость. Так, в представленных в федеральный суд Октябрьского района г. Томска материалах на УДО осужденного М., отбывавшего наказание в виде лишения свободы, присутствует справка о том, что после освобождения ему будет предоставлена работа по специальности на заводе железобетонных изделий<sup>157</sup>. Опрос осужденного М. показал, что эта справка была предоставлена в отдел специального учета по его просьбе супругой М. Изучение практики показывает, что аналогичные документы присутствуют примерно в 26% представленных в суд материалов.

Помимо отмеченных выше возможностей, осужденный обладает также правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности по УДО. Реализация такой возможности не исключается с момента принятия постановления Конституционного Суда РФ № 16-П от 26 ноября 2002 г. Между тем изучение практики показывает, что осужденные фактически не пользуются указанным правом: с момента вступления постановления в законную силу нам не встретилось ни одного случая возбуждения производства об УДО по инициативе осужденного. Частично такая практика объясняется незнанием правоприменителем нормативного материала. Так, проведенное в середине 2003 года анкетирование практических работников и осужденных показало, что 97,5% сотрудников исправительных учреждений, 73,4% прокурорских работни-

---

<sup>157</sup> Архив федерального суда Октябрьского района г. Томска, дело № 3-1301/03.

ков, 46,7% судей и практически 100% осужденных не знают о существовании соответствующего решения Конституционного Суда РФ. В этой связи нормативное закрепление возможности возбуждать осужденным ходатайства перед судом о предоставлении УДО имеет, безусловно, положительное значение<sup>158</sup>.

Однако предоставление осужденному права инициировать уголовно-процессуальную деятельность по УДО не означает, что он будет занимать более активную позицию в судебном разбирательстве. На наш взгляд, прежде всего, необходимо учитывать его материально-правовое положение, а именно – фактическую зависимость от администрации исправительного учреждения. В такой ситуации наделение осужденного даже самой обширной совокупностью процессуальных прав едва ли будет способствовать оптимизации его роли в судопроизводстве. Более того, не исключена обратная ситуация, когда совокупность процессуальных возможностей осужденного будет использоваться вопреки его воле и интересам. Типичным примером может быть распространенная в некоторых исправительных учреждениях практика, когда администрация способствует заявлению осужденным ходатайств о рассмотрении дел об УДО в его отсутствие, фактически используя процессуальные

---

<sup>158</sup> Вопрос о наделении осужденного правом инициировать возбуждение производства по УДО путем подачи соответствующего ходатайства в отечественной науке уголовного процесса вызывал ожесточенные дискуссии. Противники наделения осужденного указанным правом приводили в защиту своей позиции аргументы о том, что это, по их мнению, чрезвычайно перегрузит работу суда. Едва ли с этим можно согласиться. Во-первых, в начальный период, действительно, можно ожидать некоторое увеличение числа обращений осужденных, но стабильный рост их вряд ли возможен, так как судебная практика едва ли пойдет по пути их всеобщего удовлетворения. Этот аргумент несостоятелен еще и потому, что в большей степени относится к вопросам организации судебной деятельности, а не к сфере уголовного процесса: вряд ли следует обосновывать возражения против оптимизации уголовно-процессуального производства несовершенством организации труда правоприменителя. Во-вторых, не стоит ожидать большого количества обращений осужденных в суд: повторное обращение возможно лишь через полгода. Это обстоятельство ограничивает число необоснованных ходатайств. Аргументы против наделения осужденного процессуальным правом инициировать уголовно-процессуальную деятельность см.: *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 67; *Юркевич Н.А.* Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства об условно-досрочном освобождении осужденного // Проблемы охраны прав и интересов осужденного. – Кемерово, 1985. – С. 95.

возможности осужденного для реализации своих интересов (табл. 2.2.4, рис. 2.2.1).

Частично решить эту проблему возможно путем возложения на осужденного некоторых процессуальных обязанностей. По мнению Р.В. Литвинова, на него должны быть возложены такие обязанности, как выполнять указания суда и подчиняться установленной процедуре судебного разбирательства<sup>159</sup>. Разделяя идею по существу, считаем, что более правильным будет возложение обязанности участия в судебном разбирательстве<sup>160</sup>. Учитывая упрощенный характер судебного разбирательства, отсутствие уголовно-процессуальных досудебных этапов, а также зависимое от администрации исправительного учреждения положение осужденного, полагаем, в ходе процессуальной деятельности по УДО должны быть установлены более жесткие правила, регламентирующие участие осужденного в судебном разбирательстве. Остальные обязанности – соблюдать процедуру судебного разбирательства, выполнять указания суда, не препятствовать установлению истины по делу и т.п. – обуславливаются уголовно-процессуальной формой разрешения этих дел и не нуждаются в отдельном закреплении. В этой связи следует исключить из ч. 3 ст. 399 УПК РФ правило, согласно которому решение об участии осужденного в судебном заседании принимает суд, и предусмотреть норму примерно следующего содержания: «Осужденный принимает обязательное участие при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. При невозможности явки осужденного рассмотрение вопроса должно быть отложено».

Другим направлением совершенствования процессуальной деятельности осужденного по УДО должно стать четкое определение правовой природы этой меры. Проведенные опросы показывают, что в среде практических работников преобладающими являются взгляды на УДО как меру поощрения осужденных. Такие идеи высказали 76,2% сотрудников исправительных учреждений, 51,5% прокурорских работников и 45,1% судей.

В юридической литературе нет единства относительно материально-правовой сущности УДО. По мнению ряда ученых, УДО является одним из способов отбывания наказания, представляющим собой заклю-

---

<sup>159</sup> См.: Литвинов Р.В. Указ. соч. – С. 88.

<sup>160</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 68.

чительную его стадию<sup>161</sup> или заключительное звено прогрессивной системы отбывания наказания<sup>162</sup>. По мнению других, данную меру необходимо рассматривать как высшую форму поощрения осужденных<sup>163</sup>. Третьи признают УДО законным интересом<sup>164</sup>, четвертые – субъективным правом осужденного<sup>165</sup>. Наконец, есть мнение, что данный институт представляет собой одну из форм освобождения от отбывания наказания<sup>166</sup> причем, по мнению некоторых авторов, – его обязательную форму<sup>167</sup>. Приведенные позиции позволяют определить спектр взглядов относительно природы рассматриваемой меры, отчетливо выделив два исходных блока. Первый блок охватывает позиции ученых, считающих, что применение УДО является исключительной прерогативой публичных органов, целиком и полностью полагающихся на собственное усмотрение. Второй блок представлен позициями авторов, полагающих, что применение УДО в большей мере обуславливается волеизъявлением и поведением самого осужденного, при этом роль органов власти сводится лишь к оценке данных факторов и не предполагает наличия какого-либо усмотрения с их стороны. Логически завершенной формой таких взглядов является признание УДО в качестве субъективного права осужденного.

Не вдаваясь в уголовно-правовую полемику, отметим, что действующее уголовное законодательство не позволяет вести речь об УДО как субъективном праве осужденного. В специальной литературе обоснованно указывается, что отсутствие такого элемента, как право требовать от другого участника правоотношения совершения действий, направленных на реализацию предмета притязания – предоставления свободы, – не позволяет определить УДО в качестве субъективного права,

---

<sup>161</sup> *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых колониях. – Л., 1963. – С. 141.

<sup>162</sup> *Аванесов Г.А.* Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система). – М., 1968. – С. 107.

<sup>163</sup> См.: *Михлин А.С.* Досрочное освобождение от отбывания наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М., 1984. – С. 112–123.

<sup>164</sup> См.: *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. – М., 1982. – С. 86–102.

<sup>165</sup> *Ткачевский Ю.М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Вестник МГУ. Сер. 11. Право. – 1997. – № 2. – С. 16.

<sup>166</sup> *Зельдов С.И.* Освобождение от наказания и от его отбывания. – М., 1982. – С. 12.

<sup>167</sup> См.: *Маликов Б.* Роль государства в формировании и реализации уголовно-исполнительной политики обеспечения прав человека в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2002. – № 8. – С. 25–30.

однако позволяет вести о нем речь как о законном интересе осужденного<sup>168</sup>. Полагаем, следует разделить указанную позицию.

В уголовно-процессуальной науке вопрос о том, может ли законный интерес являться предметом производства, спорен. Одни ученые не признают его в качестве самостоятельного основания процессуальной деятельности<sup>169</sup>, другие высказывают противоположенное мнение<sup>170</sup>. Поскольку законный интерес прямо закрепляется в нормах права или вытекает из их содержания, его отстаивание, безусловно, может быть предметом уголовно-процессуальной деятельности соответствующего субъекта. Другой вопрос, насколько она эффективна по сравнению с деятельностью, направленной на отстаивание субъективного права? Принимая во внимание, что реализация законного интереса, в конечном счете, обуславливается усмотрением суда («если судом будет признано»), эффективность процессуальной деятельности, направленной на его отстаивание, изначально низка, так как доказанность наличия соответствующих условий и оснований не означает, что УДО будет предоставлено осужденному. Поэтому наличие явный дисбаланс между наделением осужденного обширным арсеналом процессуальных возможностей и логически незавершенной формой его материального притязания. Отсюда очевидны причины фактического игнорирования осужденным в ходе судопроизводства предоставляемых ему процессуальным законом прав. В связи с этим осмелимся предположить, что нормативное закрепление права осужденного ходатайствовать об УДО едва ли кардинальным образом изменит существующую ситуацию. Представляется, что наиболее полно реализовать возможности по отстаиванию притязания на досрочное освобождение осужденный сможет лишь в случае признания УДО субъективным правом. Закрепление УДО в форме субъективного права также в некоторой степени ограничит фактическую зависимость от администрации исправительного учреждения.

Обобщая изложенное выше, можно сделать следующие выводы:

1. Наличие особого основания, отдельного объема процессуальных возможностей и несовпадающей направленности процессуальной дея-

---

<sup>168</sup> См.: *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. – М., 1992. – С. 93–95.

<sup>169</sup> См.: *Гольдинер В.Д.* Защитительная речь. – М., 1970. – С. 5; *Каминская В.И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Советское государство и право. – 1968. – № 10. – С. 34.

<sup>170</sup> *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М., 1979. – С. 152.

тельности не позволяет вести речь о том, что процессуальное положение осужденного изначально обусловлено статусом обвиняемого. В этой связи представляется целесообразным исключить из ч. 4 ст. 47 УПК РФ п. 20, устанавливающий, что обвиняемый вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора.

2. Осужденный является самостоятельным участником производства, процессуальное положение которого определяется ст.ст. 399, 401 УПК РФ.

3. Практика показывает, что осужденный в производстве по УДО крайне редко использует предоставленные ему УПК РФ возможности. Отчасти причины подобного положения вещей кроются в неопределенности материального основания его процессуальной деятельности. В этой связи одним из факторов, способных повысить процессуальную активность осужденного, является обретение УДО логически завершенной формы субъективного права.

4. Для повышения активности осужденного в ходе процессуальной деятельности по УДО за ним необходимо закрепить статус обязательно участника производства. В этой связи из УПК РФ целесообразно исключить требование о том, что решение об участии осужденного в судебном заседании принимает суд, и предусмотреть примерно следующую норму: «Осужденный принимает обязательное участие при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. При невозможности явки осужденного рассмотрение вопроса должно быть отложено».

### § 3. Процессуальное положение адвоката осужденного

УПК РФ впервые предусматривает возможность участия адвоката в разрешении дел об УДО. До принятия УПК РФ, несмотря на широкую научную поддержку<sup>171</sup>, вопрос об участии адвоката оставался откры-

---

<sup>171</sup> См.: *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 69–74; *Гилинский Я. И.* Участие адвоката в стадии исполнения приговора // Вопросы защиты по уголовным делам. – Л., 1967. – С. 176; *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск, 1989. – С. 149–154; *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 48–49; *Бибило В.Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Минск, 1986. – С. 94–103; *Куцова Э.Ф.* Исполнение приговора. – М., 1960. – С. 192; *Она же.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. – М., 1973. – С. 20; *Филимонов Б.А.* Процессуальные вопросы досрочного освобождения от нака-

тым. Частично решить эту проблему пыталась судебная практика, расширительно толкуя ряд положений, регламентирующих право обвиняемого на защиту<sup>172</sup>. Однако официальное толкование в силу своей специфики не могло осуществить детальное регулирование участия защитника в производстве по УДО. В результате адвокат практически никогда не участвовал в рассмотрении и разрешении данной категории дел.

Положительное решение вопроса о наделении осужденного возможностью пользоваться услугами профессионального юриста – адвоката – является адекватным отражением тенденции совершенствования правового положения личности в уголовном процессе. Основной Закон РФ особо оговаривает возможность гражданина пользоваться квалифицированной юридической помощью в ходе уголовного судопроизводства: каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления, имеет право пользоваться помощью адвоката с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Хотя Конституция РФ не называет осужденного среди указанных субъектов, осужденный обладает данным правом в силу того, что является участником уголовно-процессуальных отношений. Оговаривая право пользования квалифицированной юридической помощью с момента задержания, заключения под стражу и предъявления обвинения, законодатель подчеркивает, что данное право обуславливается существенным ограничением прав и свобод лица. Нахождение в подобных условиях значительно затрудняет самостоятельную реализацию лицом права на защиту. В аналогичном положении находится осужденный, участвующий в производстве по УДО. Хотя в данном случае решается вопрос об отмене уголовно-правовых ограничений, его текущий статус не позволяет в полной мере воспользоваться юридическими возможностями для отстаивания своих прав и законных интересов, поэтому он объективно нуждается в квалифицированной юридической помощи адвоката. В этой связи следует отметить, что Конституционный Суд РФ особо подчеркивает важность права осужденного на получение такой помощи при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с испол-

---

нения несовершеннолетних. – М., 1965. – С. 68; *Бекешко С.П.* Защита как процессуальная функция в советском уголовном процессе // Вопросы уголовного права и процесса. – Минск, 1958. – С. 251.

<sup>172</sup> Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР. – М., 1987. – С. 808–811.



нением приговора, уточняя, что его реализация гарантируется уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством<sup>173</sup>. Таким образом, наличие у осужденного права пользоваться квалифицированной юридической помощью вытекает из смысла Конституции РФ и конкретизируется применительно к производству по УДО уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством (п. 9 ч. 1 ст. 53 и ч. 4 ст. 399 УПК РФ, ч. 8 ст. 12 и ч. 4 ст. 89 УИК РФ).

Предоставление осужденному права пользоваться помощью адвоката при разрешении вопросов, связанных с УДО, порождает проблему определения процессуального положения такого адвоката. В литературе на этот счет нет единых взглядов. По мнению одних ученых, адвокат в данном случае выступает в качестве представителя осужденного<sup>174</sup>. По мнению других – является его защитником<sup>175</sup>. При этом суть полемики сводится к выяснению содержания защиты, а именно: включает ли она только восстановительную (негативную) деятельность, направленную на отражение обвинения, или наряду с ней предполагает осуществление охранительной (позитивной), заключающейся в оказании юридической помощи. Ученые, рассматривающие адвоката осужденного в качестве представителя, исходят из узкого понимания защиты как деятельности, обусловливаемой наличием обвинения. Соответственно, по их мнению, там, где нет обвинения – нет защиты, а реализуется иная функция – уголовно-процессуальное представительство. Типичным примером служит позиция В.Д. Адаменко: «В стадии исполнения приговора, хотя и есть кого защищать, защита сама по себе бессмысленна, ибо обвинения тут нет и защищать осужденного не от чего. Участие защитника обвиняемого в этой части желательно для осуществления функции представительства осужденного в целях наиболее полной реализации

---

<sup>173</sup> О проверке конституционности отдельных положений ч. 1 и 2. ст. 118 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2003 г. № 20-П // Российская газета. – 14.01.2004. – № 2 (3379). – С. 13.

<sup>174</sup> См.: Адаменко В.Д. Советское уголовно-процессуальное представительство. – Томск, 1978. – С. 32; Он же. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск, 1983. – С. 21, 26.

<sup>175</sup> См.: Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 69–72; Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 48–49; Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. – М., 1979. – С. 21; Цыткин А.Л. Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. – Саратов, 1965. – С. 26.

интересов и прав и охраны их возможного нарушения со стороны органов»<sup>176</sup>. Сторонники противоположенного подхода, считающие адвоката осужденным защитником, полагают, что защита включает в себя не только деятельность, направленную на опровержение обвинения, но и деятельность, направленную на оказание юридической помощи лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство<sup>177</sup>.

«Узкий» подход, ограничивающий защиту лишь опровержением обвинения, в настоящее время является предметом серьезных критических оценок. Их суть сводится к тому, что при таком понимании содержанием защиты не охватывается деятельность лиц, не являющихся обвиняемыми, но осуществляющих защиту своих прав, свобод и законных интересов<sup>178</sup>, а также сужается предмет защитительной деятельности самого обвиняемого, исключая его интересы, не охватываемые обвинением, но подлежащие защите в уголовном судопроизводстве. Действительно, защита в уголовном процессе должна осуществляться не только от подозрения, обвинения или уголовного преследования, но также должна быть направлена на ликвидацию их последствий, выражаясь в смягчении ответственности, восстановлении нарушенных в связи с обвинением прав и ограждении законных интересов обвиняемого (подсудимого)<sup>179</sup>. На таком понимании стоит современное уголовно-процессуальное законодательство, включая в это понятие не только деятельность, опровергающую обвинение, но и деятельность, направленную на оказание юридической помощи. В частности, ч. 1 ст. 49 УПК РФ гласит: «Защитник - лицо, осуществляющее в установленном порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу». Взгляды на защиту как на комплексное явление последовательно реализовались в правоприменительной практике и до принятия УПК РФ. Так, ряд постановлений Конституционного Суда РФ содержал расширительное толкование факторов, обуславливающих появление защитника в уголовном процессе, включая в их число не только наличие подозрения и обвинения, но также факт вовлечения лица в уголовное судопроиз-

---

<sup>176</sup> См.: Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск, 1983. – С. 42–43.

<sup>177</sup> См.: Бибило В.Н. Указ. соч. – С. 97; Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 46.

<sup>178</sup> Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. – Минск, 1970. – С. 16.

<sup>179</sup> Цыпкин А.Л. Право на защиту в советском уголовном процессе. – Саратов, 1959. – С. 26.

водство. В последнем случае защита понималась как оказание юридической помощи в рамках производства по уголовному делу<sup>180</sup>.

Рассматривая защиту как комплексное явление, некоторые ученые смогли сформулировать ее содержание применительно к стадии исполнения приговора. Под защитой в данном случае они понимают совокупность действий, отражающих отношение осужденного к позиции иных участников производства по поводу оценки его поведения и выражающихся в стремлении смягчить наказание, добиться освобождения или воспользоваться предусмотренными законом льготами при его реализации<sup>181</sup>. Такой подход согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, определяющей, что объект (предмет) защитительной деятельности в этом случае составляет отстаивание прав и законных интересов осужденного, способствующих улучшению его положения при отбывании наказания, в рамках уголовного процесса, а также предотвращение ущемляющих его права и законные интересы действий и решений органов и учреждений, исполняющих наказание<sup>182</sup>. Согласно такому пониманию, участники, реализующие функцию защиты (осужденный и его защитник), самостоятельно могут формулировать тезисы защитительной деятельности и отстаивать их независимо от мнения иных участников производства. Применительно к УДО это означает, что осужденный и его защитник при наличии соответствующих условий вправе обратиться в суд с требованием о применении УДО независимо от позиции органов и учреждений, исполняющих наказания.

В этой связи следует уточнить, что формулирование содержания защиты как оказания юридической помощи в отстаивании притязания осужденного на применение УДО не всегда предполагает различие в позициях защитника и представителей уголовно-исполнительной сис-

---

<sup>180</sup> О проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гр-на Маслова В.И.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П // Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. – М., 2002. – С. 266–275.

<sup>181</sup> См.: *Беседин А.В.* Защита в стадии исполнения приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1996. – С. 10–11; *Навасардян В.Р.* Право на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе. – СПб., 2000. – С. 51–79.

<sup>182</sup> О проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса РФ в связи с жалобой Шенгеля Зазы Ревазовича: Постановление Конституционного Суда РФ от 26 дек. 2003 г. № 20-П // Российская газета. – 14.01.2004. – № 2 (3379).

темы, так как имеет целью не оспаривание и опровержение чьего-либо требования, а, прежде всего, оказание содействия в реализации прав и законных интересов. Здесь не превалирует восстановительное начало защиты, широко распространенное в основном производстве и заключающееся в защите только нарушенных прав и законных интересов. В этом производстве на первое место выходит охранительная функция, заключающаяся в отстаивании ненарушенного законного интереса, имеющая целью предотвращение угрозы его возможного нарушения и создание необходимых предпосылок для того, чтобы нарушение не состоялось. При этом господствующее положение охранительного начала не следует понимать как отсутствие возможности для реализации восстановительной деятельности. Последний вариант возможен в случае нарушения прав и законных интересов осужденного в ходе производства по применению УДО. Однако он не является типичным для данной конструкции производства.

Некоторые ученые предлагают обусловить участие защитника предметом производства. По их мнению, «в допуске защитника нет необходимости, если на заседании суда обсуждаются вопросы о смягчении участи осужденного»<sup>183</sup>. Производство по УДО действительно направлено на улучшение положения осужденного, однако из этого не следует исключение участия защитника. Направленность процессуальной деятельности не означает упрощение процессуальных гарантий, закрепляемых за лицами, вовлекаемыми в судопроизводство, в силу того, что не обуславливает исход рассмотрения дела<sup>184</sup>. К тому же возможный отказ суда в реализации притязания на УДО может расцениваться как ухудшение положения осужденного в ходе процесса. Поэтому участие защитника в процессуальной деятельности по УДО необходимо.

В юридической литературе высказывались идеи о необходимости закрепления института обязательной защиты в производстве по УДО<sup>185</sup>. Разделяя высказанные предложения, хотелось бы уточнить случаи обязательной защиты.

Основными факторами, обуславливающими обязательное участие защитника в производстве по уголовному делу, служат тяжесть право-

---

<sup>183</sup> Любавин А.А. Развитие и совершенствование процессуальных форм исполнения приговора к лишению свободы // Вопросы экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС. – Томск, 1962. – С. 98.

<sup>184</sup> См.: Свиридов М.К. Указ соч. – С. 71–72.

<sup>185</sup> Николок В.В. Указ соч. – С. 151.

вых последствий и специфические свойства лица (возраст, отсутствие определенных способностей или некоторые физические недостатки). Полагаем, указанные факторы также должны учитываться в производстве по УДО. Если лица, в отношении которых ведется производство по УДО, не утратили или, наоборот, приобрели свойства, затрудняющие самостоятельную реализацию ими права на защиту в процессе отбывания наказания, они, безусловно, нуждаются в дополнительных гарантиях. В связи с этим, в делах об УДО, где участвуют осужденные, не достигшие совершеннолетия, а также лица, в силу физических и психических недостатков не могущие самостоятельно осуществлять право на защиту или не владеющие языком судопроизводства, должно обеспечиваться обязательное участие защитника<sup>186</sup>. Правовые последствия отказа суда в предоставлении УДО заключаются в необходимости отбытия оставшейся части наказания. Однако в данном случае учитываться должна не продолжительность оставшейся части наказания, а условия, на которых возможно повторное обращение об УДО. Статья 175 УИК РФ устанавливает единые условия повторного обращения для всех осужденных, отбывающих срочный вид лишения свободы: не ранее шести месяцев со дня вынесения постановления суда об отказе в применении УДО. В связи с этим в производстве по УДО от отбытия срочного вида наказания независимо от его продолжительности нет необходимости в обязательном участии защитника. Определенная специфика существует лишь в отношении осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы: уголовно-исполнительное законодательство устанавливает, что повторное обращение такого осужденного возможно не ранее чем через три года. Три года – довольно продолжительный срок, поэтому представляется уместным закрепление обязательного участия защитника в решении вопроса об УДО осужденного к пожизненному лишению свободы.

В уголовно-процессуальной литературе нет единых позиций по поводу определения момента вступления защитника в производство. От-

---

<sup>186</sup> Институт обязательной защиты осужденного давно известен зарубежному законодательству. К примеру, ст. 8 УИК Польши устанавливает, что во время судебного разбирательства по делам об УДО осужденный должен иметь защитника, если он глухой, немой или слепой, возникают обоснованные сомнения относительно его вменяемости, ему не исполнилось 18 лет, он не владеет польским языком. См.: *Кодексы Польши*. Уголовный кодекс. Уголовно-процессуальный кодекс (выдержки). Уголовно-исполнительный кодекс. – М., 1998. – С. 113.

сутствие единства во мнениях объясняется тем, что уголовно-процессуальное законодательство четко не определяет структуру процессуальной деятельности по УДО. Поэтому момент вступления защитника в дело определяется в зависимости от того, каким видят содержание процессуальной деятельности те или иные авторы. Так, М.К. Свиридов, объединяя этапы возбуждения производства и подготовки дела к судебному заседанию, считает, что защитник может участвовать в производстве с момента поступления представления администрации исправительного учреждения в суд<sup>187</sup>. Ю.К. Якимович, четко не указывая момент вступления защитника в производство, говорит о том, что адвокат должен оказывать юридическую помощь осужденному во всех уголовно-процессуальных стадиях производства<sup>188</sup>. Безусловно, участие защитника в производстве должно опосредовать все этапы уголовно-процессуальной деятельности, поэтому момент вступления его в производство должен относиться к наиболее «ранним» этапам уголовно-процессуального производства. В этой связи, разделяя предлагаемую концепцию, полагаем, что моментом вступления в производство защитника должен стать момент возбуждения уголовно-процессуальной деятельности в ходе подготовки дела к судебному заседанию. В этом случае обязанность обеспечения участия защитника должна лежать на суде.

С моментом вступления защитника в уголовно-процессуальное производство тесно связана проблема определения процессуального положения адвоката, участвующего во внесудебных стадиях деятельности по УДО. Изучение практики показывает, что в тех случаях, когда по делам об УДО принимает участие адвокат, основная его деятельность происходит на досудебном этапе подготовки материалов. В правовой литературе обоснованно указывается, что его деятельность на этом этапе имеет принципиальное значение для последующего оказания защиты<sup>189</sup>. Однако, поскольку она протекает вне процессуальных форм, представляется, едва ли стоит определять ее в качестве защитительной в прямом смысле этого понятия.

В этой связи, принимая во внимание, что ч. 8 ст. 12 УИК РФ устанавливает правило, согласно которому для получения юридической помощи осужденные могут прибегать к услугам адвокатов, следует заключить, что профессиональный юрист, оказывающий юридическую

---

<sup>187</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 73.

<sup>188</sup> Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 46.

<sup>189</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 73.

помощь осужденному, может выступать в двух юридических качествах: как адвокат в ходе внесудебной деятельности и как защитник в ходе судебного производства по УДО. При этом адвокат приобретает статус защитника в момент возбуждения уголовно-процессуального производства по УДО на стадии подготовки дела к судебному разбирательству<sup>190</sup>.

Основная проблема оказания юридической помощи на внесудебном этапе заключается в том, что уголовно-исполнительное законодательство не в полной мере определяет возможности адвоката. Сравнение отдельных положений уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального закона (п. 4 ст. 89 УИК РФ и ст.ст. 47, 53, ч. 3 ст. 399 УПК РФ) позволяет сделать вывод о том, что реализация защитительных возможностей на досудебном этапе производства по УДО может протекать только в формах, определенных уголовно-исполнительным законодательством.

Внесенные изменения в ст. 175 УИК РФ предусматривают, что с ходатайством об УДО вправе обращаться адвокат осужденного. При этом указывается, что в ходатайстве должны быть указаны сведения, свидетельствующие о том, что последний для дальнейшего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Смысл данной нормы позволяет сделать вывод, что адвокат осужденного должен иметь возможность получить необходимую ему информацию, подтверждающую отбытие осужденным установленного минимума наказания, а также достижение соответствующей степени исправления. В этой связи вопрос о формах оказания юридической помощи осужденному приобретает дополнительную актуальность.

Основным направлением уголовно-процессуальной деятельности защитника на досудебном этапе является собирание информации, имеющей доказательственное значение. Часть 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику достаточный арсенал средств для реализации этой функции, включая различные формы получения необходимых материалов: опрос лиц, истребование справок, характеристик и иных документов от государственных и негосударственных органов и учреждений. Универсальный характер этих методов позволяет использовать их и при оказании юридической помощи осужденному по делам об УДО вне рамок уголовного процесса.

---

<sup>190</sup> Подробнее о содержании и особенностях стадии подготовки в параграфе 3.2.

Как правило, основным средством получения информации на досудебном этапе является опрос осужденного, проводимый в ходе свидания. Изучение практики показывает, что хотя по делам об УДО адвокаты довольно редко проводят предварительные беседы с осужденными, по другим правовым вопросам свидание адвоката с осужденным не редкость. В этой связи вызывает безусловную поддержку дополнительное регламентирование права свидания с целью оказания юридической помощи в ч. 4 ст. 89 УИК РФ. Вместе с тем свидания не могут в полной мере обеспечить реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи, особенно при решении вопроса об инициировании уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи возникает необходимость в дополнительных средствах оказания юридической помощи.

Одним из таких средств на внесудебном этапе может служить ознакомление с материалами личного дела осужденного. Анализ документов позволит адвокату осужденного, претендующего на УДО, сформировать представление о данном осужденном, убедиться в том, что осужденный обоснованно претендует на УДО, проанализировать потенциальную доказательственную базу, предварительно сформулировать свою позицию по делу и т.д. В этой связи для более эффективного оказания помощи осужденному целесообразно отразить в уголовно-исполнительном законодательстве право адвоката на ознакомление с материалами личного дела осужденного, возбудившего ходатайство об УДО. При этом следует использовать уголовно-процессуальный опыт регламентирования этого права путем дополнительного закрепления широкого спектра таких сопутствующих возможностей, как вправо выписывать из материалов личного дела любые сведения в любом объеме, снимать за свой счет копии с материалов личного дела, в том числе с помощью технических средств. Полученные таким образом данные помогут адвокату уточнить предмет и основание ходатайства, а также обеспечить его необходимыми доказательствами. В этом случае адвокат сможет также получить копии документов, свидетельствующих об отбытии осужденным необходимого срока наказания (копию приговора суда, устанавливающую статью уголовного закона и срок наказания; копии определений и постановлений кассационной и надзорной инстанций, изменяющие срок наказания, копии документов, свидетельствующих о зачете предварительного заключения в срок отбывания наказания и зачете отбытого наказания при назначении наказания по совокупности приговоров и т.п.). Если в личном деле осужденного находят-



ся сведения, составляющие государственную тайну (например, касающиеся оперативно-розыскной работы), то они должны предварительно изыматься работником уголовно-исполнительной системы, ответственным за хранение подобного рода документов.

Исправление лица является сложным процессом, трудно поддающимся внешней формализованной оценке. Такие возможности по сбору информации, как опрос и исследование документов, как правило, предполагают оценку внешней стороны исправления осужденного. Вместе с тем для эффективного оказания юридической помощи по делам об УДО необходимо также выяснять внутренний психологический настрой осужденного. Решить этот вопрос можно путем проведения специальных исследований. Действующее законодательство прямо не предусматривает использование специальных познаний при решении вопроса об УДО. Между тем в некоторых странах такая возможность существует. Так, при решении вопроса о досрочном освобождении во Франции одним из документов досье осужденного, предоставляемого судье, является заключение психолога. В отечественной литературе также высказываются мнения о необходимости использования подобных средств<sup>191</sup>. Конечно, вести речь о проведении экспертизы для установления факта достижения необходимой степени исправления довольно трудно, однако вполне возможно с согласия осужденного провести его психологическое исследование. В связи с этим защитник может обратиться к независимым специалистам с просьбой о составлении психологического портрета или иной психологической характеристики осужденного. В этом случае администрация исправительного учреждения должна создать соответствующие условия – обеспечить свидание осужденного со специалистом. Следует отметить, что такая возможность согласуется с правом осужденного на добровольное психологическое исследование, закрепляемым в ч. 6-1 ст. 12 УИК РФ. Дополнительным аргументом в пользу ее использования служит тот факт, что в некоторых личных делах осужденных встречаются документы, содержащие в себе психологическую характеристику осужденного, составленную ведомственными психологами.

---

<sup>191</sup> См.: Жилевич Р.С. Критерии применения условно-досрочного освобождения осужденных лиц // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. – Пермь, 1997. – С. 173–174.

Изучение практики показывает, что адвокат крайне редко принимает участие в производстве по делам об УДО (2,1%). Так, по данным опроса в конце 2003 года лишь 8% опрошенных адвокатов принимали участие в производстве по УДО, при этом большинство из них оказывали юридическую помощь осужденным, отбывающим наказания, не связанные с изоляцией от общества.

На наш взгляд, причины слабого участия защитника по делам об УДО помимо недостаточного нормативного определения правовых возможностей адвоката на внесудебных этапах также кроются в неопределенности УПК РФ относительно защитительных средств на уголовно-процессуальном этапе производства. Такие предположения отчасти подтверждаются данными опроса. Так, 46,2% адвокатов считают, что, участвуя в рассмотрении дел об УДО, адвокат может пользоваться возможностями, предоставляемыми ст. 53 УПК РФ, 48,5% – правами осужденного, закрепляемыми в ч. 4 ст. 399 УПК РФ. То, что причины не носят материальный характер, подтверждается тем, что, по мнению 34,2% адвокатов, у немалой части осужденных есть возможность оплатить услуги по оказанию квалифицированной юридической помощи. Наличие достаточных финансовых возможностей подтверждают 27,9% опрошенных осужденных.

Буквальное толкование ч. 4 ст. 399 УПК РФ («Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката») позволяет сделать вывод, что процессуальные возможности участвующего в производстве по УДО адвоката обуславливаются правами осужденного, иными словами, фактически закрепляется представительская модель оказания юридической помощи. Изучение практики показывает, что, как правило, основными защитительными средствами на этом этапе производства являются: ознакомление с представленными в суд материалами, заявление ходатайств, дополнительное представление документов и высказывание мнения о возможности УДО. С учетом того, что фактически используемый объем средств по оказанию юридической помощи соответствует закрепляемому в законе, может показаться неуместным предложение о расширении защитительных возможностей. Безусловно, упрощенный характер процессуальной деятельности не позволяет использовать многие защитительные средства, типичные для основного производства. Однако этот факт, на наш взгляд, не должен служить основанием фактического ограничения процессуального положения адвоката в исследуемом производстве. Усеченный характер прав осужденного, его зависимое от исправительного учреждения положение предполагают созда-

ние на нормативном уровне условий, позволяющих ему получать юридическую помощь от субъекта, обладающего достаточными для этого средствами. Таким субъектом может выступать только адвокат, наделенный правами защитника. Другими словами, предоставление адвокату осужденного статуса защитника обуславливается не только расширенным пониманием защиты, но и соображениями практического плана, так как последний является самостоятельным участником производства, обладающим достаточным объемом процессуальных средств для достижения поставленных задач, независимо от процессуального положения подзащитного. К тому же содержание защиты включает в себя такие дополнительные гарантии, как случаи обязательного участия, регламентированный порядок допуска, назначения, замены и отказа от защитника.

Следует также учесть, что статусом защитника наделяют адвоката нормы Общей части УПК РФ, имеющие по отношению к прочим определяющее значение. Так, п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ устанавливает, что защитник вправе участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с исполнением приговора. В этой связи, разделяя позицию ученых, выступающих за определение процессуальных возможностей адвоката, участвующего в производстве по УДО, путем нормативного закрепления за ним прав, предусмотренных соответствующими статьями Общей части<sup>192</sup>, считаем целесообразным уточнить ч. 4 ст. 399 УПК РФ, указав, что осужденный может осуществлять свои права с помощью защитника, позволив последнему использовать возможности, предусмотренные ст. 53 УПК РФ. Такое предложение, на наш взгляд, будет способствовать устранению неопределенности в процессуальном положении этого участника судопроизводства, а также повысит эффективность его деятельности.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Оказывая юридическую помощь осужденному, претендующему на УДО, адвокат выступает в двух юридических качествах: как адвокат на внесудебных этапах оказания юридической помощи осужденному и как защитник в уголовно-процессуальных стадиях производства.

2. Защитником адвоката осужденного позволяет признать расширенное понимание уголовно-процессуальной защиты как деятельности, включающей в себя не только опровержение обвинения или уголовного

---

<sup>192</sup> Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 49.

преследования, но и оказание помощи лицу, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство.

3. Предмет защитительной деятельности в производстве по УДО составляет оказание юридической помощи осужденному, заключающейся в отстаивании его притязания на досрочное освобождение от отбывания наказания, а также предотвращении ущемляющих права и законные интересы осужденного действия и решения органов и учреждений, исполняющих наказание. Момент вступления защитника в уголовно-процессуальную деятельность по УДО должен быть связан с моментом возбуждения производства.

4. Для более эффективного оказания юридической помощи осужденному на досудебном этапе производства по УДО в уголовно-исполнительном законодательстве необходимо предусмотреть такие возможности адвоката, как право знакомиться с материалами личного дела осужденного и привлекать с согласия осужденного специалиста для проведения его психологического исследования.

5. Для повышения роли адвоката в уголовно-процессуальном производстве следует уточнить процессуальные возможности адвоката путем дополнения ч. 4 ст. 399 УПК РФ указанием на то, что осужденный может осуществлять свои права с помощью защитника.

#### § 4. Процессуальное положение прокурора

Часть 3 ст. 399 УПК РФ устанавливает, что в судебном производстве по УДО вправе участвовать прокурор. Традиционно в специальной литературе участие прокурора в производстве по УДО обуславливалось осуществлением надзорных функций<sup>193</sup>.

Современная концепция прокурорского надзора определяет одним из критериев предмета надзора деятельность соответствующего субъекта. Это означает, что пределы надзора ограничены не характером и содержанием правоотношений, а институциональной принадлежностью субъекта. Поэтому единые по своей правовой природе отношения, складывающиеся в ходе исполнения приговора, становятся предметом различных направлений прокурорской деятельности. С учетом того, что действующее законодательство исключает суд из объекта надзорной

---

<sup>193</sup> См.: Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. – М., 1978. – С. 80–92; Он же. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М., 1983. – С. 59–76; Бровин Г.И., Михайлов В.Т. Прокурорский надзор за исполнением приговоров. – М., 1977. – С. 20–26.

деятельности, в ходе исполнения наказания прокурор осуществляет надзор лишь за деятельностью исправительных органов и учреждений, а при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора, участвует в судебном производстве на правах участника, не наделенного надзорной властью.

Существует мнение, что, участвуя в уголовно-процессуальных производствах, не связанных с изобличением лица в совершении преступления и назначением ему наказания, прокурор осуществляет надзор, однако объектом надзора является не деятельность суда (или сам суд), а состояние законности<sup>194</sup>. Едва ли стоит разделять такую позицию. Помимо того, что она не учитывает основные принципы построения надзорной деятельности, проблематично, на наш взгляд, определять результат деятельности (состояние законности), игнорируя деятельность самого субъекта, ведущего производство, поэтому даже в этом случае следует признать, что, надзирая за состоянием законности, прокурор фактически проверяет деятельность суда, что противоречит его роли в современном судебном производстве. В этой связи, принимая во внимание судебный характер производства об УДО, вести речь об осуществлении прокурорского надзора можно только на досудебных (не уголовно-процессуальных) этапах.

Учитывая осуществление прокурором в производстве по уголовному делу функции обвинения, можно предположить, что основанием прокурорской деятельности в производстве по УДО является поддержание последствий обвинения. Вместе с тем такая позиция также уязвима. Последствием обвинения является обвинительный приговор суда. Вопросы, возникающие в ходе его исполнения, составляют самостоятельный пласт отношений, не имеющих ни к обвинению, ни к самому приговору прямого отношения. Нельзя также забывать, что обвинение как процессуальный институт является категорией, четко определяемой в нормативно-правовом плане. Формальный метод позволяет однозначно установить пределы и содержание данного понятия<sup>195</sup>. В то же время категория «последствия обвинения» не имеет четких ни материально-правовых, ни процессуальных пределов. Определять же всю процессу-

---

<sup>194</sup> См.: *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск, 2000. – С. 221; *Бойков А.Д.* Третья власть в России. – М., 1997. – С. 225.

<sup>195</sup> Несмотря на наличие споров о пределах и содержании понятия «обвинение», ученые предлагают четкие критерии определения данной категории. См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1. – С. 164, 194–196; *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и его изменение в суде. – Казань, 1963. – С. 34.

альную деятельность прокурора при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, в качестве реализации последствий обвинения невозможно хотя бы потому, что она обладает различной направленностью. К примеру, при решении вопроса об УДО прокурор может занимать различную позицию: поддерживать предложение о предоставлении осужденному этой меры или, наоборот, возражать против этого.

Проектируя направленность обвинительной деятельности на производство по УДО, можно предположить, что такие «последствия» должны отражать содержание обвинения, т.е. быть направлены на применение уголовно-правовых ограничений в ходе отбывания наказания. За основу в этом случае можно взять решение Европейского Суда по делу Кэмпбелла (Campbell) и Фелла (Fell) против Соединенного Королевства, определившего критерии отнесения деятельности публично-правовых субъектов в стадии исполнения приговора к уголовному обвинению. Согласно приводимому решению, деятельность государственных органов является уголовным обвинением, если она направлена на применение уголовных или дисциплинарных мер, заключающихся в лишении осужденного льгот или права на досрочное освобождение за правонарушение в ходе исполнения наказания<sup>196</sup>. Действительно, деятельность, удовлетворяющая данным критериям, в некоторых случаях может быть определена в качестве разновидности обвинительной, однако она не входит в предмет прокурорской деятельности согласно отечественному законодательству. Вопросы о дисциплинарном воздействии на осужденных за совершенные ими правонарушения решает администрация исправительных учреждений; решение вопросов, связанных с УДО, является прерогативой суда, к тому же российское законодательство в качестве меры воздействия не предусматривает лишение осужденного возможности досрочного освобождения. Более того, активность прокурора может носить разнонаправленный характер. Если в случае оспаривания возможности предоставления УДО ее можно отнести к аналогу обвинительной, то при согласии прокурора с предоставлением данной меры такое отнесение вряд ли возможно. В связи с этим, по нашему мнению, не следует сводить прокурорскую деятельность в производстве по УДО к особой форме поддержания последствий обвинения.

Несмотря на нормативное определение в УПК РФ лишь основных функций, деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве гораз-

---

<sup>196</sup> См.: Европейский суд по правам человека. Избранные решения: В 2-х т. Т. 1. – М., 2000. – С. 443–446.

до разнообразнее и не исчерпывается поддержанием обвинения, осуществлением уголовного преследования и реализацией прокурорского надзора. По мнению некоторых ученых, на прокуроре лежит так называемая правообеспечительная функция, заключающаяся в обеспечении нормального развития уголовно-процессуальных отношений и создании тем самым условий для успешной правоприменительной деятельности<sup>197</sup>. В этой связи возникает вопрос о возможности реализации этого направления в производстве по УДО.

Хотя в литературе нет единства относительно содержания этой функции, представляется, правы те авторы, которые включают в нее наряду с обеспечением прав и законных интересов участников судопроизводства также охрану общественных (публичных) интересов<sup>198</sup>. Разрешение вопроса об УДО прямым образом затрагивает интересы осужденного, администрации исправительного учреждения и общества в целом, поэтому нет сомнений, что такая функция свойственна этому производству<sup>199</sup>. Вместе с тем существует серьезное препятствие для выделения этого направления в рамках процессуальной деятельности по УДО. Предметом правообеспечения охватывается, как правило, только процессуальная составляющая деятельности участников судопроизводства<sup>200</sup>. В производстве по УДО процессуальный элемент настолько не развит, что объективно затрудняет реализацию этого направления. При этом довольно трудно определить содержание не только процессуального интереса участников, но и публично-правового. Принимая во внимание, что последний представляет собой сумму интересов потенциальных участников производства, получается, что он включает в себя только интересы осужденных, отбывающих наказания и претендующих на УДО. Таким образом, понимание правообеспечения как охраны и

---

<sup>197</sup> Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. – Томск, 1991. – С.16.

<sup>198</sup> См.: Юркевич Н.А. Указ. соч. – С. 26–33; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – С. 60; Мартыничук Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – Кишинев, 1982. – С. 34; Конституционные основы правосудия в СССР. – М., 1981. – С. 322.

<sup>199</sup> В литературе обоснованно высказывается мнение, что эта функция присуща всем стадиям уголовного процесса. См.: Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М., 1961. – С. 49; Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск, 1974. – С. 62, 66.

<sup>200</sup> Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). – М., 1973. – С. 56.

защиты сугубо процессуальных интересов в силу упрощенного содержания и дополнительного характера производства фактически делает бессодержательным осуществление этой функции в рамках процессуальной деятельности по УДО.

В связи с этим, принимая во внимание недостаточную развитость процессуального элемента, считаем возможным расширить предмет правообеспечительной функции прокурора в производстве по УДО, включив в него обеспечение не только процессуальных, но и материально-правовых интересов участников производства. Учитывая, что применение УДО затрагивает не только интересы осужденного и администрации, но и общества в целом, в ходе реализации обеспечительного направления в этом случае будет учитываться полный спектр публичных интересов, включающий в себя интересы не только осужденных, но и свободных граждан. Однако возможен ли такой подход? Полагаем, да. Отечественное процессуальное законодательство знает случаи, когда реализация правообеспечительной функции направлена на обеспечение не только процессуальных, но и материальных интересов участников и общества в целом. Примером может служить прекращение прокурором производства по уголовному делу на досудебном этапе. Включение в содержание правообеспечительной функции, осуществляемой прокурором, охраны материально-правовых интересов означает превращение ее из второстепенной в производстве по уголовному делу в основную в процессуальной деятельности по УДО. С учетом того, что прокурор в этом производстве не осуществляет функции надзора и не поддерживает обвинение, такой подход применим, однако для окончательного вывода следует выяснить, как это направление деятельности соотносится с иными функциями, реализуемыми в производстве по УДО (защитой, отстаиванием уголовно-исполнительного интереса, разрешением дела по существу).

Исходя из того, что осуществление правообеспечительной деятельности возможно лишь должностными лицами и органами, проблема отграничения этой функции от защиты снимается. Кроме того, разграничить их можно по предметному признаку: сфера интересов защиты значительно уже и обуславливается лишь отстаиванием притязания осужденного на УДО, в то время как правообеспечение, не исключая удовлетворения этого притязания, может выражаться в противоположенном стремлении – воспрепятствовать освобождению не исправившегося осужденного. Аналогичным образом решается вопрос об отграничении прокурорской деятельности от деятельности администрации



исправительного учреждения, с той лишь разницей, что совокупность интересов последнего участника производства определяется лежащей на этом учреждении функции исправления осужденного.

Сложнее обстоит дело с отграничением правообеспечения от разрешения дела по существу. Для этого необходимо выяснить, возможна ли правообеспечительная деятельность, включающая охрану материально-правовых интересов, вне правоприменительных форм. В литературе применительно к производству по уголовному делу высказываются идеи о том, что любые формы правообеспечения являются правоприменением<sup>201</sup>. При таком подходе, учитывая, что в производстве по УДО правоприменение осуществляет только суд, следует признать функцию правообеспечения тождественной разрешению дела по существу. Вместе с тем такая концепция неприменима в производстве по УДО. Если в производстве по уголовному делу существуют отдельные этапы, предназначенные для решения сугубо процессуальных и исключаяющие решение материально-правовых вопросов (досудебное производство и подготовка к судебному разбирательству), где как раз и осуществляется правообеспечительная деятельность в форме правоприменения, то в производстве по УДО таких уголовно-процессуальных стадий нет. Поэтому реализация любых функций, предполагающих правоприменение, будет означать разрешение дела по существу. Из этого следует, что для разграничения правообеспечительной деятельности прокурора, включающей отстаивание материально-правовых интересов, и суда в производстве по УДО первый должен быть лишен возможности реализовывать эту функцию в форме правоприменительной деятельности, по крайней мере, в отношении материально-правовых вопросов. Таким образом, второй ключевой характеристикой правообеспечительной функции прокурора в производстве по УДО является отсутствие у прокурора правоприменительных полномочий.

Сказанное выше позволяет уточнить содержание правообеспечительной деятельности, осуществляемой прокурором в производстве по УДО. Включение в нее обеспечения материально-правовых интересов означает, что, участвуя в судебном разбирательстве, прокурор отстаивает интересы общества, заключающиеся в неосвобождении неисправившихся осужденных, и соответствующие закону интересы осужденных, заключающиеся в освобождении исправившихся осужденных. Реализация последнего направления возможна лишь путем содействия в осво-

---

<sup>201</sup> См.: Юркевич Н.А. Указ. соч. – С. 21–22.

бождении конкретного осужденного (отстаивании его личных притязаний на УДО), поэтому с формальных позиций может показаться, что прокурор в процессе оказывает содействие осужденному. Хотя такой подход не противоречит концепции правообеспечения, следует учитывать, что приоритет в этом случае остается за публичным интересом, включающим в себя сумму соответствующих закону интересов осужденных, претендующих на УДО, а не за отстаиванием личных притязаний на досрочное освобождение, иначе создается риск признать прокурора представителем осужденного, что в корне противоречит его роли в уголовном судопроизводстве. В связи с этим представляется оправданной высказываемая в науке позиция о том, что при правообеспечении личный интерес всегда поглощается публичным<sup>202</sup>. Оставляя в стороне справедливость этого тезиса применительно к производству по уголовному делу, согласимся с таким суждением относительно производства по УДО.

Наличие отдельной уголовно-процессуальной функции, направленной на обеспечение как процессуальных, так и материально-правовых интересов общества и осужденных, позволяет признать за прокурором, участвующим в производстве по УДО, статус самостоятельного участника судопроизводства. Существует мнение, что прокурор, не осуществляя надзор, в уголовном процессе может выступать либо представителем государства<sup>203</sup>, либо публичным истцом<sup>204</sup>. В связи с этим возникает вопрос, кем выступает в нашем случае прокурор? Полагаем, в данном случае он является, скорее, представителем, нежели публичным истцом. Такое заключение основывается на том, что публичный истец в уголовном судопроизводстве всегда есть сторона в процессе, играющая одну процессуальную роль (неизменную позицию по делу), обусловленную материально-правовым интересом. В производстве по УДО, хотя деятельность прокурора также направлена на применение материальных норм, довольно трудно вести речь о его неизменной позиции по делу: в

---

<sup>202</sup> Конституционные основы правосудия в СССР. – М., 1981. – С. 322.

<sup>203</sup> Матевосян Е.А. Участие прокурора по делам о применении принудительных мер медицинского характера: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1993. – С. 18.

<sup>204</sup> Круглов И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – С. 16. Подробнее о публичном (уголовном) иске в уголовном процессе см.: Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. – М., 1927. – С. 110–114; Он же. К вопросу об юридической природе обвинения перед судом // Изв. вузов. Правоведение. – 1960. – № 1. – С. 110; Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе. – М., 1948. – С. 34.

отношении одного осужденного он может поддержать представление администрации, в отношении другого – выступить против. При этом и в первом и во втором случае его позиция будет основана на законе.

Такое возможно из-за того, что он, не будучи непосредственным участником правоотношения по УДО, должен оценить возможность досрочного освобождения с позиции обеспечения как общественных интересов, так и интересов осужденных и по результатам оценки избрать ту или иную роль в производстве. Поэтому, реализуя правообеспечительную функцию в рамках производства по УДО, прокурор выступает публичным представителем, отстаивающим как интересы общества, заключающиеся в воспрепятствовании освобождению исправившегося осужденного, так и интересы претендующих на УДО осужденных, заключающиеся в содействии освобождению исправившегося осужденного, или, говоря проще, оказывает содействие правоприменителю в законном и обоснованном решении вопроса об УДО. В этом плане едва ли прокурора можно считать публичным истцом. Придание прокурору статуса публичного истца сделает невозможным реализацию некоторых направлений правообеспечительной функции: ему придется отстаивать какой-то один интерес – либо общества, либо осужденных, совместить их невозможно в силу различного содержания правообеспечения и узости форм публично-искового производства.

Особенность прокурорского надзора на досудебном этапе производства заключается в том, что прокурор в случае выявления случаев необоснованного представления к УДО не реагирует на них до судебного рассмотрения вопроса<sup>205</sup>. В этой связи некоторые ученые для повышения эффективности прокурорской деятельности предлагают наделить его правом вхождения в суд с ходатайством о возбуждении уголовно-процессуального производства<sup>206</sup>. С формальных позиций нет препятствий для закрепления такой возможности ни в рамках надзорных, ни в рамках процессуальных полномочий. Более того, учитывая, что законодательство предоставляет возможность прокурору инициировать возбуждение уголовно-процессуальной деятельности по результатам надзорных проверок за исполнением законов, отсутствие подобной воз-

---

<sup>205</sup> Такая практика расценивается некоторыми учеными как положительная. См.: Бровин Г.И., Михайлов В.Т. Прокурорский надзор за законностью исполнения приговора. – М., 1977. – С. 125.

<sup>206</sup> См.: Литвинов В.Р. Разрешение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров. – Воронеж, 1964. – С. 53; Матвиенко А.Е., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 107–108.

возникает закономерный вопрос: учитывая, что осужденному также предоставляется право инициирования уголовно-процессуальной деятельности, есть ли смысл наделять прокурора аналогичным правом?

Принимая во внимание осуществление надзора на досудебном этапе производства, для устранения неоправданного дублирования процессуальных прав участников прокурор должен инициировать процессуальную деятельность в исключительных случаях<sup>207</sup>. Механизм реализации этого права должен быть аналогичен механизму инициирования процессуальной деятельности осужденным или его адвокатом (законным представителем). Возбуждение ходатайства прокурора перед судом о предоставлении УДО должно реализовываться через администрацию учреждения и автоматически влечь за собой ее обязанность представить характеристику на осужденного и заключение о возможности УДО. В этой связи следует дополнить ст. 175 УИК РФ указанием на то, что правом подачи ходатайства в суд наряду с осужденным, его защитником и законным представителем обладает также прокурор. Аналогичные изменения необходимо внести и в ст. 399 УПК и ст. 33 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

Существует мнение, что прокурор должен приобрести статус обязательного участника производства по УДО. По мнению Т.Н. Добровольской, такая необходимость обусловливается наличием в этом производстве уголовно-процессуального доказывания<sup>208</sup>. Едва ли можно согласиться с подобными аргументами. Во-первых, доказывание осуществляется на всех стадиях и производствах уголовного процесса, поэтому этот факт никоим образом не объясняет необходимость обязательного участия прокурора в производстве по УДО. Во-вторых, если имеется в виду участие прокурора в процессе доказывания, то УПК РФ не относит его к субъектам доказывания в ходе процессуальной деятельности по УДО, так как не предоставляет ему соответствующих процессуальных возможностей.

---

<sup>207</sup> См.: Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 45–46; Глазкова В.Н. Прокурорский надзор за законностью представления к условно-досрочному освобождению лиц, условно осужденных с обязательным привлечением к труду // Проблемы охраны прав и интересов осужденного. – Кемерово, 1985. – С. 131.

<sup>208</sup> См.: Добровольская Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора. – М., 1979. – С. 80–81.

На наш взгляд, принимая во внимание активную роль суда в установлении фактических обстоятельств дела, следует оставить за прокурором статус факультативного участника судопроизводства. Участие прокурора в уголовно-процессуальном производстве должно носить исключительный характер и обуславливаться, главным образом, результатами надзора за законностью деятельности администрации по представлению осужденных к УДО. Иначе говоря, прокурор должен вступать в уголовно-процессуальное производство только в случае незаконного ограничения права осужденного по возбуждению ходатайства об УДО или в случае угрозы нарушения общеправовых интересов в результате удовлетворения необоснованного или незаконного ходатайства о предоставлении досрочного освобождения. Следует отметить, что такие предложения вызывают поддержку у 34% судей и 40,6% прокурорских работников и соответствуют сложившейся в некоторых судах практике, когда прокурор принимает участие в судебном разбирательстве только в отношении осужденных, предварительные материалы о которых не позволяют однозначно решить вопрос об УДО (табл. 2.2.4, рис. 2.2.1).

УПК РФ устанавливает, что прокурор, участвующий в производстве по УДО, высказывает суду свое мнение о возможности досрочного освобождения осужденного. Изучение практики показывает, что это право используется в большинстве дел об УДО, однако при этом формы его реализации различны. Так, в некоторых делах мнение прокурора выражается в форме письменной резолюции на представлении или характеристике осужденного. К примеру, по делу об УДО осужденного К., на представлении администрации прокурором была сделана следующая резолюция: «Представление администрации исправительного учреждения ЯУ 114/4 о предоставлении условно-досрочного освобождения осужденному Кирееву поддерживаю. Дата. Фамилия, инициалы, должность, класный чин. Подпись»<sup>209</sup>. Иногда его мнение выражается в форме отдельного документа, представляемого в суд вместе с материалами личного дела осужденного. Как правило, в таких случаях в последующем прокурор принимает участие в судебном разбирательстве только в отношении тех осужденных, предоставление УДО которым он не поддерживает. Хотя такой подход с формальных позиций не противоречит действующему процессуальному законодательству, едва ли подобную практику следует считать оправданной.

---

<sup>209</sup> Архив федерального суда Кировского района г. Томска, дело № 3-803/03.

Участвуя в судебном разбирательстве, прокурор в основном ограничивается устным изложением мнения о возможности УДО. При этом вопреки установленным требованиям оно редко бывает мотивированным и зачастую сводится к высказываниям примерно следующего содержания: «представление исправительного учреждения поддерживаю» или «прошу суд отказать в удовлетворении представления администрации». Очевидно, что такие формы участия в производстве едва ли могут способствовать эффективной реализации правообеспечительной функции.

На наш взгляд, высказывание прокурором мнения о возможности УДО в таком виде, как его закрепляет УПК РФ, является по существу латентной формой осуществления надзорной функции. Во-первых, представляя собой оценку возможности досрочного освобождения осужденного, оно не содержит доказательственной информации, а посему не имеет самостоятельного процессуального значения. Во-вторых, в советской науке убедительно доказано, что содержанием ранее существовавшего заключения прокурора как раз являлось мнение прокурора о возможности УДО осужденного<sup>210</sup>. В этой связи, учитывая, что УПК не содержит иных форм процессуальной деятельности прокурора в производстве по УДО, высказывание мнения вполне может расцениваться как рудимент ранее существовавшей надзорной формы прокурорского участия в стадии исполнения приговора. Представляется, что для устранения этой проблемы высказывание прокурором мнения должно сочетаться с наличием у него возможностей участника производства, включающих в себя заявление ходатайств, выступление с докладом, представление доказательств, задавание вопросов, участие в исследовании доказательств. В этом случае участие прокурора в производстве будет соответствовать реализуемой им в производстве по УДО правообеспечительной функции. К тому же, как показывает изучение практики, в тех случаях, когда прокурор участвует в судебном разбирательстве, его деятельность не ограничивается высказыванием мнения. Как правило, он реализует также и другие процессуальные возможности, прямо не предусматриваемые УПК РФ: знакомится с материалами, заявляет ходатайства, задает с разрешения судьи вопросы и т.п. (табл. 2.4.1, 2.4.2). В этой связи считаем необходимым дополнить п. 6 ст. 399 УПК РФ такими правами, как право инициировать уголовно-процессуальную дея-

---

<sup>210</sup> См.: Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М., 1983. – С. 48–59.

тельность, выступать с докладом, представлять документы, принимать участие в их исследовании, а также заявлять ходатайства.

Подводя итог раскрытию процессуального положения прокурора, отметим следующее:

1. Участвуя в производстве по УДО, прокурор реализует правообеспечительную функцию по охране и защите как общественных интересов, выражающихся в воспрепятствовании освобождению неисправившихся осужденных, так и интересов осужденных, отбывающих наказания и претендующих на УДО, заключающихся в содействии освобождению исправившегося осужденного.

2. Особенности правообеспечительной функции, реализуемой прокурором в процессуальной деятельности по УДО, заключаются в том, что она: а) включает в себя наряду с обеспечением процессуальных также обеспечение материально-правовых интересов; б) исключает правоприменение как основной способ своей реализации.

3. Наличие отдельной процессуальной функции позволяет рассматривать прокурора в качестве самостоятельного участника производства – публичного представителя.

4. Принимая во внимание активную роль суда в производстве по УДО, для наиболее эффективной реализации правообеспечительной функции за прокурором необходимо сохранить статус факультативного участника производства, однако при этом дополнительно предоставить ему такие процессуальные возможности, как право инициировать уголовно-процессуальную деятельность, выступать с докладом, представлять документы, принимать участие в их исследовании, заявлять ходатайства.

5. Прокурор должен вступать в уголовно-процессуальное производство по УДО в исключительных случаях, когда реализация осужденным возможностей по возбуждению ходатайства об УДО незаконно ограничена или же когда возникает реальная угроза общеправовым интересам в результате удовлетворения необоснованного или незаконного ходатайства об УДО.

### **§ 5. Процессуальное положение представителя органа или учреждения, исполняющего наказание**

Одним из основных участников производства по УДО является представитель органа или учреждения, исполняющего наказание. Несмотря на

то, что этот субъект является одним из основных участников производства, вопрос об осуществляемых им функциях остается открытым.

Существует мнение, что в производстве по УДО представитель исправительного учреждения выполняет две функции: на досудебном этапе производства осуществляет исправление осужденного, а в судебном – оказывает содействие суду в правильном разрешении вопроса об УДО<sup>211</sup>. С учетом того, что досудебный этап не носит уголовно-процессуального характера, можно согласиться с мнением о том, что основное направление деятельности администрации на предварительном этапе заключается в исправлении осужденного. Однако относительно судебного этапа весьма трудно вести речь, что его деятельность заключается лишь в оказании содействия суду в правильном разрешении дела. Безусловно, оказание содействия суду – задача каждого субъекта, но она не является основной в иерархии задач, стоящих перед конкретным участником процессуальной деятельности. Единственным участником производства, перед которым может стоять такая цель, как было показано выше, является прокурор, остальные преследуют свои цели, обусловленные их материальными и процессуальными интересами. Применительно к администрации исправительного учреждения материальный интерес заключается в отстаивании тезиса о том, что осужденный для своего дальнейшего исправления нуждается или, наоборот, не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания ввиду лежащей на ней обязанности по его исправлению. Другое дело, что существующая конструкция производства по УДО создает видимость, будто бы администрация оказывает содействие суду в разрешении дела. Такой эффект объясняется тем, что администрация исправительного учреждения дает предварительное заключение о возможности УДО осужденного. В результате возникает ложное впечатление, что она будто бы помогает суду разрешить по существу дело об УДО.

В науке высказываются взгляды, что представитель органа или учреждения, исполняющего наказание, участвующий в производстве по УДО, по своему процессуальному положению является представителем, отстаивающим интересы учреждения<sup>212</sup>. Разделяя такой подход, уточ-

---

<sup>211</sup> Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 48.

<sup>212</sup> См.: Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 50; Мартыняхин Л.Ф. Совершенствование процессуального порядка условно-досрочного освобождения от наказания // Актуаль-



ним содержание его интереса. В юридической литературе на этот счет нет единства: одни ученые сводят его к праву администрации на УДО, другие – к обязанности досрочно освободить исправившегося осужденного<sup>213</sup>. Считаем, что, участвуя в производстве по УДО, представитель исправительного учреждения реализует обязанности, вытекающие из лежащей на учреждении функции исправления осужденного и заключающиеся либо в поддержании досрочного освобождения исправившегося осужденного, либо в воспрепятствовании освобождению осужденного, нуждающегося в дальнейшем отбывании наказания. При этом в первом случае эта обязанность обуславливается не возникшим у осужденного правом на УДО, а успешной реализацией исправительным учреждением карательной функции и досрочным достижением целей наказания<sup>214</sup>. Во втором – наоборот, их не достижением. Другими словами, эта обязанность выражается либо в запрете осуществления исправительного воздействия в отношении лица, приобретшего в ходе отбывания наказания свойства, нивелирующие его прежние преступные установки, либо, напротив, в необходимости продолжения исправительного воздействия на осужденного, нуждающегося в дальнейшем отбывании ранее назначенного приговором суда наказания. Такое понимание содержания процессуальной деятельности позволяет считать представителя администрации самостоятельным участником производства, имеющим в производстве свой материальный интерес, не обусловленный материальными притязаниями других участников (в первую очередь, осужденного).

С учетом того, что отношения, регулирующие вопросы исправительного воздействия на осужденного, по своей природе являются уголовно-исполнительными, обязанность по прекращению исправительного воздействия на досрочно исправившегося осужденного или продолжению такого воздействия на осужденного, нуждающегося в дальнейшем отбывании наказания, также носит уголовно-исполнительную природу. То, что она однозначно не является уголовно-правовой, подтверждается тем, что за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение не

---

ные вопросы правопедения в период совершенствования советского общества. – Томск, 1989. – С. 203–204.

<sup>213</sup> См.: *Голык Ю.В., Уткин В.А.* О реформе условно-досрочного освобождения и участии общественности в его применении // *Новый уголовный закон.* – Кемерово, 1989. – С. 124–127.

<sup>214</sup> *Авдеев В.А.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – С. 16.

наступает уголовно-правовых последствий. Предвидя возражения о том, возможна ли реализация уголовно-исполнительной обязанности в уголовно-процессуальной форме, сошлемся на М.К. Свиридова, который обоснованно показал, что возникновение уголовно-исполнительных отношений в ходе реализации уголовно-правовых норм – закономерное для стадии исполнения приговора явление, не меняющее природу правоприменительной деятельности<sup>215</sup>.

Уточнение предмета процессуальной деятельности участника со стороны исправительного учреждения позволяет развеять существующие у некоторых практических работников и осужденных иллюзии о том, что они в уголовном судопроизводстве осуществляют представительство интересов осужденных. В данном случае нет представительства, а иногда имеет место фактическое совпадение материально-правовых устремлений осужденного и представителя администрации. Вступая в производство по УДО, администрация исправительного учреждения может выступать за предоставление досрочного освобождения лишь постольку, поскольку эта мера способствует реализации ее уголовно-исполнительного интереса. Дополнительным аргументом может служить тот факт, что, в связи с нормативным закреплением права осужденного инициировать производство об УДО, направление деятельности администрации не изменяется: она по-прежнему продолжает отстаивать уголовно-исполнительный интерес путем поддержания или оспаривания требования осужденного о досрочном освобождении. Говоря об уголовно-процессуальном представительстве интересов осужденного, не следует также забывать, что хотя УПК РФ прямо не предусматривает участие представителей, такая возможность не исключается. К примеру, в производстве по УДО могут принимать участие законные представители несовершеннолетнего осужденного – его родители, усыновители, попечители, а также опекуны<sup>216</sup>. В отношении совершеннолетнего осужденного уголовно-процессуальное представительство поглощается оказанием юридической помощи в рамках уголовно-процессуальной защиты. Другими словами, в производстве по УДО существуют самостоятельные участники, которые осуществляют или замещают функцию уголовно-процессуального представительства, по-

---

<sup>215</sup> См.: Свиридов М.К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск, 1978. – С. 28–81.

<sup>216</sup> Стецовский Ю.И. Адвокат в уголовном судопроизводстве. – М., 1972. – С. 99.

этому вести речь о реализации данного направления деятельности администрации не имеет смысла.

Признание представителя исправительного учреждения участником, отстаивающим самостоятельный материально-правовой интерес в производстве, требует уточнения его процессуального положения. Хотя УПК РФ называет его представителем, на самом деле он таковым не является, по крайней мере, в уголовно-процессуальном смысле. Такой вывод основывается на том, что представитель исправительного учреждения имеет свой материально-правовой интерес, не обусловленный материальными притязаниями других участников производства. Несмотря на то, что вопрос о материальном интересе представителя в уголовном процессе является спорным<sup>217</sup>, не вдаваясь в дискуссию, отметим, что если речь идет о производстве по уголовному делу, то не исключено придание статуса представителя лицу независимо от наличия у него прямого материально-правового интереса в деле. В случае же реализации регулятивных норм, считаем более правильным использовать гражданско-правовую модель представительства, исключаящую наличие материального интереса. Далее, уголовно-процессуальный представитель, как правило, осуществляет правообеспечительную функцию в судопроизводстве. Говорить об этом направлении в деятельности представителя органа или учреждения, исполняющего наказание, в производстве по УДО абсурдно: если при непосредственном исполнении наказания отдельные элементы правообеспечения в деятельности органа или учреждения, исполняющего наказание, не исключены, то в судопроизводстве в силу узости материального интереса администрации они отсутствуют. Таким образом, определение этого участника производства в качестве представителя не означает предоставление ему такого процессуального статуса, а объясняется, на наш взгляд, особенностями понятийного аппарата уголовного процесса.

В научной литературе подчеркивается, что представитель органа или учреждения, исполняющего наказание, относится к числу специфических субъектов производства, не могущих участвовать в других ста-

---

<sup>217</sup> См.: Якимович Ю.К. Некоторые аспекты участия защитника в уголовном процессе // Избранные статьи (1985–1996). – Томск, 1997. – С. 3–15; Адаменко В.Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск, 1983. – С. 94; Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М., 1961. – С. 215; Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. – М., 1962. – С. 200.

диях и производствах<sup>218</sup>. На наш взгляд, специфика его положения обусловлена не столько принадлежностью к определенному уголовно-процессуальному этапу, сколько невозможностью отстаивания им иных, кроме уголовно-исполнительных, интересов в производстве. В результате представитель органа или учреждения, исполняющего наказание, не принадлежит к числу участников, отстаивающих общеправовой или частный интерес: уголовно-исполнительным интересом не охватываются интересы ни конкретного осужденного, претендующего на УДО, ни иных осужденных.

Толкование ст. 399 УПК РФ означает, что фактором, обуславливающим участие представителя органа или учреждения, исполняющего наказание, в судебном производстве, является усмотрение суда. Изучение практики показывает, что представитель исправительного учреждения не всегда принимает участие в разрешении вопроса об УДО (табл. 2.2.4, рис. 2.2.1). В представляемых в суд материалах на УДО нередко встречаются ходатайства администрации о рассмотрении дела в отсутствие ее представителя. К сожалению, судьи весьма часто удовлетворяют такие просьбы. В этой связи для устранения подобных негативных явлений следует нормативно придать представителю администрации статус обязательного участника производства. Целесообразность высказанного предложения подтверждается и тем, что в настоящее время предусматривается возбуждение производства по инициативе осужденного (его адвоката). С учетом того, что вопрос о досрочном освобождении от отбывания наказания напрямую затрагивает уголовно-исполнительный интерес органа или учреждения, исполняющего наказания, обязательное участие этого субъекта в производстве необходимо. В этой связи необходимо предусмотреть в ст. 399 УПК РФ примерно следующее правило: «Участие в судебном заседании представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, обязательно».

УПК РФ не определяет, кто из сотрудников органа или учреждения, исполняющего наказание, может представлять интересы исправительного учреждения. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев уголовно-исполнительный интерес представляет начальник отряда (86%), реже – иные должные лица исправительного учреждения (14%). В этой связи в литературе ведется дискуссия о том, кто из должностных лиц должен представлять интересы исправительного ор-

---

<sup>218</sup> См.: Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 49–50.

гана или учреждения. По мнению одних, таким субъектом должен быть начальник отряда, как лицо, достаточно хорошо знающее осужденного, представляемого к УДО<sup>219</sup>. По мнению других, – начальник или один из заместителей начальника учреждения, ответственного за исправительно-воспитательную работу в учреждении<sup>220</sup>. Учитывая, что основным направлением в деятельности представителя органа или учреждения, исполняющего наказания, является отстаивание уголовно-исполнительного интереса, более приемлемой представляется последняя позиция, особенно с учетом того, что по таким делам не исключено заслушивание нескольких сотрудников исправительного учреждения. Такой подход, по справедливому замечанию Л.Ф. Мартыняхина, позволит разграничить процессуальные функции сотрудников исправительного учреждения, участвующих в одном судебном разбирательстве<sup>221</sup>.

УПК РФ закрепляет за представителем исправительного органа или учреждения, участвующим в деле, такие процессуальные возможности, как участвовать в судебном разбирательстве и давать объяснения. Изучение практики показывает, что помимо указанных возможностей сотрудник с разрешения судьи иногда задает вопросы и дает объяснения (табл. 2.5.1). Сопоставление процессуальных прав представителя исправительного учреждения с правами осужденного показывает, что последний с формальных позиций обладает гораздо большими процессуальными возможностями (знакомиться с материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы). На практике имеет место противоположенная ситуация: более активным участником судебного разбирательства является представитель исправительного учреждения. Таким образом, имеет место явное несоответствие процессуальных возможностей фактическому содержанию деятельности участников производства.

В уголовно-процессуальной литературе решение проблемы видится по-разному. М.К. Свиридов, отталкиваясь от наличия у исправительного учреждения отдельного процессуального интереса, предлагает наделить этого участника максимально возможным комплексом прав: присутствовать на судебном заседании, выступать, поддерживать ходатай-

---

<sup>219</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 49–50.

<sup>220</sup> См.: Мартыняхин Л.Ф. Совершенствование процессуального порядка условно-досрочного освобождения от наказания // Актуальные вопросы правопедения в период совершенствования советского общества. – Томск, 1989. – С. 203–204.

<sup>221</sup> См.: Мартыняхин Л.Ф. Указ. соч. – С. 203–204.

ство, представлять доказательства, заявлять отводы, задавать вопросы осужденному и вызванным свидетелям<sup>222</sup>. По мнению других ученых, представитель исправительного учреждения должен быть наделен тем же объемом процессуальных возможностей, однако обуславливаться он должен не наличием у него особого интереса, а процессуальными возможностями иных участников. В этой связи Ю.К. Якимович пишет: «Процессуальное положение представителя органа, ведающего исполнением наказания, должно быть таким же, как и у других участников»<sup>223</sup>. Второй подход представляется более правильным. Для отстаивания уголовно-исполнительного интереса не нужен широкий комплекс прав. Очевидно, исходя из этого, УПК РФ предоставляет представителю исправительного учреждения ограниченные процессуальные возможности: участвовать в судебном разбирательстве и давать объяснения. Вместе с тем участие в производстве прокурора, занимающего порой достаточно активную позицию по делу, а также осужденного, обладающего широкими процессуальными возможностями, формально ставит представителя исправительного учреждения в неравное положение. В результате создается абсурдная ситуация: один из основных участников производства с формальных позиций не может отстоять свой интерес, поскольку ему противостоят более «обеспеченные» в процессуальном плане контрагенты. В этой связи, учитывая, что уголовно-исполнительный интерес в данном случае может быть реализован только в уголовно-процессуальном порядке, следует наделить участника со стороны исправительного учреждения процессуальными возможностями, адекватными возможностям иных участников производства.

В связи с этим представляется не совсем точной позиция В.В. Николюка о том, что основным направлением совершенствования процессуального статуса представителя органа или учреждения, исполняющего наказания, должно стать предоставление права участвовать в исследовании доказательств<sup>224</sup>. На наш взгляд, основная тенденция должна заключаться в предоставлении ему процессуальных возможностей самостоятельного участника производства, чей материально-правовой интерес оспаривается другими субъектами. Конкретная совокупность прав

---

<sup>222</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 52.

<sup>223</sup> См.: Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 51; Мартыняхин Л.Ф. Указ. соч. – С. 204; Литвинов Р.В. Рассмотрение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговора. – Воронеж, 1964. – С. 87–88.

<sup>224</sup> См.: Николюк В.В. Указ. соч. – С. 144.

представителя исправительного учреждения, помимо участия в суде (что лучше сделать обязанностью) и дачи объяснений, должна предусматривать такие возможности, как право заявлять ходатайства и отводы, задавать вопросы, давать объяснения, представлять дополнительные материалы, обжаловать решения суда в кассационном порядке.

Внесенные в УПК РФ и УИК РФ изменения лишили администрацию исправительного учреждения права инициирования уголовно-процессуальной деятельности по УДО. Такой подход законодателя вызывает настороженность. Прежде всего, он расходится с общемировой моделью процессуальной деятельности по УДО, предполагающей одинаковые процессуальные возможности участников производства по возбуждению перед судом ходатайств о предоставлении досрочного освобождения. Как показывает зарубежный опыт, в тех странах, где осужденный имеет право инициирования процессуальной деятельности по УДО, администрация, как правило, сохраняет за собой аналогичную возможность<sup>225</sup>. Во-вторых, лишение администрации права инициировать уголовно-процессуальную деятельность по УДО едва ли отвечает интересам самих осужденных. Предоставление права осужденным обращаться непосредственно в суд по вопросам УДО будет способствовать резкому повышению количества подобных обращений, в том числе и необоснованных. В результате не исключено выработка у судей предвзятого отношения к подобного рода ходатайствам. В таких условиях вхождение администрации исправительного учреждения в суд с представлением об УДО достойного, по ее мнению, осужденного способно сгладить возможное деформированное отношение судьи, что, естественно, повышает шансы на вынесение отвечающего интересам осужденного решения. В этой связи вряд ли лишение администрации права инициировать уголовно-процессуальную деятельность по УДО является прогрессивной мерой.

Подводя итог, сделаем следующее заключение:

1. Содержание материально-правового интереса представителя исправительного учреждения в производстве по УДО заключается либо в снятии с себя обязанности по исправительному воздействию на осужденного, не нуждающегося в дальнейшем отбывании наказания вследствие досрочного достижения его целей, либо в воспрепятствовании

---

<sup>225</sup> К примеру, УИК Польши наряду с осужденным предоставляет право инициирования процессуальной деятельности по УДО также начальнику исправительного учреждения (§ 2 ст. 161). См.: *Кодексы Польши ...* – С. 154.

освобождению осужденного, нуждающегося, по ее мнению, в полном отбытии назначенного приговором суда наказания ввиду не достижения им необходимой для УДО степени исправления.

2. Этот интерес свойствен только представителю исправительного учреждения и не обуславливается материально-правовыми притязаниями других участников производства. В этой связи представитель исправительного учреждения, несмотря на то, что законодатель использует такой термин, не является уголовно-процессуальным представителем, а представляет собой самостоятельного участника производства.

3. Наличие в производстве других участников, обладающих более широким арсеналом процессуальных средств для отстаивания своих интересов, предполагает предоставление представителю исправительного учреждения дополнительно таких полномочий, как право заявлять ходатайства и отводы, задавать вопросы, представлять документы. Кроме предоставления отмеченных прав, на него следует возложить обязанность обязательного участия в судебном разбирательстве.



### Глава III

#### ПОРЯДОК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ

В науке предлагаются два способа совершенствования процессуальной деятельности по УДО: путем усложнения уголовно-исполнительной формы (создание уголовно-исполнительного производства, введение специализированных судов и т.п.) и путем оптимизации действующего уголовно-процессуального порядка разрешения дел об УДО. Нельзя сказать, что первый путь бесперспективен. Зарубежный опыт рассмотрения дел об УДО показывает, что страны, избравшие усложненную уголовно-исполнительную процедуру для разрешения дел об УДО, делают заметные успехи. Однако у этого пути есть существенный недостаток. Хотя он идеально подходит для реализации уголовно-исполнительного интереса, тем не менее он не может надлежащим образом обеспечить соблюдение интересов общества и общеправовых интересов осужденных, поэтому зарубежный законодатель вынужден привносить в производство дополнительный уголовно-процессуальный контрольный механизм путем закрепления комплекса судебно-проверочных производств (Польша и Франция<sup>226</sup>). В результате усложнение уголовно-исполнительной формы с неизбежностью влечет усложнение уголовно-процессуального порядка разрешения дел об УДО.

Отечественная концепция разрешения вопросов УДО в этом плане более «экономична», так как изначально закрепляет уголовно-процессуальную форму разрешения дел об УДО. В отличие от уголовно-исполнительного, уголовно-процессуальный порядок способен одновременно обеспечить реализацию как интересов осужденных, так и ин-

---

<sup>226</sup> Примером может служить порядок производства по делам об УДО в Польше. Польское законодательство, устанавливая развернутый уголовно-исполнительный порядок разрешения по существу дел об УДО у пенитенциарного судьи, предусматривает возможность обжалования его решения в суд общей юрисдикции по правилам первой инстанции (ст.ст. 18–24, 159–163 УИК Польши). См.: *Кодексы Польши* ...С. 116–117, 154–155. Подробнее о производстве по УДО в других странах см.: *Imprisonment Today and Tomorrow* ... P. 539–541, 262–263, 268–269.

тересов общества и государства. Вместе с тем наличие нетипичного для уголовного судопроизводства уголовно-исполнительного элемента модифицирует производство, делает его упрощенным по сравнению с процессуальной деятельностью по уголовному делу. В этой связи основной проблемой становится четкое определение порядка уголовно-процессуальной деятельности по УДО. Ее решение возможно через раскрытие содержания и структуры уголовно-процессуального производства по досрочному освобождению.

### § 1. Содержание уголовно-процессуальной деятельности

В литературе обоснованно указывается, что основным содержанием уголовно-процессуальной деятельности является доказывание<sup>227</sup>. Действительно, для того, чтобы правильно разрешить вопрос о возможности УДО, необходимо установить наличие соответствующих условий и обстоятельств, что может быть сделано только после специального познавательного процесса, именуемого доказыванием. При этом если комплексное содержание основного производства позволяет выделить в рамках производства по уголовному делу другие виды деятельности, не являющиеся доказыванием, к примеру предъявление обвинения, привлечение в качестве обвиняемого, то упрощенное содержание производства по УДО фактически сводит всю процессуальную деятельность к доказыванию. В этой связи вопрос о содержании процессуальной деятельности по УДО будет рассмотрен с точки зрения специфики доказывания по таким делам.

В уголовно-процессуальной литературе подчеркивается, что процесс доказывания по делам об УДО имеет существенную специфику, заключающуюся в особом предмете и пределах, совокупности используемых доказательств, а также особенностях средств доказывания.

В науке нет единства относительно вопроса о содержании предмета доказывания по делам об УДО. Суть полемики сводится к двум вопросам: а) какие обстоятельства следует включать в предмет доказывания; б) каковы пределы его нормативного регулирования.

По мнению одних ученых, предмет доказывания по делам об УДО должен включать в себя обстоятельства: а) характеризующие личность осужденного; б) указывающие на степень исправления и перевоспита-

---

<sup>227</sup> См.: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2000. – С. 5; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 1993. – С. 23–53.

ния осужденного, достигнутого в период отбывания наказания; в) свидетельствующие о возможности дальнейшего исправления и перевоспитания его без изоляции от общества<sup>228</sup>. Другие полагают, что при решении вопроса об УДО необходимо устанавливать сроки фактического отбытия наказания, поведение осужденного, его отношение к труду и обучению, а также участие в общественной жизни<sup>229</sup>. Третьи предлагают ограничить содержание предмета доказывания обстоятельствами, свидетельствующими: а) о поведении осужденного; б) об отношении осужденного к труду; в) об отношении к воспитательным мероприятиям; г) об отношении к общеобразовательному и профессионально-техническому обучению<sup>230</sup>. Четвертые включают в него только две группы обстоятельств: а) свидетельствующие об исправлении осужденного (примерное поведение, добросовестное отношение к труду, активное участие в общественной жизни и т.п.); б) характеризующие личность осужденного, включая сведения о здоровье, трудоспособности и т.п.<sup>231</sup> Наконец, существует мнение, что в производстве по УДО нет обстоятельств, могущих составлять предмет доказывания, так как здесь якобы нет доказывания как процессуальной деятельности<sup>232</sup>.

---

<sup>228</sup> *Пышнев Д.И.* Судебное разбирательство по делам об условно-досрочном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981. – С. 4. Аналогичным образом определяет предмет доказывания В.Н. Бибило, пишущая, что в предмет стадии исполнения приговора можно включить такие обстоятельства: 1) указывающие на наличие факта, препятствующего исполнению приговора в том виде, в котором он вынесен судом; 2) свидетельствующие об изменении поведения лица в период отбывания наказания либо после освобождения от него; 3) подтверждающие изменения, происшедшие в личности осужденного; 4) способствующие модификации личности осужденного. См.: *Бибило В.Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Минск, 1986. – С. 127.

<sup>229</sup> *Швецов В.И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М., 1982. – С. 11.

<sup>230</sup> См.: *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 65; *Глазкова В.Н.* Характеристика предмета доказывания и доказательств по делам об условно-досрочном освобождении от наказания // Актуальные вопросы правоповедения. – Томск, 1978. – С. 112–116.

<sup>231</sup> *Добровольская Т.Н.* Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. – М., 1979. – С. 131.

<sup>232</sup> См.: *Тулянский Д.* Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // Законность. – 2001. – № 10. – С. 43; *Он же.* Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журнал российского права. – 2001. – № 7. – С. 118–121.

Приведенные мнения можно разделить на три группы. В первую следует включить позиции ученых, полагающих, что в предмет доказывания включаются только обстоятельства, характеризующие непосредственное поведение и ценностные установки осужденного в период отбывания наказания. Во вторую – позиции тех, кто дополнительно включает в предмет доказывания обстоятельства, непосредственно не связанные с отбытием наказания, однако свидетельствующие о наличии условий, позволяющих предполагать, что осужденный должен достигнуть исправления и что у него есть условия для закрепления исправительного воздействия. Наконец, последнюю группу образуют идеи, согласно которым все обстоятельства, устанавливаемые в ходе производства по УДО, очевидны, поэтому бессмысленно говорить о предмете доказывания как самостоятельной категории.

Сторонникам первого подхода не откажешь в строгой уголовно-процессуальной логике: предметом оценки могут быть только свершившиеся обстоятельства, непосредственно свидетельствующие о достижении осужденным исправления, устанавливаемые и проверяемые в ходе судебного разбирательства. Вместе с тем, если в основном производстве такой подход оправдан, то в производстве по УДО едва ли стоит его абсолютизировать. Особенности материально-правового основания досрочного освобождения и упрощенный характер процессуальной деятельности не позволяют ограничивать предмет доказывания только такими обстоятельствами.

Исправление осужденного является сложным процессом, практически не поддающимся формализованным методам оценки, поэтому довольно трудно нормативно определить его степень и соответственно четкие процессуальные критерии применения УДО<sup>233</sup>. В этой связи законодатель вынужден вводить дополнительные формализованные признаки, например, отбытие необходимого срока. Безусловно, установление фактически отбытого срока наказания не представляет такой сложности, как установление исправления, между тем не стоит исключать это обстоятельство из предмета доказывания. В конечном счете, предмет доказывания определяется составом материально-правовой нормы, подлежащей применению, а фактическое отбытие срока наказания является обязательным условием применения УДО. Конечно, вести речь о том, что факт отбытия установленного законом срока дает осно-

---

<sup>233</sup> См.: *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. – М., 1992. – С. 98–99.

вания полагать, что осужденный исправился, абсурдно, тем не менее рассматривать его как косвенное доказательство вполне возможно. В этой связи, принимая во внимание, что все доказательства исправления осужденного носят косвенный характер<sup>234</sup>, не следует исключать из предмета доказывания установление фактов, свидетельствующих об отбытии осужденным определенного срока.

Косвенный характер доказательств исправления осужденного предполагает, что круг обстоятельств, могущих выступать в качестве подтверждения исправления, необычайно широк и разнообразен<sup>235</sup>, поэтому, на первый взгляд, представляется закономерным отсутствие единых взглядов относительно конкретной совокупности обстоятельств, составляющих предмет доказывания. Между тем условия отбывания наказания объективно сужают совокупность обстоятельств, могущих подтвердить или опровергнуть достижение исправления, особенно если речь идет об освобождении от лишения свободы. В итоге фактически существует лишь ограниченный круг обстоятельств, свидетельствующих о достижении осужденным исправления. При этом они могут подтвердить исправление осужденного только в условиях отбывания наказания, однако, опираясь на них, проблематично прогнозировать поведение осужденного на свободе, поэтому, на наш взгляд, совершенно оправдано включение в содержание предмета доказывания обстоятельств, свидетельствующих о наличии условий, необходимых для закрепления исправительного воздействия. Необходимость включения в предмет доказывания этих обстоятельств прямо вытекает из смысла ст. 79 УК РФ. Уголовный закон устанавливает, что УДО применяется, если для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания. Толкование этой нормы означает, что процесс исправления может быть продолжен и на свободе. В связи с этим при решении вопроса о досрочном освобождении суду необходимо установить наличие соответствующих условий, следовательно, такие обстоятельства должны быть включены в предмет доказывания по делам об УДО. Хотя они прямо не свидетельствуют о достижении осужденным исправления, вместе с тем их значение для решения вопроса по существу очевидно.

---

<sup>234</sup> Перлов И.Д. Исполнение приговора. – М., 1963. – С. 68.

<sup>235</sup> См.: Хмыров А.А. Косвенные доказательства. – М., 1979. – С. 120; Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1956. – С. 33–81.

Включение в предмет доказывания обстоятельств, подтверждающих отбытие осужденным необходимого срока и наличия на свободе условий, необходимых для закрепления исправительного воздействия, определенным образом выхолащивает целостное содержание предмета доказывания по делам об УДО как совокупности обстоятельств, непосредственно направленных на подтверждение исправления. В этой связи могут показаться обоснованными высказываемые предположения об отсутствии предмета доказывания как такового, однако вряд ли стоит разделять такие идеи. Безусловно, эти обстоятельства очевидны и в большинстве случаев не требуют проведения специальных процессуальных действия для своего установления; между тем, обладая немаловажным значением, они не являются ключевыми для разрешения вопроса о применении УДО. Определяющее значение имеют те, которые свидетельствуют о поведении и личности осужденного, а они неочевидны, для их выявления необходима исследовательская деятельность, поэтому, на наш взгляд, нельзя вести речь о том, что предмета доказывания как самостоятельной категории по делам об УДО не существует, а имеет место лишь предмет установления.

По делам об УДО существует отдельный предмет доказывания, включающий в себя наряду с обстоятельствами, не требующими для своего установления проведения процессуальных действий, также обстоятельства, выявление и оценка которых предполагает процессуальную исследовательскую деятельность. Иначе говоря, он носит комплексный характер, включая в себя обстоятельства, подлежащие доказыванию, и обстоятельства, подлежащие установлению. Представляется, что конкретное содержание предмета доказывания должно включать в себя обстоятельства:

- 1) подтверждающие фактическое отбытие осужденным установленного ст.ст. 79, 93 УК РФ срока наказания;
- 2) характеризующие личность осужденного;
- 3) свидетельствующие о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания;
- 4) свидетельствующие о наличии надлежащих условий для закрепления результатов исправительного воздействия в случае его досрочного освобождения.

Проводя аналогию с предметом доказывания по уголовным делам, следует отметить, что обстоятельства, подлежащие установлению в основном производстве, также неоднородны. Статья 73 УПК РФ делит их на две группы, обособляя обстоятельства, подлежащие *доказыванию*

(событие преступления, виновность, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого и т.п. – ч. 1 ст. 73), и обстоятельства, подлежащие *выявлению* (способствующие совершению преступления – ч. 2 ст. 73). Тем не менее этот факт не мешает определять их общую совокупность как единый предмет доказывания по уголовному делу. В этой связи считаем оправданным включение в единый предмет доказывания по делам об УДО различной совокупности обстоятельств.

Справедливость включения в единый предмет доказывания по делам об УДО обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению, подтверждается исследованиями практического материала. Так, интервьюирование судей показывает, что для 35,4% определяющее значение при решении вопроса об УДО по существу имеют все четыре группы обстоятельств. Для 30,6% – все, кроме последней группы; и для оставшихся 34% – только обстоятельства, характеризующие личность осужденного и свидетельствующие о достижении им необходимой степени исправления.

Хотя в литературе распространено мнение о необходимости определения предмета доказывания по делам об УДО на нормативном уровне, в научной среде нет единства по поводу того, насколько детально должна быть его регламентация. Одни выступают за детальное закрепление предмета доказывания по делам об УДО<sup>236</sup>, другие подчеркивают, что достаточно определить основные его элементы<sup>237</sup>. Представляется, что нормативному закреплению должны подлежать все элементы предмета доказывания, в противном случае бессмысленно вести речь о детальном определении его содержания. Актуальность такого предложения подтверждается тем, что действующее законодательство, регулирующее вопросы УДО, не позволяет однозначно выделить предмет доказывания по таким делам. Так, ст. 79 (93) УК РФ устанавливает лишь минимальный срок отбытия наказания, при этом оставляет открытым вопрос о содержании обстоятельств, свидетельствующих о достижении осужденным необходимой степени исправления. В свою очередь, ст. 175 УИК РФ, указывая на отдельные данные, которые должны содержаться в характеристике и ходатайстве (раскаяние, возмещение вреда, отношение к труду и учебе), не включает в них сведения, свидетельствующие о наличии надлежащих условий, необходимых для закрепления исправительного воздействия. В этой связи представляется целесо-

<sup>236</sup> См.: Глазкова В.Н. Указ. соч. – С. 112–116.

<sup>237</sup> См.: Добровольская Т.Н. Указ. соч. – С. 131–132.

образным дополнить ст. 175 УИК РФ отдельной нормой, определяющей предмет доказывания по делам об УДО, включив в него отмеченные выше обстоятельства.

С проблемой определения предмета доказывания тесно связаны вопросы пределов доказывания по делам об УДО. По мнению И.Е. Карасева, пределы доказывания по делам об УДО составляют элементы, характеризующие поведение осужденного в местах лишения свободы<sup>238</sup>. Принимая во внимание высказанный выше подход к определению предмета доказывания по делам об УДО, предлагаем в качестве таких элементов считать обстоятельства, не только характеризующие поведение осужденного, но также свидетельствующие о личностных качествах, наличии необходимых условий для закрепления исправительного воздействия вне отбытия наказания. Характеризуя специфику пределов доказывания по делам об УДО, следует отметить, что различие в природе фактов и обстоятельств, подлежащих доказыванию, влечет за собой то, что доказыванию может подлежать как система поступков осужденного, линия его поведения, так и конкретный единичный факт. Действительно, с учетом того, что все доказательства исправления осужденного являются косвенными, пределы доказывания не могут быть определены нормативно и устанавливаются в каждом случае правоприменителем отдельно к каждому конкретному обстоятельству. Если в случае установления факта исправления доказыванию подлежит система поступков осужденного<sup>239</sup>, то при установлении факта наличия надлежащих условий для закрепления исправительного воздействия достаточно определить конкретный факт. Вместе с тем на производство об УДО распространяются общие правила работы с косвенными доказательствами, согласно которым указанные выше обстоятельства должны устанавливаться с достоверностью, подтверждаться достаточной совокупностью фактических данных, таких, чтобы на их основе можно было бы сделать однозначный вывод относительно входящих в предмет доказывания обстоятельств.

В уголовно-процессуальной литературе вопрос о доказательствах, могущих использоваться в производстве по УДО, спорный. Одни авто-

---

<sup>238</sup> Карасев И.Е. Некоторые особенности доказывания по делам о досрочном освобождении от наказания // Труды Томского университета. – Томск, 1974. – С. 113.

<sup>239</sup> Борисевич Г.Я. Юридическая природа условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. – Пермь, 1997. – С. 173.



ры отмечают, что в этом производстве существуют особые доказательства, присущие только этому производству<sup>240</sup>. Другие считают, что используются традиционные для уголовного процесса доказательства<sup>241</sup>. Наконец, высказывается мнение, что в производстве по УДО доказательств как таковых нет, а есть лишь материалы, на основании которых происходит разрешение дела<sup>242</sup>. Полагаем, в данном случае некоторыми учеными допускается подмена понятий доказательств и средств доказывания<sup>243</sup>. Принимая во внимание уголовно-процессуальный порядок разрешения дел об УДО, вести речь о наличии особого рода доказательств не следует: коль скоро применение УДО опосредуется уголовным процессом, все доказательства, служащие основанием принятия решения, являются уголовно-процессуальными. Другой вопрос, что различны их источники и формы собирания.

В науке вопрос об источниках доказательств, применимых в производстве по УДО, также является спорным. Одни полагают, что в этом производстве возможно использование всех традиционных для основного производства источников доказательственной информации<sup>244</sup>. Другие считают, что в ходе процессуальной деятельности по УДО допустимо лишь ограниченное их использование<sup>245</sup>. Не вдаваясь в полемику, отметим, что, на наш взгляд, в производстве по УДО возможно

---

<sup>240</sup> См.: *Володарский П.Г.* Институт досрочного освобождения и практика его применения // Сов. государство и право. – 1957. – № 7. – С. 51; *Ефимов М.А.* Проблемы лишения свободы как вида наказания в законодательстве, судебной и исправительно-трудовой практике: Автореф. ... дис. докт. юрид. наук. – Л., 1966. – С. 25.

<sup>241</sup> См.: *Филимонов Б.А.* Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. – М., 1965. – С. 73; *Лупинская П.А., Сперанский И.Н.* Порядок разрешения вопросов, возникающих в стадии исполнения приговора // Соц. законность. – 1967. – № 2. – С. 37.

<sup>242</sup> *Тулянский В.Д.* Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // Законность. – 2001. – № 10. – С. 43.

<sup>243</sup> Следует отметить, что в литературе нет единства относительно разграничения понятий «доказательства», «источники доказательств», «средства доказывания» и «виды доказательств». Некоторые ученые используют их как синонимичные, другие выступают за их разграничение. Последняя позиция представляется более оправданной. См.: *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2000. – С. 99.

<sup>244</sup> См.: *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 68; *Библио В.Н.* Указ. соч. – С. 130–132; *Глазкова В.Н.* Указ. соч. – С. 115.

<sup>245</sup> См.: *Михеенко М.М.* Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. – Киев, 1984. – С. 39–40.

ограниченное использование традиционных для основного производства источников доказательственной информации в сочетании с особыми, свойственными только этому производству, источниками доказательств.

Упрощенное содержание процессуальной деятельности, а также особый предмет доказывания делают невозможным использование всей совокупности традиционных для уголовного процесса доказательств. В частности, на наш взгляд, в производстве по УДО невозможно использование в качестве средств доказывания отдельных предметов (вещественных доказательств), а также экспертных заключений. Следует отметить, что в науке высказываются идеи о возможности проведения судебных экспертиз по вопросам, связанным с исполнением приговора<sup>246</sup>. Не исключено, что в некоторых производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, действительно целесообразно проводить экспертизы (например, при освобождении по болезни), однако вряд ли возможно их проведение по делам об УДО. Прежде всего, проблематично определить вид судебной экспертизы, который мог бы проводиться по таким делам. Так, вести речь о проведении судебно-психологической экспертизы трудно, так как здесь не решается вопрос о влиянии непатологических явлений психики осужденного на поведение или исправление<sup>247</sup>. К тому же проведение экспертизы в ходе судебного производства вызовет неоправданное усложнение процессуальной деятельности, в связи с этим мы исключаем экспертное заключение как вид доказательств из производства об УДО, однако это не должно расцениваться как невозможность проведения специальных исследований.

На наш взгляд, эту проблему необходимо решать путем проведения с согласия осужденного психологического исследования его личности на досудебных стадиях производства по УДО. Выше отмечалось, что в науке высказываются предложения об обязательном проведении психологического исследования осужденного, претендующего на УДО. Так, Р.С. Жилевич отмечает, что представление исправительного учреждения об УДО должно основываться на заключении психолога-

---

<sup>246</sup> *Беседин А.В.* Указ. соч. – С. 11.

<sup>247</sup> О предмете судебно-психологической экспертизы подробнее см.: Судебные экспертизы. – М., 2001. – С. 161–162.

эксперта<sup>248</sup>. Оправданность такого предложения отчасти подтверждается практикой, показывающей, что мнение психолога о возможности УДО осужденного довольно часто встречается в материалах дел (53,9%)<sup>249</sup>. Вместе с тем формы его выражения весьма различны. В основном оно отражается либо в представлении к УДО (56%), либо в характеристике осужденного (38%), либо в форме отдельного документа (6%)<sup>250</sup>, содержащегося в материалах личного дела осужденного, направляемого в суд вместе с представлением. На наш взгляд, мнение психолога должно выражаться в форме отдельного акта, составляемого по результатам психологического исследования личности осужденного на досудебном этапе производства. В этом случае, помимо того, что в деле будет присутствовать акт исследования, в судебных стадиях производства возможен допрос психолога в качестве специалиста по ранее высказанному им мнению. Интервьюирование показывает, что такой подход одобряют 62,9% судей и 53,1% прокурорских работников.

По мнению некоторых ученых, в производстве по УДО единственным процессуальным источником доказательств являются лишь официальные документы<sup>251</sup>.

Безусловно, роль документов как источников доказательственной информации по делам об УДО огромна, вместе с тем едва ли стоит переоценивать их значение. Во-первых, уголовно-процессуальный характер производства по УДО не позволяет признавать их единственными источниками доказательств, так как иначе возникает риск отрицания уголовно-процессуальной формы как таковой при разрешении этих дел. Во-вторых, ст. 399 УПК РФ предусматривает, что вопрос об УДО разрешается на основании не только представленных в суд или составленных в ходе судебного разбирательства документов, но также объяснений осужденного, доклада представителя исправительного учреждения и мнения прокурора. Хотя полученные в последнем случае сведения не укладываются в традиционные формы доказательств, предусматриваемые ст. 74 УПК РФ, то, что они являются таковыми, не вызывает сомнения. В этой связи следует подчеркнуть, что формы доказывания не остаются неизменными на протяжении всего процесса: различный круг

---

<sup>248</sup> См.: Жилевич П.С. Критерии применения условно-досрочного освобождения осужденных лиц // Российское законодательство: теория, практика, проблемы развития. – Пермь, 1997. – С. 173–174.

<sup>249</sup> К общему числу изученных материалов.

<sup>250</sup> К общему числу материалов, содержащих мнение психолога.

<sup>251</sup> Михеенко М.М. Указ. соч. – С. 39–40.

фактических обстоятельств в различных производствах изменяет средства доказывания. На наш взгляд, объяснения представителя исправительного учреждения и осужденного являются специфичными уголовно-процессуальными источниками доказательственной информации, характерными для производства по УДО. Существует мнение, что в производстве по УДО в качестве источников информации не исключено использование информации, исходящей от иных осужденных и сотрудников исправительных учреждений, могущих подтвердить (опровергнуть) отдельные обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делам об УДО<sup>252</sup>. Разделяя такую позицию, считаем, что в качестве таких источников также не исключено использование показаний родных и близких осужденного, возможных работодателей, а также свободных граждан, работающих на территории исправительных учреждений.

Обобщая вышеизложенное, представляется, что совокупность конкретных источников информации по делам об УДО должна включать в себя:

- 1) документы, представляемые в суд;
- 2) объяснения представителя исправительного органа или учреждения;
- 3) объяснения осужденного;
- 4) сведения, сообщаемые иными лицами.

Рассмотрим подробнее некоторые из них.

**Документы, представляемые в суд.** Практика показывает, что в основном все обстоятельства предмета доказывания по делам об УДО подтверждаются в документационной форме (табл. 3.1.1). Этот факт подчеркивает важность данного источника информации: если в основном производстве документы как доказательства играют вспомогательную роль, то в производстве по УДО они имеют определяющее (но не исключительное) значение. Несмотря на то, что УПК РФ устанавливает жесткие требования к исследованию документов как уголовно-процессуальных источников доказательств (ст.ст. 84, 285, п. 12 ч. 3 ст. 259 УПК РФ), в производстве по УДО возможно частичное отступление от этих правил. Так, если в судебном производстве по уголовному делу все документы, являющиеся предметом судебной оценки, должны быть оглашены и факт оглашения должен быть запротоколиро-

---

<sup>252</sup> См.: Свиридов М.К. Источники доказательств, используемые при разрешении дел об условно-досрочном освобождении // Труды Томского университета. – Томск, 1974. – С. 122–124.

ван, то в судебном заседании по делам об УДО нет смысла оглашать все представленные в суд материалы<sup>253</sup>.

Как правило, представляемые в суд документы включают в себя: а) решения судов, устанавливающие или изменяющие срок отбывания наказания; б) документы, составляемые по результатам предварительной подготовки материалов администрацией исправительного учреждения и личное дело осужденного; в) документы, представляемые осужденным, его адвокатом, родными и близкими, а также иными лицами.

Приговоры, постановления и определения судов кассационной, апелляционной и надзорной инстанции, а также иные судебные решения, касающиеся изменения или установления срока отбывания наказания, относятся к числу документов, с которыми возможна работа в упрощенном порядке. Упрощение в данном случае заключается в том, что факт отбытия осужденным минимального срока устанавливается не в судебном заседании, а в ходе подготовки к судебному разбирательству. В этой связи следует подчеркнуть, что обстоятельства, устанавливаемые на основе предшествующих судебных решений, не являются преюдиционными. Несмотря на то, что срок отбытия наказания указывается в представлении осужденного к УДО, он не имеет для суда обязательной силы, поэтому суд вынужден проводить отдельную исследовательскую работу, направленную на их установление. Хотя эта деятельность не обладает комплексностью, вместе с тем она является процессуальной, так как предполагает получение значимого для последующей процессуальной деятельности решения – вывода суда о наличии основания для возбуждения уголовно-процессуального производства<sup>254</sup>. Опрос судей показывает, что установление срока в большинстве случаев не вызывает затруднений. Отчасти этот факт объясняется тем, что продолжительное время УДО носило затяжной характер (в суд в основном поступали материалы на УДО осужденных, которым до конца отбытия срока осталось не более года). В таких случаях, действительно, отбытие осужденным минимального срока было очевидно. Вместе с тем в последнее время наметилась тенденция поступления в суд материалов на осужденных, оставшийся срок наказания у которых превышает год (табл. 3.1.2). Этот факт заставляет судей более внимательно относиться к установлению срока фактически отбытого наказания.

---

<sup>253</sup> См.: Свиридов М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 117.

<sup>254</sup> Об основании к возбуждению производства подробнее в следующем параграфе.

Документы, составляющие вторую группу, неоднородны. Они включают в себя материалы, свидетельствующие о поведении осужденного в период отбывания наказания (личное дело осужденного), и материалы, подтверждающие достижение осужденным необходимой степени исправления (характеристики и иные документы).

В юридической литературе подчеркивается особое значение материалов личного дела осужденного для разрешения вопроса об УДО. Эти выводы подтверждаются результатами практических исследований. Так, в ходе изучения практики не встретилось ни одного случая разрешения вопроса об УДО без личного дела осужденного. Интервьюирование показывает, что для 74,1% судей сведения, содержащиеся в личном деле, имеют определяющее значение. Материалы личного дела осужденного составляют самостоятельный документарный источник уголовно-процессуальных доказательств по делам об УДО. Его специфика заключается в том, что предметом судебной оценки являются не все материалы личного дела, а отдельные документы, подтверждающие или опровергающие обстоятельства, отражающиеся в иных документах (табл. 3.1.3). Вопрос об относимости конкретных документов личного дела разрешается судом на стадии подготовки к судебному разбирательству. В остальном исследование материалов личного дела должно строиться по общим правилам. Они должны оглашаться в судебном заседании, а факт оглашения должен отражаться в протоколе судебного заседания. Между тем изучение практики показывает, что эти требования соблюдаются не всегда. Наблюдение судебных заседаний показало, что суд, как правило, ограничивается общей ссылкой на личное дело без указания конкретного документа, являющегося основанием принятия решения. Так, при проведении судебного разбирательства в 67,5% случаев оглашения личных дел суд сослался на материалы без указания конкретного документа или листов дела, лишь в 23,8% случаев суд назвал документ и только в 8,7% указание на документ сопровождалось ссылкой на листы личного дела.

Статья 175 УИК РФ определяет, что в характеристике должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду во время отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному деянию, а также заключение администрации о целесообразности УДО. Таким образом, в доказательственном плане характеристика осужденного должна содержать, главным образом, сведения, характеризующие личность осужденного и свидетельствующие о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в пол-

ном отбытии наказания. В литературе к фактам, подтверждающим эти обстоятельства, традиционно относят:

- активную трудовую деятельность осужденного;
- повышение образовательного и профессионального уровня;
- участие в общественной жизни отряда или исправительного учреждения;
- раскаяние в совершенном преступлении;
- признание вины;
- адекватное реагирование на меры исправительно-воспитательного воздействия;
- соблюдение режима отбывания наказания;
- осознание справедливости назначенного наказания;
- положительные черты характера;
- полное или частичное возмещение причиненного преступлением ущерба;
- наличие положительных и продолжительных (в период отбывания наказания) связей с семьей, родными и близкими<sup>255</sup>.

Ведомственные акты устанавливают специальную форму характеристики, предполагающую ее согласование с должностными лицами исправительного учреждения, непосредственно отвечающими за исправительно-воспитательное воздействие на осужденного. Тем не менее, несмотря на усложненный порядок предварительного согласования, качество оформления характеристик оставляет желать лучшего. Изучение практики позволяет выделить следующие типичные недостатки.

1. Отражение в характеристиках сведений, не имеющих значения для разрешения дела. Типичным примером может служить характеристика на осужденного К. В характеристике содержится информация о том, что К. физически развит, опрятен, соблюдает личную гигиену и не курит<sup>256</sup>. В этой связи следует заметить, что, даже если осужденный ранее курил и был неопрятен, едва ли приобретение таких свойств во время отбывания наказания свидетельствует о том, что для своего дальнейшего исправления он не нуждается в полном отбывании наказания. Изучение практики показывает, что удельный вес подобной информации в представляемых в суд характеристиках достигает относительно высокого процента (табл. 3.1.4).

---

<sup>255</sup> Глазкова В.Н. Указ. соч. – С. 115.

<sup>256</sup> Архив федерального суда Октябрьского района г. Томска, дело № 3-1156/02.

2. Использование штампов, шаблонов, некритическое отношение к включаемой в характеристику информации, отсутствие развернутых сведений об указываемых обстоятельствах (рис.3.1.1)<sup>257</sup>. В результате имеют место случаи явного несоответствия сведений, содержащихся в характеристике, фактическим обстоятельствам. Примером может служить характеристика на осужденного Л., 1939 года рождения, когда начальник отряда указал, что осужденный находится в хорошей физической форме<sup>258</sup>. Оставляя в стороне вопрос об относимости подобных сведений, отметим, что общение с Л. не позволило нам сделать подобный вывод. Другим примером может служить случай, когда в характеристиках отражается информация, не соответствующая условиям отбывания наказания. Так, в некоторых характеристиках встречается информация о равнодушном отношении осужденных к спиртному, о неупотреблении ими наркотических веществ. Помимо того, что такая информация не имеет отношения к предмету доказывания, она, учитывая требования уголовно-исполнительного законодательства, может способствовать неправильному формированию впечатлений об исправительном процессе в соответствующем учреждении.

3. Необоснованное, без подкрепления иными доказательствами, представление сведений. Примером может служить характеристика на осужденного А. Приговором суда ему было предписано пройти курс принудительного лечения от наркомании. В характеристике содержатся сведения о том, что осужденный прошел курс лечения, вместе с тем в представленных в суд материалах нет ни определения суда о прекращении лечения, ни медицинской справки о состоянии здоровья осужденного<sup>259</sup>. Изучение практики показывает, что к числу сведений, наиболее часто не подкрепляемых фактическими обстоятельствами, как правило, относятся данные о погашении гражданского иска, об участии осужденных в общественной жизни исправительного учреждения, о положительных связях с семьей.

---

<sup>257</sup> Это обстоятельство отмечается также другими исследователями. См.: *Литвинов Р.В.* Разрешение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров. – Воронеж, 1964. – С. 67; *Швецов В.И.* Развитие законодательства о стадии исполнения приговора // Сов. юстиция. – 1988. – № 22. – С. 28–30; *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания. – Томск, 1972. – С. 115–116. *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 54–55.

<sup>258</sup> Архив федерального суда Октябрьского района г. Томска, дело № 3 - 1017/02.

<sup>259</sup> Там же, дело № 3 - 1368/02.



4. Неполное отражение данных. В 17,9% изученных характеристик трудно определить, за какой период времени отбытия наказания приводятся сведения о поведении осужденного. В некоторых характеристиках отсутствуют выводы администрации о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбывании назначенного приговором наказания (около 3%).

5. Небрежное оформление характеристик. Так, изучение поступивших в суд материалов показало, что в 1,8% отсутствуют необходимые подписи, в 5,8% не указана дата составления, в 8,8% отсутствуют необходимые сведения об осужденном.

Кроме судебных решений и характеристик от администрации в материалах, представляемых в суд, присутствуют различные справки и выписки, а также иные документы. По мнению некоторых авторов, в их представлении в суд нет необходимости, так как они не несут доказательственного значения<sup>260</sup>. Отчасти такие взгляды справедливы. Изучение практики показывает, что некоторые из представляемых документов действительно не имеют доказательственного значения (к примеру, карточки индивидуальной воспитательной работы, справки о фактически отбытом сроке наказания и т.п.), между тем некоторые из них важны для правильного разрешения дела. Например, такие документы, как справки о наличии у осужденного поощрений и взысканий, имеют доказательственное значение, так как удостоверяют отдельные факты поведения осужденного в период отбывания наказания. Однако качество их подготовки оставляет желать лучшего. Иначе говоря, в этом случае имеет место проблема не относимости, а некачественной подготовки материалов.

С учетом того, что в суд наряду с этими документами представляется личное дело осужденного, направление иных документов может показаться ненужным. Однако, на наш взгляд, это ошибочная позиция. Хотя личные дела наиболее полно отражают поведение осужденного в период отбывания наказания, содержащиеся в них материалы могут быть недостаточны для разрешения вопроса о досрочном освобождении. В большинстве своем личные дела содержат информацию об уголовно-исполнительном воздействии на осужденного и крайне редко о его результатах. Между тем при решении вопроса о досрочном освобождении ключевое значение приобретает именно последний блок информации. В этой связи необходимость в предоставлении в суд наряду с

<sup>260</sup> Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 55.

личным делом документов, отражающих изменения в поведении осужденного, очевидна.

Процессуальное значение этих документов состоит в том, что они служат подтверждением отдельных фактов, свидетельствующих о положительных изменениях в личности и поведении осужденного. Действующее законодательство не устанавливает требований к их содержанию и форме. Между тем в науке были выработаны такие критерии. Так, документы, удостоверяющие участие осужденного в общественной жизни, должны включать в себя факты членства в самодеятельных образованиях осужденных с указанием осуществляемых функций, периода такого участия, а также достигнутых результатов (например, конкретные факты борьбы с нарушителями режима и помощи администрации). Документы, подтверждающие наличие у осужденных поощрений и взысканий, должны включать в себя помимо указания на конкретные их формы, раскрытие их оснований, а также охватывать сведения за продолжительный или весь период отбывания наказания<sup>261</sup>.

Практика показывает, что основные недостатки таких документов, как правило, носят традиционный характер и заключаются:

1. В неполноте содержащихся сведений. К примеру, в 56% представленных в суд справках о поощрениях и взысканиях информация приводится лишь за последние полгода; в 27,6% – за последний квартал; в 9,7% – за последние два месяца; и только в 6,7% – за период времени, превышающий полгода (табл. 3.1.5). Очевидно, что при таком подходе проблематично судить о достоверности содержащейся в этих документах информации. К примеру, в поступивших в федеральный суд Кировского района г. Томска материалах на УДО осужденного А. содержится справка о том, что А. за последние три месяца отбывания наказания поощрен администрацией в форме благодарности, личного свидания и снятия ранее наложенного взыскания, а также имеет взыскания в форме выговора. Изучение личного дела А. показывает, что за последний год у него нет иных поощрений, зато имеются такие взыскания, как неоднократное водворение в ШИЗО и карцер, а также два выговора<sup>262</sup>. Таким образом, информация, содержащаяся в справке, едва ли может дать полное представление о поведении осужденного в течение продолжительного срока отбывания наказания.

<sup>261</sup> Глазкова В.Н. Указ. соч. – С. 115–116.

<sup>262</sup> Архив федерального суда Кировского района г. Томска, дело № 3-732/03.

2. В необоснованности отражений сведений. Применительно к справкам о поощрении и взыскании этот недостаток отражается в том, что в некоторых из них не раскрываются основания поощрений и взысканий или же имеет место их неполное раскрытие. Так, довольно часто основания поощрения в справках формулируются предельно лаконично: «за добросовестный труд», «по итогам трудовой деятельности», «за личную дисциплинированность», «за примерное поведение» и т.п. Аналогичным образом указываются основания взысканий: «за нарушение режима отбывания наказания», «хранение запрещенных предметов», «отказ выйти на работу», «нарушение формы одежды» и т.п. Изучение практики показывает, что такие недостатки свойственны 27% представляемых в суд справкам.

3. В небрежном оформлении и отсутствии необходимых реквизитов. Так, в 61,8% справок отсутствует указание на орган, в который они представляются, в 21,8% – данные об осужденном, в отношении которого они представляются, в 3% справки не подписаны, в 6% отсутствует дата их составления.

Последнюю группу образуют документы, представляемые в суд осужденным, его адвокатом, законными представителями, а также родными и близкими. Как правило, они включают в себя различные справки и письма, подтверждающие наличие у осужденного условий, необходимых для закрепления исправительного воздействия после освобождения, – документы, свидетельствующие о возможности регистрации осужденного по избранному месту жительства или о возможности его дальнейшего трудоустройства. Несмотря на то, что они не служат доказательствами изменения ценностных установок осужденного в результате отбытия наказания, их представление в суд необходимо, поскольку подтверждаемые ими сведения имеют прямое отношение к предмету доказывания по делам об УДО. Однако сказанное не должно означать, что разрешение вопроса по существу невозможно при их отсутствии. В этой связи едва ли стоит откладывать рассмотрение дела или возвращать внесенные в суд материалы по УДО на основании лишь отсутствия таких документов.

Изучение практики показывает, что основная их масса представляется на досудебных этапах производства осужденными или их родственникам до заседания административной комиссии, поэтому в суд эти материалы поступают как представляемые администрацией. С учетом того, что они изначально адресованы несудебному органу, как правило, у них отсутствуют необходимые реквизиты. Практические исследова-

ния показывают, что зачастую оставляет желать лучшего и их содержание: в основном оно ограничивается указанием на то, что соответствующая организация, учреждение или предприятие готово после освобождения трудоустроить конкретного осужденного, или информацией о том, что у осужденного сохранились права на проживание, а также имеются соответствующие условия для размещения в избранном им месте жительства. Иначе говоря, основной недостаток этих документов заключается в неполноте отражаемых в них сведений. Так, в справках о будущем трудоустройстве осужденных весьма часто отсутствуют данные о должности или работе, на которую планируется взять соответствующего осужденного. Основной путь устранения этих недостатков видится в улучшении качества оказываемой осужденным юридической помощи.

**Объяснения представителя исправительного органа или учреждения** представляют собой устное изложение обоснованного мнения о возможности досрочного освобождения осужденного. Анализ процессуальной природы этого источника доказательств позволяет выделить следующие его характерные черты.

Содержание объяснений не ограничивается только высказыванием мнения о возможности досрочного освобождения осужденного, так как не исключает раскрытие обстоятельств, имеющих значение для дела. В этой связи следует подчеркнуть, что хотя уголовно-исполнительное законодательство возлагает на администрацию обязанность по даче заключения о возможности УДО, такое заключение не является окончательным и не представляет собой какую-либо форму правовой квалификации. Иначе говоря, объяснения представителя администрации имеют комплексное содержание и включают в себя наряду с изложением мнения также раскрытие обстоятельств, имеющих значение для дела.

Существует мнение, что объяснения этого участника производства по своей процессуальной природе являются не чем иным, как уголовно-процессуальными показаниями<sup>263</sup>. На наш взгляд, с этим трудно согласиться. Прежде всего, сведения, сообщенные представителем, могут быть показаниями в том случае, если он будет допрошен. Однако закон не предусматривает допроса представителя исправительного учреждения, устанавливая, что последний сам должен давать объяснения по во-

---

<sup>263</sup> См.: *Филимонов Б.А.* Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. – М., 1965. – С. 67; *Библио В.Н.* Указ. соч. – С. 64.

прошу, относящемуся к предмету производства<sup>264</sup>. Как правило, содержание показаний образуют сведения, касающиеся искомых фактов, в то время как доклад включает в себя также мнение о возможности УДО, т.е. оценочную информацию. Любые формы оценки в уголовном судопроизводстве возможны лишь на основании внутреннего убеждения, т.е. предполагают свободное заключение по затрагиваемому вопросу. Не составляют исключения и объяснения представителя исправительного учреждения. В этой связи, принимая во внимание, что показания формируются принудительным способом, едва ли возможно облекать заключение представителя исправительного учреждения в их форму. Наконец, показания формируются непосредственно в процессе их получения, в то время как мнение высказывается на основе подготовленных и представленных в суд соответствующим образом данных. Сказанное выше не позволяет определять объяснения представителя исправительного учреждения как показания по делу.

Несмотря на то, что объяснения представителя исправительного учреждения не являются показаниями, они обладают доказательственным значением. Хотя основное значение объяснений заключается в обоснованном изложении мнения о возможности УДО, в ходе их изложения, как отмечалось выше, не исключено раскрытие обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. В этой связи процессуальное значение объяснений в некотором роде сопоставимо с объяснениями стороны или третьего лица в гражданском судопроизводстве, где отмеченные источники информации, несмотря на то, что также не являются показаниями, расцениваются законодателем в качестве самостоятельных источников доказательств (ст. 68 ГПК РФ). Иначе говоря, объяснения представителя исправительного учреждения представляют собой отдельный источник доказательственной информации, свойственный производству по УДО и нетипичный для основного производства.

Таким образом, уголовно-процессуальная специфика объяснений представителя исправительного органа или учреждения в судебном разбирательстве заключается, в том, что они:

- 1) обладают комплексным содержанием, включая, помимо высказывания мнения о возможности УДО, также сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела;

---

<sup>264</sup> См.: *Михеенко М.М.* Указ. соч. – С. 40; *Ларин А.М.* Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. – М., 1985. – С. 65.

2) являются особым источником доказательственной информации, присущим только уголовно-процессуальному производству по УДО.

Несмотря на отмеченную специфику, практика изложения объяснений представителя администрации вызывает озабоченность. Интервьюирование показывает, что 45,1% судей и 32,8% прокурорских работников оценивают их как неудовлетворительные. Эти оценки отчасти подтверждаются непосредственными наблюдениями: в 71,2% случаев объяснения сводились к пересказыванию представленных в суд материалов (главным образом, характеристик); лишь в 21,2% представителем были отмечены «новые» обстоятельства, однако при этом не раскрывалось ни их содержание, ни их значение для разрешения дела. Хронометрирование судебных заседаний показывает, что в среднем объяснения длятся не более 10–15 минут. Неутешительны результаты опроса, согласно которым 20,9% судей, 21,8% прокурорских работников и 60% сотрудников исправительных учреждений, когда-либо принимавших участие в рассмотрении этих дел, считают, что при разрешении вопроса об УДО нет необходимости в докладах или объяснениях представителя исправительного учреждения. В этой связи становятся очевидными условия и причины, способствующие появившейся в судах негативной тенденции заочного рассмотрения дел об УДО.

**Объяснения осужденного** являются отдельным источником доказательственной информации, присущим производству по УДО. Они так же, как объяснения представителя исправительного учреждения, не являются показаниями, так как формируются не в результате допроса, а путем опроса или изложения осужденным имеющих значение для дела сведений. Следует отметить, что изложенные выше аргументы о специфичной процессуальной природе доклада или объяснений представителя администрации применимы и в этом случае. Кроме того, подтверждением этому могут служить следующие доводы.

1) УПК РФ в отличие от УПК РСФСР прямо называет получение от осужденного информации в судебном заседании объяснениями.

2) Осужденный по своему процессуальному положению не является обвиняемым, поэтому методы работы с ним не должны быть аналогичны средствам получения информации от участников основного производства. В этой связи процессуальная форма предоставления или получения информации от осужденного не обязательно должна представлять собой уголовно-процессуальные показания, формируемые в результате допроса лица.

3) С учетом того, что показания, как правило, представляют собой форму принудительного получения информации под угрозой уголовной ответственности, едва ли они являются идеальным способом добывания сведений у лица, ходатайствующего о возбуждении производства для отстаивания своего материально-правового притязания на досрочное прекращение уголовно-правового отношения. В этом случае доказательственную ценность имеют сведения, изложенные по собственной инициативе осужденным, а не по требованию субъекта, ведущего уголовно-процессуальное производство. Иначе, принимая во внимание зависимое положение осужденного, бессмысленно наделять его правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности.

От того, что объяснения осужденного не являются показаниями, а представляют собой самостоятельный источник информации, они не теряют своего доказательственного значения: объяснения, так же как и показания, содержат в себе информацию, имеющую значения для правильного разрешения дела. В этой связи особо следует подчеркнуть, что уголовному процессу известен подобный источник доказательств. В литературе обоснованно отмечается доказательственное значение объяснений различных участников основного производства применительно к стадии возбуждения уголовно-процессуальной деятельности<sup>265</sup>. Особенность объяснений осужденного состоит в том, что они являются окончательным источником доказательств и не требуют для своего дальнейшего использования облечения в форму показаний. Это еще раз подчеркивает их самостоятельное уголовно-процессуальное значение как источника доказательств. Другая особенность кроется в том, что объяснения направлены на реализацию материально-правового интереса лица, их дающего, что делает их в определенной степени схожими с объяснениями стороны в гражданском производстве.

Последнее обстоятельство заставляет суд критически относиться к доказательственному значению объяснений осужденного. Прежде всего, необходимо учитывать, что коль скоро они не являются показаниями и направлены на отстаивание собственного материально-правового интереса, не исключено необъективное и пристрастное освещение осужденным обстоятельств, имеющих значение для дела. Также следует принять во внимание, что в объяснениях значение имеют лишь сведе-

---

<sup>265</sup> См.: Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001. – С. 168; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание. – Ижевск, 1993. – С. 146–147.

ния об искомых фактах, все остальное – мотивы, аргументы и оценочные суждения – доказательствами по делу не являются<sup>266</sup>. В этой связи представляется, что конкретная совокупность обстоятельств, могущая содержаться в объяснениях осужденного, должна включать в себя:

- сведения, выражающие оценку осужденного к ранее совершенному преступлению (раскаяние, признание вины, осознание справедливости назначенного наказания);

- сведения, характеризующие поведение осужденного во время отбывания наказания (повышение образовательного и профессионального уровня, полное или частичное возмещение вреда, причиненного преступлением, активная трудовая деятельность, участие в общественной жизни отряда или учреждения);

- сведения, свидетельствующие о наличии у осужденного возможностей для дальнейшего исправления после освобождения от отбывания наказания (продолжительные и положительные связи с семьей, возможность последующего трудоустройства и т.п.).

Несмотря на то, что указанные обстоятельства отражаются в характеристике (заключении) администрации исправительного учреждения, их освещение осужденным позволит суду установить, какими моральными и правовыми критериями он руководствуется при отстаивании своих притязаний на досрочное освобождение. К тому же, как отмечалось выше, зачастую их значение недооценивается администрацией исправительного учреждения, поэтому высказывание осужденным мнения по этим вопросам будет способствовать повышению эффективности как досудебной подготовки документов, так и участию представителя администрации в суде.

Практические исследования показывают, что, несмотря на то, что осужденные крайне редко выступают с активной позицией по делам об УДО, содержание их объяснений и задаваемых им вопросов направлено на отражение отмеченных выше обстоятельств. Вместе с тем практика заслушивания объяснений осужденных имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего, в практической среде бытует гипертрофированное критическое отношение к сведениям, сообщаемым осужденными. Так, интервьюирование показывает, что для 43,5% судей и 56,2% прокурорских работников объяснения осужденного не имеют самостоятельного доказательственного значения. По мнению 26 % судей, 22%

---

<sup>266</sup> О доказательственном значении объяснений см.: *Осокина Г.Л.* Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть. – Томск, 2002. – С. 551.



прокурорских работников и 57,5% сотрудников УИС, в процессе рассмотрения вопроса об УДО нет необходимости в заслушивании объяснений осужденных, поскольку все необходимые сведения содержатся в представленных в суд материалах и объяснениях представителя исправительного учреждения. С учетом зависимого положения осужденного такое отношение приводит к снижению активности осужденного при отстаивании своих материально-правовых притязаний. Так, общая продолжительность объяснений осужденного очень редко превышает десять минут. Их содержание сводится, главным образом, к ответам на вопросы судьи и прокурора. Весьма часто осужденные фактически отказываются от дачи объяснений, говоря о том, что они разделяют позицию представителя исправительного учреждения.

**Сведения, сообщаемые иными лицами**, способными подтвердить или опровергнуть обстоятельства, входящие в предмет доказывания, представляют собой самостоятельный источник доказательственной информации по делам об УДО. Несмотря на то, что УПК РФ прямо не предусматривает получения информации от иных лиц, в литературе обоснованно указывается на ее важное значение для разрешения дела<sup>267</sup>.

Вопрос о процессуальной природе этого источника информации спорен. Ряд авторов полагает, что поскольку основные участники производства по УДО дают объяснения, сведения, сообщаемые иными лицами, также должны расцениваться как объяснения<sup>268</sup>. Другие выступают за придание им уголовно-процессуальной формы показаний<sup>269</sup>. Коль скоро деятельность по применению УДО является уголовно-процессуальной, то обычные методы уголовного судопроизводства должны использоваться всегда, когда это не противоречит ее сущности. Поскольку допрос этих лиц, в отличие от представителя исправительного учреждения или осужденного, претендующего на УДО, не способен изменить содержания сообщаемых ими сведений, способы получения информации должны быть традиционными для судебных стадий уголовного процесса. В этом случае уголовно-процессуальная форма показаний и допрос как метод их получения будут выполнять свою основную функцию – обеспечивать достоверность получаемой информации под угрозой возможной уголовной ответственности за отказ или сооб-

---

<sup>267</sup> См.: Свиридов М.К. Источники доказательств, используемые при разрешении дел об условно-досрочном освобождении. – Томск, 1974. – С. 122–124.

<sup>268</sup> Михеенко М.М. Указ. соч. – С. 40.

<sup>269</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 123–124.

щение ложных сведений. Поэтому способом получения информации от этих субъектов должен быть допрос, а уголовно-процессуальной формой – показания.

Считаем, что показания этих лиц могут содержать в себе информацию, касающуюся всех обстоятельств, включаемых в предмет доказывания. В этой связи к их числу следует относить не только осужденных, сотрудников исправительных учреждений и лиц, работающих в местах лишения свободы, но также родственников, супругов, близких осужденному лицу, потенциальных работодателей и т.п. Иначе говоря, всех тех, кого связывают с осужденным определенные отношения или кто располагает сведениями, имеющими значение для дела. В ходе судебного разбирательства указанные лица должны допрашиваться в качестве свидетелей.

Изучение практики показывает, что допрос свидетелей по делам об УДО – явление довольно редкое. Основные причины кроются в практикуемой организации судебного разбирательства. Как правило, судебное рассмотрение по делам об УДО проводится с выездом в места лишения свободы. Очевидно, что в таких условиях проблематично допрашивать в качестве свидетелей потенциальных работодателей, родных и близких осужденного, а также иных лиц, способных подтвердить наличие у него необходимых условий для закрепления исправительного воздействия после освобождения. Допрос в качестве свидетелей сотрудников исправительного учреждения и иных осужденных не практикуется, так как по мнению 62,9% опрошенных судей эти источники не имеют самостоятельного доказательственного значения. Отчасти справедливость таких суждений подтверждается тем, что в изученных нами материалах не встретилось ни одного ходатайства кого-либо из участников производства о допросе этих лиц. Безусловно, едва ли стоит допрашивать свидетелей по каждому делу об УДО, между тем такая необходимость может возникнуть, и в этом случае судьям не следует игнорировать подобную возможность получения доказательственной информации.

Значение объяснений представителя исправительного учреждения и осужденного, претендующего на УДО, а также свидетельских показаний заключается в том, что их наличие придает деятельности по применению УДО уголовно-процессуальное содержание. Поэтому их недооценка и игнорирование способны чрезмерно упростить и превратить производство в распорядительную деятельность суда, сводящуюся к рассмотрению лишь документов.

Для повышения значения этих уголовно-процессуальных источников в производстве по УДО необходимо принять следующие меры.

1. Помимо высказанных в предыдущей главе предложений о закреплении обязательного участия в судебном разбирательстве представителя исправительного учреждения и осужденного решению проблемы будет способствовать также установление в УПК РФ правила, согласно которому при разрешении дел об УДО в необходимых случаях могут быть проведены допросы иных лиц, которым известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела. В уголовно-процессуальном законе следует также предусмотреть возможность участвующих в деле лиц после доклада и объяснений задавать вопросы.

2. В разъяснениях высших судебных органов указать на недопустимость игнорирования или сокращения объяснений представителей исправительных учреждений и осужденных. Особо подчеркнуть их значение как источников доказательств, обратив внимание на необходимость их использования для раскрытия и изложения обстоятельств, имеющих значение для дела. Также отметить, что участвующие в деле лица должны иметь возможность давать объяснения по каждому изложенному другим участником производства факту.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо сделать следующие выводы:

1. Содержанием деятельности по применению УДО является уголовно-процессуальное доказывание. В этом производстве оно имеет существенную специфику, заключающуюся в наличии особого предмета доказывания, специфичных источников доказательств и средств доказывания.

2. Предмет доказывания по делам об УДО составляют обстоятельства: а) подтверждающие фактическое отбытие осужденным установленного ст.ст. 79, 93 УК РФ срока наказания; б) характеризующие личность осужденного; в) свидетельствующие о том, что для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания; г) свидетельствующие о наличии надлежащих условий для закрепления результатов исправительного воздействия в случае его досрочного освобождения. Они могут быть подразделены на две группы обстоятельств: подлежащих доказыванию и подлежащих установлению.

3. Специфика источников доказательств по делам об УДО проявляется в невозможности использования некоторых традиционных для ординарного судопроизводства источников (экспертных заключений, вещественных доказательств), особой роли документов и наличии специ-

альных, свойственных только этому производству источников доказательств – объяснений представителя исправительного учреждения и осужденного.

4. Основной тенденцией совершенствования доказывания по делам об УДО должно стать:

а) закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве дополнительных требований к содержанию документов, представляемых в суд как источники информации, имеющей доказательственное значение;

б) закрепление в УПК РФ возможности допроса свидетелей по делам об УДО;

в) повышение роли объяснений представителей исправительных учреждений и осужденных при разрешении дел об УДО.

## § 2. Структура уголовно-процессуальной деятельности

УПК РФ детально не регламентирует процессуальную деятельность по УДО. В этой связи в науке нет единства относительно структуры этого производства. По мнению одних ученых, ее образуют такие судебные этапы, как подготовка к судебному заседанию и само судебное заседание. Другие дополнительно включают надзорные производства<sup>270</sup>. Третьи полагают, что процессуальная деятельность по УДО имеет комплексную структуру, включая в себя наряду с уголовно-процессуальными судебными стадиями также непроцессуальный этап предварительной подготовки документов<sup>271</sup>. Системное толкование ст. 175 УИК РФ и ст.ст. 399, 401 и 402 УПК РФ позволяет выделить следующую совокупность этапов:

а) возбуждение производства и подготовка к судебному заседанию;

б) судебное заседание;

в) проверочные производства.

Приведенный в предыдущем параграфе анализ показывает, что качество представляемых в суд документов зачастую оставляет желать

---

<sup>270</sup> См.: Мартыняхин Л.Ф. Совершенствование процессуального порядка условно-досрочного освобождения от наказания // Актуальные вопросы правоведения в период совершенствования социалистического общества. – Томск, 1989. – С. 203–205.

<sup>271</sup> См.: Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск, 2001. – С. 180–184; Якимович Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск, 1991. – С. 25.

лучшего. В этой связи некоторые ученые полагают, что придание досудебной деятельности по УДО уголовно-процессуальной формы будет способствовать решению проблемы<sup>272</sup>. Действительно, упрощенное содержание производства, а также определяющее значение уголовно-процессуальных этапов дела, на первый взгляд, такие идеи заманчивыми. Вместе с тем едва ли стоит их реализовывать на практике.

Прежде всего, распространение на досудебный этап подготовки документов уголовно-процессуальной формы способствует ограничению права осужденного инициировать процессуальную деятельность по отстаиванию своих материально-правовых интересов. Во-вторых, довольно трудно определить уголовно-процессуальную форму подготовки материалов. Предложения по распространению формы предварительного следствия, осуществляемого следователями специализированной прокуратуры<sup>273</sup>, вряд ли могут быть реализованы в силу того, что эта форма разработана для установления и изобличения виновных в совершении преступления лиц в условиях неочевидности и противодействия. В производстве по УДО нет противодействия со стороны осужденных, а трудноустановимость некоторых обстоятельств объясняется не преднамеренным искажением, а невозможностью их объективной оценки в силу отсутствия четких формальных критериев. В этой связи основные методы предварительного следствия – следственные действия – неприменимы в ходе процессуальной деятельности по УДО. Любопытно, что результаты интервьюирования показывают скептическое отношение к такого рода предложениям 70,9% судей, 76,5% прокурорских работников и 82,5% сотрудников исправительных учреждений. Представляется, что проблема повышения качества подготавливаемых материалов должна решаться не распространением традиционных для основного производства форм досудебной деятельности, а путем выработки четких требований к форме и содержанию представляемых в суд документов и иных источников. Такой подход находит поддержку у 34% судей и 28% прокурорских работников.

**Возбуждение производства и подготовка к судебному заседанию.** Первым уголовно-процессуальным этапом рассмотрения и разрешения дел об УДО является подготовка к судебному заседанию. Считается,

---

<sup>272</sup> См.: Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 58–60.

<sup>273</sup> Там же.

что этот этап носит контрольно-подготовительный характер<sup>274</sup>. Разделяя такой подход, уточним, что в силу отсутствия досудебных уголовно-процессуальных стадий в производстве по УДО контрольный аспект деятельности суда носит непроцессуальный характер. В этой связи с учетом упрощенного содержания этого этапа его значение, главным образом, заключается в решении вопросов, направленных на создание надлежащих условий для последующего судебного разбирательства. Эта специфика отражается на содержании и структуре процессуальной деятельности.

Считается, что на этапе подготовки к судебному разбирательству по делам об УДО разрешаются вопросы о возбуждении процессуальной деятельности, подсудности, достаточности и достоверности представленных материалов, круге участников, а также месте и времени проведения судебного заседания<sup>275</sup>.

Решение вопроса о возбуждении уголовно-процессуального производства в рамках подготовки материалов к судебному разбирательству является ключевой особенностью процессуальной деятельности по УДО. Содержание этой деятельности традиционно: на основе поступившего повода – ходатайства – разрешается вопрос о наличии необходимых правовых признаков, позволяющих возбудить процессуальную деятельность, направленную на разрешение вопроса об УДО.

Существует мнение, что основанием к возбуждению производства по УДО служат данные, свидетельствующие о достижении осужденным исправления<sup>276</sup>. Эта позиция представляется небесспорной. В теории уголовного процесса под основанием процессуальной деятельности принято понимать фактические данные, свидетельствующие о наличии признаков состава уголовно-правовой нормы. При этом эти сведения должны быть очевидными, т.е. не требовать для своего установления

---

<sup>274</sup> См.: Гальперин И.М., Лукашевич В.З. Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. – М., 1965. – С. 11; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж, 1980. – С. 189; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – М., 1970. – Т. 2. – С. 181; Юркевич Н.А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. – Томск, 1991. – С. 45–47; Волколуп О.В. Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб., 2003. – С. 116–117.

<sup>275</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 90–99.

<sup>276</sup> Там же. – С. 93.

совершения дополнительных процессуальных действий<sup>277</sup>. Статья 79 УК РФ в отличие от ранее действовавшего законодательства не устанавливает в качестве материально-правового основания УДО исправление лица, закрепляя, что досрочное освобождение предоставляется в том случае, если для своего дальнейшего исправления осужденный не нуждается в полном отбытии наказания<sup>278</sup>. Признак достижения осужденным необходимой степени исправления не является очевидным и, более того, является элементом предмета доказывания по делам об УДО, т.е. для своего обнаружения требует проведения отдельного уголовно-процессуального исследования. В этой связи едва ли целесообразно рассматривать его в качестве основания к возбуждению уголовно-процессуальной деятельности. Считаем, что основанием к возбуждению уголовно-процессуальной деятельности по УДО должно служить отбытие осужденным установленного законом минимума наказания. Впервые, отбытие такого срока является одним из уголовно-правовых оснований применения УДО<sup>279</sup>, следовательно, является признаком со-

---

<sup>277</sup> М.С. Строгович, определяя признаки основания к возбуждению уголовного дела, писал: «Основание к возбуждению уголовного дела должно включать два необходимых элемента: признаки уголовно наказуемого деяния (состав преступления) о факте, событии, ставшем известным органу дознания, следователю, прокурору или суду; достаточно серьезные данные о том, что преступление действительно было совершено (или подготавливалось). См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – М., 1968. – Т. 1. – С. 15. Полагаем, что сформулированные нами критерии адекватно отражают концепцию автора, преломленную с учетом особенностей производства по УДО.

<sup>278</sup> В уголовно-правовой литературе нет единства относительно того, является ли исправление осужденного основанием УДО. Некоторые ученые считают, что основанием УДО служит «твердое становление на путь исправления», другие – «степень исправления». Третьи полагают, что вместо критерия исправления действует критерий отсутствия либо небольшая степень общественной опасности осужденного. См.: *Улицкий С.Я.* Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность). – Владивосток, 2002. – С. 66; *Сабанин С.Н.* Справедливость освобождения от уголовного наказания. – Екатеринбург, 1993. – С. 50.

<sup>279</sup> В уголовно-правовой литературе нет единства относительно правового значения отбытия осужденным установленного законом минимального срока наказания. Одни авторы расценивают его в качестве условия, другие – в качестве материально-правового основания, третьи – в качестве объективного основания УДО. Учитывая отсутствие четких критериев исправления, полагаем, что более правильным следует считать отбытие минимального срока одним из материально-правовых оснований УДО. См.: *Водяников Д.П.* Вопросы условно-досрочного освобождения в советском праве: Автореф. дис....канд. юрид. наук. – М., 1967. – С. 6; *Дьяченко Р.А.* Условно-

става нормы. Во-вторых, отбытие минимального срока в большинстве своем очевидно, поэтому для установления этого факта нет необходимости осуществлять специальную процессуальную деятельность. Наконец, такой подход вытекает из ст. 175 УИК РФ, устанавливающей, что по отбытии этого срока осужденный может подать в суд ходатайство об УДО. К тому же признание основанием к возбуждению процессуальной деятельности по УДО отбытия установленного ст. 79 УК РФ срока имеет принципиальное значение: способствует устранению субъективизма при принятии решения, что, в свою очередь, делает правосудие по делам об УДО более доступным для всех участников процессуальной деятельности.

Установление фактического срока отбытия наказания не предполагает проведения каких-либо процессуальных действий, поэтому возбуждение процессуальной деятельности по делам об УДО не является отдельным этапом производства, а представляет собой процессуальный акт – решение суда о начале уголовно-процессуального производства в рамках этапа подготовки к судебному заседанию. Следует отметить, что такая модель инициирования уголовно-процессуальной деятельности хотя и нетипична для отечественного уголовного процесса, вместе с тем не является исключением: схожая процедура возбуждения свойственна делам частного обвинения.

Другая особенность возбуждения уголовно-процессуального производства по УДО заключается в том, что этот вопрос разрешается судом. Такой подход несвойствен ординарному судопроизводству: это право суда в свое время было предметом неоднократных критических оценок со стороны Конституционного Суда РФ. Их суть сводилась к тому, что указанные судебные полномочия противоречат его природе как органа правосудия, так как не обеспечивают его независимость, объективность и беспристрастность, а также соблюдение состязательности и равноправия участников в судопроизводстве<sup>280</sup>. Разделяя позицию органа кон-

---

досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999. – С. 12; *Елисеева Н.В., Михлин А.С.* Помилование в Российской Федерации. – М., 2001. – С. 23.

<sup>280</sup> *Постановление* Конституционного Суда РФ от 28 ноября 1996 г. № 19-П по делу о проверке конституционности ст. 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края; *Постановление* Конституционного Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положений п.п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248, ч. 1 ст. 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда



ституционного правосудия, хотелось бы отметить, что возможность суда возбуждать уголовно-процессуальную деятельность по УДО не противоречит указанным принципам правосудия и уголовного процесса.

Во-первых, ограничивая судебные возможности по возбуждению уголовного дела, Конституционный Суд РФ уточняет, что речь идет лишь о возбуждении уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения. При этом подчеркивается, что возбуждение судом иных уголовных дел (частного обвинения) имеет другой юридический смысл, заключающийся в том, что право возбудить дело означает лишь его право и обязанность принять к своему рассмотрению обращение лица и не предполагает реализации судом иных уголовно-процессуальных функций (например, обвинения)<sup>281</sup>. Аналогичная ситуация складывается в производстве по УДО: суд принимает лишь решение о возбуждении процессуальной деятельности по ходатайству осужденного и в дальнейшем устраняется от процессуальной деятельности, предполагающей формулирование и последующее отстаивание материально-правовых тезисов.

Во-вторых, признание полномочий суда по возбуждению уголовно-процессуальной деятельности неконституционными встретило неоднозначную оценку со стороны самих судей. Так, судья Н.В. Витрук высказал особое мнение о том, что значение полномочий суда по возбуждению уголовно-процессуальной деятельности сводится к удостоверительной деятельности суда, не влияющей на последующее отправление правосудия. Применительно к уголовному делу он пишет: «Актом возбуждения уголовного дела суд фиксирует лишь обнаружение признаков преступления. Возбуждение уголовного дела не предрешает последующие процессуальные действия как суда, так и тех компетентных органов, которые самостоятельно осуществляют предварительное расследование, а тем более вынесение итогового решения по уголовному делу – приговора суда»<sup>282</sup>. Подобная ситуация складывается и при возбуждении производства по УДО. Решая вопрос о начале уголовно-процессу-

---

г. Н. Новгород; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гр-ки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда РФ.

<sup>281</sup> См.: Решения Конституционного Суда Российской Федерации по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. – М., 2002. – С. 241–242.

<sup>282</sup> Там же. – С. 247.

альной деятельности, суд устанавливает лишь наличие признаков состава нормы, регулирующей УДО (отбытие необходимого срока), и ни в какой форме не предрешает результат дела. К тому же определение основанием начала производства фактическое отбытие срока сводит на нет любые субъективные установки судьи в данном вопросе.

Сказанное выше позволяет заключить, что право суда возбуждать уголовно-процессуальную деятельность является специфичной чертой производства по УДО и не противоречит действующим принципам уголовного процесса и правосудия.

Существует мнение, что на этапе подготовки к судебному заседанию судом разрешается вопрос о подсудности<sup>283</sup>.

В 2000 году в УПК РСФСР были внесены изменения, предоставившие мировым судьям право рассматривать дела об УДО по вопросам, отнесенным к их подсудности. Однако, принимая во внимание, что институт мировой юстиции в некоторых субъектах фактически стал действовать значительно позже, отбытие установленных ст. 79 УК РФ сроков по приговорам, постановленным мировыми судьями, по основной массе дел об УДО не наступило. В этой связи мировые судьи практически не рассматривали такие дела, поэтому споров о подсудности не возникало. Так, в ходе изучения практики в Томской области нам не встретилось ни одного дела об УДО, рассмотренного мировым судьей.

УПК РФ не предусматривает возможность рассмотрения дел об УДО мировыми судьями, поэтому эти дела независимо от суда, постановившего приговор, рассматриваются федеральными судами. Закон устанавливает, что вопросы, связанные с исполнением приговора, разрешаются либо по месту жительства осужденного, либо по месту отбывания наказания. Принимая во внимание, что УК РФ предусматривает УДО только от наказаний, предусматривающих изоляцию от общества, а также учитывая принципы территориального расположения исправительных учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, споры о подсудности едва ли возможны. В этой связи считаем допустимым исключить из стадии подготовки к судебному заседанию по делам об УДО решение вопросов о подсудности.

В стадии подготовки судья разрешает вопрос о месте и времени проведения судебного заседания.

Несмотря на то, что УПК РФ не регламентирует проведение судебных заседаний по делам об УДО, частично эти вопросы нашли отраже-

---

<sup>283</sup> Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 90.

ние в разъяснениях высших судебных органов. В частности, до сих пор не утратившее силу в части, не противоречащей действующему законодательству, постановление Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 19 октября 1971 г. рекомендует проводить судебные заседания по делам об УДО с выездом в места лишения свободы. Изучение практики показывает, что, рассматривая дела об УДО от лишения свободы, судьи, как правило, выезжают в соответствующие исправительные учреждения (рис. 3.2.1). По мнению высших судебных органов, такая практика способствует повышению воспитательного воздействия на других осужденных (п. 21 постановления Верховного Суда РСФСР № 9). На наш взгляд, в настоящий момент выездные судебные заседания не оправдывают своего назначения.

Прежде всего, современное законодательство не возлагает на суд воспитательную функцию. К тому же наблюдения показывают, что в выездных судебных заседаниях осужденные, в отношении которых не ведется уголовно-процессуальное производство, не присутствуют, поэтому никакого воспитательного воздействия эти заседания не оказывают. Их присутствие в судебном заседании затруднительно в силу специфики отбывания наказания, предполагающей занятость осужденных трудовой или иной общественно полезной деятельностью, способствующей исправлению. Как правило, публику составляют осужденные, в отношении которых разрешаются те или иные вопросы исполнения приговора. Учитывая, что они являются участниками судебного разбирательства, едва ли есть смысл говорить о специальном воспитательном воздействии на них. Далее, принимая во внимание, что в большинстве исправительных учреждений нет надлежащих условий, считаем, что проведение таких заседаний способствует неоправданному упрощению процессуальной деятельности по делам об УДО. Как правило, упрощенчество выражается в том, что не всегда соблюдаются правила судебного регламента, допускается одновременное рассмотрение нескольких дел об УДО, а также разрешение иных вопросов исполнения приговора в ходе одного судебного заседания, сокращается само судебное заседание, ограничивается круг участников процесса и т.п. Исходя из этого, полагаем, что более отвечающей уголовно-процессуальной природе рассмотрения дел об УДО будет упразднение подобной практики. Следует отметить, что такие предложения находят поддержку у 43,5% судей и 37,5% прокурорских работников.

С учетом того, что предлагается упразднить практику выездных заседаний, вопрос о месте проведения судебного разбирательства должен решаться в общем для уголовного судопроизводства порядке.

Решение вопроса о сроках начала судебного заседания имеет принципиальное значение, поскольку действующий уголовно-процессуальный закон оставляет этот вопрос открытым.

Внесенные в ст. 175 УИК РФ изменения устанавливают, что администрация исправительного учреждения должна не позднее чем в десятидневный срок направить ходатайство осужденного и характеристику в суд. Практические исследования показывают, что на подготовку пакета документов в среднем затрачивается не более двух недель, поэтому установление такого срока может показаться оправданным. Между тем, учитывая, что основными документами, представляемыми в суд администрацией исправительного учреждения, являются характеристика (заключение) и личное дело осужденного, считаем, что этот срок может быть сокращен вдвое. С учетом того, что большая часть оставшихся документов представляется осужденным, его родственниками или адвокатом, они могут быть поданы непосредственно в суд, минуя администрацию.

Практика судебной подготовки дел об УДО показывает отсутствие единства в решении вопроса о сроках (табл. 3.2.1). Причины очевидны: отсутствие нормативного регулирования и различная интенсивность поступления материалов в суд. В таких условиях судьи вынуждены сами определять частоту рассмотрения дел об УДО. Опрос показывает, что 79% судей приступают к рассмотрению дел по мере их накопления и лишь 21% устанавливают для себя определенный график. В этой связи актуальность приобретают высказываемые предложения по установлению двухнедельного срока рассмотрения дел об УДО<sup>284</sup>. Учитывая, что непосредственная подготовка материалов к судебному разбирательству занимает незначительное время<sup>285</sup>, а предоставление дополнительных материалов по делам об УДО, как правило, встречается довольно редко, разделяя идею установления двухнедельного срока рассмотрения дел, считаем, что он должен охватывать как период досудебной подго-

---

<sup>284</sup> Литвинов Р.В. Рассмотрение судами вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров. – Воронеж, 1964. – С. 80.

<sup>285</sup> Наблюдения показывают, что на подготовку одного материала судьи затрачивают в среднем до тридцати минут, на подготовку всех поступивших материалов – не более трех часов.

товки материалов, так и стадию подготовки к судебному заседанию. В этой связи, предлагаем установить общий срок для этих этапов в 15 дней, исчисляемый с момента возбуждения ходатайства, при этом досудебный этап составления характеристики (заключения) и подготовки материалов ограничить пятью днями, а срок подготовки к судебному заседанию – десятью. Проведенный опрос показал, что такое предложение находит поддержку у 51,6% судей и 42,1% прокурорских работников.

УПК РФ наделяет суд правом определять круг участников судебного заседания. Напомним, в предыдущих параграфах высказывались предложения по ограничению этой возможности путем предоставления статуса обязательного участника производства таким субъектам, как осужденный и представитель исправительного учреждения. В этой связи при наличии ходатайств этих участников о рассмотрении дела в их отсутствие судья должен выявить причины, в случае необоснованности отклонить их, а при возникновении сомнений принять меры к обеспечению их явки в судебное заседание. Принимая во внимание, что предлагается упразднить практику выездных судебных заседаний, следует особо подчеркнуть возможности судьи принимать меры к обеспечению участия субъектов производства – выносить в необходимых случаях постановления об обеспечении явки этих лиц в суд. В судебном разбирательстве по делам об УДО не исключено участие свидетелей. При этом круг свидетелей может определяться не только судебным усмотрением, но и участниками производства. В этой связи в необходимых случаях судьи также должны принимать меры к обеспечению участия этих лиц.

С учетом того, что участвующий в производстве по УДО адвокат, по нашему мнению, является защитником осужденного, встает вопрос об обеспечении его участия. Представляется, что, назначая судебное заседание в случае отсутствия у осужденного адвоката, суд должен выяснить вопрос о необходимости участия (в т.ч. обязательного) защитника и в случае возникновения такой необходимости самостоятельно принять меры к его обеспечению. Решение судом этого вопроса должно означать, что отказ от защитника возможен только в случаях и порядке, предусмотренных ст. 52 УПК РФ.

Основным вопросом этапа подготовки к судебному заседанию является определение достаточности и достоверности представленных в суд материалов. Решение этого вопроса предполагает выяснение следующих моментов:

а) отбыл ли осужденный установленную ст. 79 (93) УК РФ минимальную часть срока наказания;

б) является ли ходатайство повторным, если да, то истек ли установленный ст. 175 УИК РФ период, в течение которого запрещено рассматривать дела об УДО в случае повторного обращения;

в) представлены ли в суд все материалы, необходимые для судебного заседания, и достаточно ли в представленных в суд материалах доказательств, позволяющих рассматривать дело по существу.

Внесенные изменения наделили осужденного правом инициирования уголовно-процессуальной деятельности по УДО. В связи с этим возникает вопрос, вправе ли осужденный, инициировавший производство, отозвать ходатайство? В советской литературе отмечалось, что администрация исправительного учреждения в случае изменения поведения осужденного после направления представления в суд не только вправе, но даже обязана отозвать свое представление<sup>286</sup>. Едва ли можно согласиться с таким подходом в современных условиях.

На первый взгляд, осужденный как субъект, возбудивший производство, должен обладать таким правом. Между тем считаем, что он должен быть лишен подобной возможности. Дело в том, что осужденный является зависимым субъектом, поэтому гипотетически не исключена ситуация, когда, используя его фактически зависимое положение, администрация будет реализовывать эту процессуальную возможность осужденного в своих целях. В этой связи осужденный должен быть лишен возможности отзыва внесенного в суд ходатайства о предоставлении УДО. Изучение практики показывает, что ранее отзыв представлений по просьбе администраций исправительного учреждения был нередким явлением. В подавляющем большинстве случаев судьи по причине большой загруженности «шли навстречу» таким обращениям, фактически нарушая конституционное право осужденного на доступ к правосудию. В этой связи для предотвращения подобной негативной практики в УПК РФ следует предусмотреть запрет на отзыв или возвращение внесенных в суд ходатайств.

Выше отмечалось, что выяснение вопроса об отбытии осужденным минимального срока наказания не представляет большой сложности. Однако, принимая во внимание расширение возможностей осужденного по инициированию уголовно-процессуальной деятельности, отмечаем,

---

<sup>286</sup> См.: *Филимонов Б.А.* Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. – М., 1965. – С. 25.

что не исключены случаи заявления ходатайств об УДО до отбытия установленного законом срока. Существует мнение, что производство по УДО может быть возбуждено до истечения установленного ст. 79 УК РФ срока, если ко времени судебного заседания оставшийся срок истечет<sup>287</sup>. На первый взгляд, с учетом того, что предлагается установить предельные сроки разрешения дел об УДО, такой подход представляется оправданным. Более того, законодательство некоторых зарубежных стран не исключает возбуждения уголовно-процессуального производства до отбытия осужденным минимального срока наказания<sup>288</sup>. Между тем такой подход исключен в отечественном законодательстве. Прежде всего, толкование ст. 175 УИК РФ позволяет заключить, что процессуальное право обращения в суд у осужденного появляется лишь по отбытии установленного ст. 79 (93) УК РФ срока. Далее, в случае возбуждения производства до истечения этого срока не исключена ситуация, когда он не истечет до судебного заседания, в этом случае суду придется принимать решение об отложении судебного заседания, а это может привести к чрезмерному накапливанию обращений осужденных в судах, что будет способствовать осложнению судебной деятельности. В этой связи, учитывая, что дела об УДО разрешаются судами общей юрисдикции, следует критически отнестись к подобного рода предложениям<sup>289</sup>. Иначе говоря, уголовно-процессуальная деятельность по УДО может быть возбуждена лишь по истечении установленного ст. 79 (93) УК РФ срока наказания. В случае поступления в суд ходатайства до истечения указанного срока суд должен оставить его без рассмотрения.

В силу невысокого процента отказа в предоставлении УДО случаев повторного обращения в суд не так много (рис. 3.2.2).

Анализ законодательства позволяет заключить, что судебное разбирательство возможно при наличии ходатайства, характеристики (заключения) и личного дела осужденного. Закон не регламентирует полномочия суда в случае предоставления недостаточной совокупности материалов. Частично ответ на вопрос дает п. 4 постановления Верховного Суда СССР № 9 от 19 октября 1971 г.: в случае недостаточности пред-

<sup>287</sup> См.: Свиридов М.К. Указ соч. – С. 93–94.

<sup>288</sup> К примеру, УИК Польши. См.: *Кодексы Польши ...* – С. 155.

<sup>289</sup> Согласно § 3 ст. 161 УИК Польши, если ходатайство осужденного или его защитника внесено до окончания установленного срока, то оно не рассматривается вплоть до его истечения. Учитывая, что дела об УДО в этом государстве рассматривает специализированный судья, проблем с неоправданным осложнением процессуальной деятельности не возникает. См.: *Кодексы Польши ...* – С. 155.

ставленных материалов судьям рекомендуется откладывать судебное рассмотрение и возвращать материалы исправительным органам или учреждениям для переоформления. УПК РФ не исключает реализацию такой возможности. Однако в этом случае возникает риск создания необоснованных препятствий, ограничивающих доступ осужденного к правосудию. В этой связи, учитывая активную роль суда в производстве по УДО, более соответствующим его полномочиям будет истребование необходимых материалов. Изучение практики показывает, что, как правило, проблем недостаточности представленных материалов не возникает. Частично это объясняется тем, что, по мнению 22,5% судей, основным источником информации при разрешении дел об УДО являются объяснения осужденного и представителя исправительного учреждения, поэтому судьи восполняют недостающие сведения в судебном заседании, заслушивая объяснения этих участников. Вместе с тем, на наш взгляд, основная причина кроется в том, что ст. 79 УК РФ, ставящая во главу угла при решении вопроса об УДО субъективное усмотрение, фактически позволяет суду выносить решения о досрочном освобождении, не предпринимая мер к восполнению неполноты представленных материалов.

Наряду со специфичным содержанием, этот этап имеет особую структуру. Его специфика состоит в том, что закон не предусматривает предварительной оценки представленных доказательств. Это объясняется тем, что упрощенный предмет судебного разбирательства, сводящийся, по сути, к решению вопроса об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства об УДО, а также особенности предмета и средств доказывания приводят к тому, что любая деятельность, направленная на оценку доказательств, ведет к разрешению вопроса по существу. В этой связи проведение предварительного заседания в какой-либо форме представляется нецелесообразным. Между тем, несмотря на то, что УПК РФ оставляет вопрос открытым, на данном этапе не исключено заявление ходатайств и представление доказательств.

Обобщая вышеизложенное, полагаем, что в целях повышения эффективности судебной деятельности по делам об УДО в УПК РФ необходимо предусмотреть норму, регулирующую этап подготовки к судебному заседанию, примерно следующего содержания:

*«После поступления в суд ходатайства и материалов об условно-досрочном освобождении судья возбуждает производство, проводит подготовительные действия и принимает решения в порядке, установленном ст. 231 УПК РФ.*



С момента поступления в суд ходатайства о предоставлении условно-досрочного освобождения оно не может быть отозвано или возвращено до разрешения дела по существу.

В ходе подготовки к судебному заседанию судья по ходатайству участников судебного разбирательства или по собственной инициативе истребует недостающие материалы.

Рассмотрение дела должно быть начато не позднее девяти суток со дня поступления в суд ходатайства об условно-досрочном освобождении».

**Судебное заседание.** В юридической литературе вопрос о структуре и содержании судебного заседания по делам об УДО решается неоднозначно. По мнению одних ученых, оно представляет собой упрощенный вариант судебного разбирательства по уголовным делам<sup>290</sup>. Другие отмечают, что оно имеет свою особую структуру и содержание, существенным образом отличающиеся от судебного разбирательства по уголовным делам<sup>291</sup>. Способ процессуального регулирования, устанавливаемый ст. ст. 396, 399 УПК РФ, позволяет сделать вывод, что по делам об УДО законодатель устанавливает общий для уголовного судопроизводства порядок судебного заседания с исключениями, установленными ст. 399 УПК РФ. На наш взгляд, конкретная совокупность этапов судебного разбирательства включает в себя:

- а) подготовительную часть судебного заседания;
- б) рассмотрение дела по существу;
- в) вынесение решения.

УПК РФ устанавливает, что вопросы, связанные с исполнением приговора, судья разрешает в судебном заседании. В этой связи следует признать несоответствующей смыслу закона сложившуюся в некоторых судах практику заочного рассмотрения дел. Так, отдельные судьи Томской области, удовлетворяя ходатайства администрации исправительного учреждения и осужденных о разрешении дел об УДО в их отсутствие, делают невозможным проведение судебных заседаний. В этой связи следует заметить, что смысл судебного разрешения дел об УДО за-

---

<sup>290</sup> См.: Свиридов М.К. Указ соч. – С. 99–125; Якимович Ю.К. Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск, 1994. – С. 66–68; Мартыняхин Л.Ф. Условно-досрочное освобождение от наказания в системе производств советского уголовного процесса // Проблемы правоведения в современный период. – Томск, 1990. – С. 197–198.

<sup>291</sup> См.: Тулянский В.Д. Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // Законность. – 2001. – № 10. – С. 43–44.

ключается не только в предоставлении права рассматривать этот вопрос независимому органу – суду, но и в распространении уголовно-процессуальной формы на процедуру решения вопроса. Одним из ее необходимых атрибутов является судебное заседание, предполагающее непосредственное и устное исследование представленных в суд доказательств.

УПК РФ устанавливает, что судебное заседание начинается с доклада участника, инициировавшего производство. Такой подход законодателя представляется не вполне верным. В данном случае имеет место не продолжение производства по уголовному делу, а новая процессуальная деятельность со своими правилами и особенностями, поэтому судебное заседание следует начинать с подготовительной части, позволяющей создать надлежащие условия для последующего проведения полноценного судебного разрешения дела. Этот этап должен включать в себя: открытие заседания, проверку явки участников, разъяснение прав, объявление состава суда, разрешение вопроса о возможности рассмотрения дела в отсутствие кого-либо из участников судопроизводства; разрешение вопроса о заявлении ходатайств и отводов.

Наблюдения показывают, что на практике еще нередко встречаются случаи упрощения процедуры подготовительной части. Типичными недостатками являются: необъявление состава суда (25,7%); неразъяснение процессуальных прав участникам (22,8%); невыяснение вопроса о наличии или отсутствии ходатайств, отводов (51,4%); отсутствие надлежащей проверки явки участников в суд (39%)<sup>292</sup>. В этой связи представляется оправданным включение в УПК РФ нормы, указывающей на то, что судебное заседание по таким делам начинается не с объяснений, а с подготовительной части, проводимой по правилам гл. 36 УПК РФ.

В литературе нет единства относительно процессуальной природы рассмотрения дела об УДО по существу. Одни подчеркивают, что эта деятельность суда является не чем иным, как судебным следствием<sup>293</sup>, другие рассматривают ее в качестве особой процедуры рассмотрения вопроса по существу<sup>294</sup>. Решение этого вопроса имеет принципиальное

<sup>292</sup> По выездным судебным заседаниям.

<sup>293</sup> См.: *Свиридов М.К.* Указ соч. – С. 103; *Якимович Ю.К.* Указ соч. – С. 67.

<sup>294</sup> См.: *Тулянский В.Д.* Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // *Законность.* – 2001. – № 10. – С. 43–44. *Он же.* Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // *Журнал российского права.* – 2001. – № 7. – С. 118–121.

значение, поскольку определяет перспективы совершенствования судебной деятельности по делам об УДО. На наш взгляд, существующий тип судебного разбирательства едва ли предполагает проведение судебного следствия. Анализ УПК РФ позволяет сделать вывод, что оно присуще лишь производствам, где возможно проведение судебно-следственных действий, предусмотренных гл. 37 УПК РФ: у мирового судьи, в суде присяжных, при апелляционном пересмотре, в ходе процессуальной деятельности по применению принудительных мер медицинского характера. В производстве по УДО (в силу специфики предмета и средств доказывания) проведение основных следственных действий невозможно. Выше отмечалось, что хотя допрос свидетелей не исключен, его проведение нетипично для основной массы таких дел. Поэтому возможность его проведения не следует расценивать как аргумент в пользу признания за рассмотрением дел об УДО формы судебного следствия. К тому же когда законодатель предусматривает проведение судебного следствия в рамках того или иного производства, об этом имеется прямое указание в Законе (ст.ст. 321, 335, 365, 441 УПК РФ), в нашем случае такое указание отсутствует: в ч. 7 ст. 399 УПК РФ, устанавливая порядок рассмотрения этих дел, законодатель не предусматривает подобную возможность.

Отсутствие судебного следствия по делам об УДО не должно расцениваться как повод к упрощению судебного разбирательства. В этой связи вызывает негативную оценку неоправданное сокращение процедуры судебного заседания, несоблюдение последовательности порядка рассмотрения вопросов, одновременное рассмотрение дел об УДО в отношении нескольких осужденных и т.п.

Решение проблем некоторыми учеными видится в придании процессуальной деятельности по УДО традиционных для основного производства форм судебного разбирательства. К примеру, предлагается допрашивать всех участвующих в деле лиц, предусмотреть возможность судебных прений, а также наделить осужденного правом последнего слова<sup>295</sup>. Вызывает сомнение, что указанные меры способны оптимизировать судебное производство по УДО. Такая ключевая особенность, как упрощенное содержание предмета судебного разбирательства приводит к тому, что традиционный арсенал судебных возможностей ос-

---

<sup>295</sup> См.: Свиридов М.К. Указ. соч. – С. 125; Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 68; Матвиенко Е.А., Бибило В.Н. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 123.

новного производства не будет использоваться в ходе рассмотрения дел об УДО. В этой связи более целесообразным представляется уточнение существующего порядка разрешения дел с учетом предложенных выше изменений.

Статья 399 УПК РФ устанавливает, что судебное заседание начинается с объяснений заявителя, затем исследуются представленные в суд материалы, заслушиваются объяснения лиц, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление.

Поскольку предлагается расширить круг субъектов, могущих инициировать уголовно-процессуальную деятельность по УДО, следует уточнить порядок судебного разбирательства. Решение этого вопроса осложняется тем, что если уголовно-исполнительный интерес в производстве отстаивает один участник – представитель администрации, то притязание осужденного на досрочное освобождение, согласно предлагаемым изменениям, могут отстаивать также защитник, законный представитель и прокурор. Учитывая, что на практике до начала 2004 года возбуждение производства по инициативе осужденного, а также участие в судебном разбирательстве защитника было редкостью, как правило, в случае проведения судебного разбирательства первым выступал представитель администрации, затем исследовались представленные администрацией документы, после чего слово предоставлялось осужденному, в завершении высказывал мнение прокурор. Такая модель была оптимальна для судебного разбирательства, где интересы участников имели одинаковую направленность, однако она едва ли будет отвечать интересам правосудия при наличии различных позиций относительно УДО. Исходя из этого, следует предоставить право выступать первым участнику производства, инициировавшему процессуальную деятельность, затем – участнику, преследующему иной правовой интерес, после чего следует приступать к исследованию представленных материалов. Суд, а также участники, дающие объяснения, должны иметь возможность задавать вопросы. В случае участия в производстве субъектов, отстаивающих чужой материально-правовой интерес, – защитника, законного представителя и прокурора – эти лица должны выступать первыми. При этом, учитывая, что при разрешении дела принципиальное значение имеют показания участника, отстаивающего свой материально-правовой интерес, выступления прокурора, защитника и законного представителя не должны замещать объяснений осужденного.

Учитывая высказанное предложение, предлагаем уточнить порядок судебного заседания по делам об УДО примерно следующим образом:

*«Судебное заседание начинается по правилам, установленным гл. 36 УПК РФ.*

*После подготовительных действий судья заслушивает объяснения лица, подавшего ходатайство, затем выслушиваются объяснения других лиц, участвующих в судебном заседании, после чего исследуются представленные материалы. В случае необходимости могут быть допрошены свидетели.*

*Прокурор, законный представитель и защитник, выступающие в защиту прав и законных интересов осужденного, дают объяснения первыми. Их выступление не заменяет объяснений осужденного.*

*Лица, участвующие в деле, вправе задавать друг другу вопросы. Судья вправе задавать вопросы лицам, участвующим в деле, в любой момент дачи ими объяснений.*

*После исследования представленных материалов судья предоставляет прокурору возможность высказать мнение, выясняет у других лиц, участвующих в деле, не желают ли они выступить с дополнительными объяснениями.*

*При отсутствии дополнительных объяснений судья выносит постановление и объявляет порядок его обжалования».*

**Проверочные производства.** УПК РФ закрепил возможность подачи жалоб и представлений в кассационном порядке на решения суда первой инстанции по вопросам УДО (ст. 401). Напомним, что УПК РСФСР не исключал ограниченную возможность проверочной деятельности: допускалось принесение прокурорских протестов на определение районного (городского) суда об УДО в кассационном и надзорном порядке. Изучение практики показывает, что хотя надзорные производства в отношении решений суда первой инстанции по делам об УДО – нечастое явление, между тем такие дела встречаются (табл. 3.2.2). В этой связи следует отметить положительное значение закрепления в УПК РФ возможности обжалования решений суда первой инстанции.

В литературе дебатировались два вопроса, связанных с проверочными производствами: о круге участников, могущих их инициировать, и комплексе надзорных производств, возможных по делам об УДО.

Статья 401 устанавливает, что на постановление суда, связанное с исполнением приговора, могут быть поданы жалоба и представление. Таким образом, закон прямо наделяет правом инициирования судебного пересмотра осужденного (его защитника) и прокурора, однако оставляет открытым вопрос об аналогичном праве представителя исправительного учреждения. В науке на этот счет нет единства: одни исследовате-

ли полагают, что представитель администрации должен обладать такой возможностью<sup>296</sup>, другие выступают против<sup>297</sup>.

Противники выдвигают тезис о том, что в ходе производства по УДО представитель администрации продолжает осуществлять ограниченную функцию уголовно-исполнительного воздействия, поэтому у него нет процессуального интереса, следовательно, он не может обладать правом возбуждения проверочного производства, как лишен такой возможности следователь или дознаватель, осуществляющий предварительное расследование. Едва ли с этим можно согласиться. Во-первых, выше отмечалось, что представитель исправительного учреждения имеет свой материально-правовой интерес, отстаиваемый в производстве по УДО, т.е. осуществляет отдельную уголовно-процессуальную функцию (в отличие от следователя, который не имеет процессуального интереса в судебном производстве), поэтому ему необходимы адекватные средства, в частности возможность кассационного обжалования решения суда. Во-вторых, в производстве по УДО прокурор принимает факультативное участие, поэтому не исключены случаи, когда в процессе не будет участника, правомочного обжаловать незаконное и необоснованное решение. В этой связи, учитывая статус обязательного участника, представитель исправительного учреждения должен обладать такой возможностью.

В практической среде нет единства относительно того, кому ст. 401 УПК РФ предоставляет право инициирования кассационного производства. Так, 11,2% судей, 28% прокурорских работников и 56,2% сотрудников исправительных учреждений считают, что представитель исправительного учреждения не имеет права кассационного обжалования решения суда первой инстанции. В изученной практике не встретилось случаев возбуждения кассационного производства по инициативе представителя администрации. Исходя из сказанного, представляется целесообразным уточнить содержание ст. 401 УПК РФ, указав на участников судебного разбирательства, могущих инициировать проверочную деятельность.

---

<sup>296</sup> См.: *Свиридов М.К.* Указ. соч. – С. 53–54; Судя по всему, не исключает такую возможность А.М. Ларин. См. его: *Уголовный процесс: структура права и структура законодательства.* – М., 1985. – С. 61.

<sup>297</sup> *Матвиенко Е.А., Бибило В.Н.* Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск, 1982. – С. 86.

Статья 401 УПК РФ устанавливает, что постановления суда, вынесенные при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть обжалованы в кассационном порядке. Такое положение дел вызывает вопрос: допустимы ли иные формы пересмотра решения суда первой инстанции по делам об УДО?

Существует мнение, что по делам об УДО возможен полный комплекс надзорных производств, включая, наряду с кассационным, также пересмотр решений в порядке надзора и ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств<sup>298</sup>. Системное толкование ст. 402 УПК РФ позволяет сделать вывод, что по делам об УДО не исключено надзорное производство. Однако в ходе изучения практики по УПК РФ нам не встретилось ни одного случая подобных пересмотров.

Обзор судебной практики по УПК РСФСР позволяет сделать вывод, что пересмотр решений об УДО в порядке надзора хотя и являлся не частым явлением, но был возможен. Вместе с тем в современных условиях такая практика не может иметь определяющего значения. УПК РСФСР в отличие от УПК РФ не предусматривал отдельного производства по отмене УДО. Вследствие этого надзорное производство зачастую использовалось для отмены вступившего в силу решения суда о предоставлении УДО в случае совершения условно освобожденным действия, свидетельствующего о том, что он не исправился. Типичным примером служит отмена Судебной коллегией Верховного Суда РСФСР определения о предоставлении УДО осужденному М., совершившему после освобождения хулиганские действия<sup>299</sup>. Поскольку ст. 397 УПК РФ предусматривает отдельное производство по отмене УДО, подобный надзорный пересмотр в современных условиях недопустим.

На наш взгляд, по УПК РФ фактически возможен лишь кассационный пересмотр решений суда первой инстанции об отказе в УДО.

Во-первых, наличие отдельного производства, направленного на отмену УДО, практически исключает проверочные производства в отношении решения суда первой инстанции о предоставлении УДО (табл. 1.3.1–1.3.3, 3.2.3). Иначе говоря, отмена судебного решения об УДО возможна лишь путем возбуждения производства по отмене УДО. По крайней мере, такой вывод представляется логичным в отношении судебных решений, вступивших в законную силу. Другими словами,

---

<sup>298</sup> Якимович Ю.К. Указ. соч. – С. 69.

<sup>299</sup> Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1965. – № 5. – С. 11; Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 3. – С. 8.

наличие отдельного производства по отмене УДО заменяет надзорное производство и пересмотр ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Во-вторых, направленность производства ограничивает круг участников, могущих инициировать надзорные пересмотры. По сути дела, вопрос о возбуждении надзорного пересмотра актуален только для осужденного. Неопределенность процессуального положения остальных участников не позволяет определить их интерес в пересмотре решений об отказе в УДО.

В-третьих, непродолжительный срок фактически оставшейся части наказания по большинству дел об УДО, а также возможность повторного обращения в случае отказа в УДО через полгода делают бессмысленными инициирование осужденными таких проверочных производств, как надзор и пересмотр решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Для осужденного выгоднее возбудить кассационное производство, а в случае не устраивающего его решения отбыть оставшийся срок наказания или повторно обратиться в суд с ходатайством об УДО. Такому решению также способствует ограниченность пределов надзорных пересмотров. В случае несогласия вышестоящий суд по делам об УДО фактически может принять только решение об отмене постановления суда первой инстанции и направлении дела на новое рассмотрение<sup>300</sup>.

Наконец, расплывчатость оснований применения УДО («если судом будет признано») приводит к фактическому отсутствию оснований для возбуждения судебно-проверочной деятельности. Б.М. Спиридонов, систематизируя возможные основания обжалования отказов в УДО, делит их на три группы: а) мотивы отказов не предусмотрены законом; б) неполнота и необъективность в исследовании и оценке доказательств исправления личности осужденного; в) иные нарушения уголовно-процессуального закона<sup>301</sup>. На наш взгляд, предлагаемый автором подход не совсем адекватен современному производству по УДО. Прежде всего, в силу отсутствия четких критериев УДО довольно трудно определить полноту и объективность в исследовании доказательственного материала, не говоря уже о мотивах. Что касается последней группы оснований, то на практике они встречаются довольно редко.

<sup>300</sup> Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1984. – № 4. – С. 10.

<sup>301</sup> Спиридонов Б.М. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М., 1983. – С. 74.



Гипотетически не исключен пересмотр решений об отказе в УДО в порядке надзора. Однако для этого необходимо, чтобы оставшаяся часть наказания и срок запрета на повторное обращение были продолжительными. Несмотря на то, что в проекте изменений в УИК РФ предлагалось увеличить срок запрета на повторное обращение до года, такое предложение было отвергнуто законодателем. Вместе с тем, учитывая, что УПК РФ не исключает подобную возможность, а также то, что в отношении некоторых категорий дел об УДО за счет продолжительного запрета на повторное обращение (пожизненное лишение свободы) такой порядок может стать актуальным, предлагаем уточнить ст. 401 УПК РФ, дополнительно отразив в ней возможность решений по вопросам, связанным с исполнением приговора, в порядке надзора.

Обобщая изложенное, полагаем, редакция ст. 401 УПК РФ должна иметь примерно следующее содержание:

*«Постановления суда, вынесенные при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, могут быть обжалованы осужденным, представителем органа или учреждения, исполняющего наказание, прокурором в порядке, установленном главами 45 и 48 УПК РФ».*

Подводя итог, необходимо сделать следующие выводы:

1. Структуру производства по УДО образуют: подготовка к судебному разбирательству, судебное разбирательство, кассационное и надзорное производство.

2. Особенность этапа подготовки к судебному разбирательству заключается в том, что она, во-первых, включает в себя наряду с решением традиционных вопросов также разрешение вопроса о возбуждении уголовно-процессуального производства; во-вторых, не предусматривает предварительной оценки представленных доказательств.

3. Основанием к возбуждению производства по УДО должно служить фактическое отбытие осужденным сроков, установленных ст.ст. 79 и 93 УК РФ, поводом – ходатайство осужденного, его законного представителя или защитника, а также прокурора.

4. Этап судебного разбирательства включает в себя подготовительную часть, рассмотрение дела по существу и вынесение решения. Основная особенность судебного разбирательства заключается в отсутствие судебного следствия.

5. Систему контрольно-проверочных производств по делам об УДО образует кассационное и надзорное производство.

6. Для повышения качества уголовно-процессуальной деятельности по УДО в УПК РФ предлагается включить статью следующего содер-

жания, призванную подробнее регулировать порядок судебного разбирательства:

**«Статья 399-1. Порядок разрешения вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением»**

1. После поступления в суд ходатайства и материалов об условно-досрочном освобождении судья возбуждает производство, проводит подготовительные действия и принимает решения в порядке, установленном ст. 231 УПК РФ.

2. С момента поступления в суд ходатайства о предоставлении условно-досрочного освобождения оно не может быть отозвано или возвращено до разрешения дела по существу.

В ходе подготовки к судебному заседанию судья по ходатайству участников судебного разбирательства или по собственной инициативе истребует недостающие материалы.

Рассмотрение дела должно быть начато не позднее десяти суток со дня поступления в суд ходатайства об условно-досрочном освобождении.

3. Судебное заседание начинается по правилам, установленным гл. 36 УПК РФ.

После подготовительных действий судья заслушивает объяснения лица, подавшего ходатайство, затем выслушиваются объяснения других лиц, участвующих в судебном заседании, после чего исследуются представленные материалы. В случае необходимости могут быть допрошены свидетели и специалист.

Прокурор, законный представитель и защитник выступают первыми. Их выступление не заменяет объяснений осужденного.

Лица, участвующие в деле, вправе задавать друг другу вопросы. Судья вправе задавать вопросы лицам, участвующим в деле, в любой момент дачи ими объяснений.

После исследования представленных материалов судья предоставляет прокурору и защитнику возможность высказать мнение, выясняет у других лиц, участвующих в деле, не желают ли они выступить с дополнительными объяснениями.

При отсутствии дополнительных объяснений судья выносит постановление и объявляет порядок его обжалования».

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Конституция* Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 дек.1993 г. – М.: Юрид. лит., 1993.
2. *Всеобщая декларация прав человека* (1948) // *Права человека: Сб. междунар. документов.* – М., 1998.
3. *Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые в Женеве (1955)* // *Междунар. соглашения и рекомендации ООН в области защиты прав человека и борьбы с преступностью: Сб. международных документов.* – М., 1989.
4. *Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийский правила):* Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН от 14 дек. 1990 г. // *Права человека и пенитенциарные учреждения: Учеб. пособие по правам человека для персонала пенитенциар. учреждений.* – Женева, 2000.
5. *Кэмпбелл (Campbell) и Фэлл (Fell) против Соединенного Королевства:* Решение Европ. суда по правам человека от 28 июля 1984 г. // *Европ. суд по правам человека: Избр. решения: В 2-х т.* – М., 2000.
6. *Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 20 дек. 2001 г.* // *Консультант-Плюс [Электронный ресурс]:* Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
7. *Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г.* // *Консультант-Плюс [Электронный ресурс]:* Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
8. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с изм. от 8 дек. 2003 г.* // *Консультант Плюс [Электронный ресурс]:* Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
9. *Уголовный кодекс Российской Федерации с изм. от 8 дек. 2003 г.* // *Консультант-Плюс [Электронный ресурс]:* Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
10. *Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации с изм. от 8 дек. 2003 г.* // *Консультант-Плюс [Электронный ресурс]:* Справочная правовая

- система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
11. *О проверке конституционности положений статей 77<sup>1</sup>, 77<sup>2</sup>, частей 1 и 10 статьи 175 УИК РФ и статьи 363 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова: Постановление Конституц. Суда РФ от 26 нояб. 2002 г. № 16-П // Консультант Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.*
  12. *О проверке конституционности ст. 418 УПК РФ в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края: Постановление Конституц. Суда РФ от 26 дек. 1996 № 19-П // Решения Конституц. Суда РФ по делам о проверке конституционности уголов. и уголовно-процессуал. законодательства России. – М., 2002. – С. 112–119.*
  13. *О проверке конституционности положений п.п. 1 и 3 ч. 1 ст. 232, ч. 4 ст. 248, ч. 1 ст. 258 УПК РФ в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда г. Н.Новгород: Постановление Конституц. Суда РФ от 20 апреля 1999 г. № 4-П // Решения Конституц. Суда РФ по делам о проверке конституционности уголов. и уголовно-процессуал. законодательства России. – М., 2002. – С. 221–232.*
  14. *О проверке конституционности отдельных положений ч. 1 и 2 ст. 118 УИК РФ в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича: Постановление Конституц. Суда РФ от 26 дек. 2003 г. // Российская газета. – 14.01.2004. – № 2 (3379). – С. 13.*
  15. *О проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовно дела, в связи с жалобой гражданки П.И. Смирновой и запросом Верховн. Суда РФ: Постановление Конституц. Суда РФ от 14 янв. 2000 г. № 1-П // Решения Конституц. Суда РФ по делам о проверке конституционности уголов. и уголовно-процессуал. законодательства России. – М., 2002. – С. 232–253.*
  16. *О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены наказания более мягким: Постановление Пленума Верхов. Суда СССР № 9 от 19 окт. 1971 г. // Гарант [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Сетевая версия. – Электрон. дан. – Гарант-Сервис, 1990 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.*
  17. *О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому права на защиту: Постановление Пленума Верхов. Суда СССР № 5 от 16 июля 1978 г. // Гарант [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Сетевая версия. – Электрон. дан. – М.: Гарант-Сервис, 1990 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.*

18. *Об утверждении инструкции по подготовке и рассмотрению документов по представлению осужденных к лишению свободы к условно-досрочному освобождению и замене неотбытой части наказания более мягким*: Приказ Главн. управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ № 127 от 13 июля 2000 г. // Консультант-Плюс [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Версия Проф, сетевая. – Электрон. дан. – М.: АО Консультант-Плюс, 1992 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
19. *Временная инструкция о лишении свободы, как мере отбывания наказания, и о порядке отбывания такового*: Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 53. – Ст. 598.
20. *Инструкция о досрочном освобождении*: Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 25 ноября 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 890.
21. *Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г.*: С постановочными материалами / М-во юстиции РСФСР. – М.: Юрид. лит., 1986.
22. *Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утвержденный 16 октября 1924 г. Второй сессией ВЦИК РСФСР XI созыва* // Собр. узаконений РСФСР. – 1924. – № 86. – Ст. 870.
23. *О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения*: Указ Президиума Верховн. Совета СССР от 14 июля 1954 г. // Сб. норматив. актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959.
24. *О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Закон РСФСР "О милиции"*: Закон РФ от 18 февраля 1993 г. № 4510-1 // Ведомости Съезда народ. депутатов РФ и Верховн. Совета РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 360.
25. *О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР*: Закон РФ от 6 марта 1992 г. // Ведомости Съезда народ. депутатов РФ и Верхов. Совета РФ. – 1992. – № 27. – Ст. 1560.
26. *О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР*: Указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 21 мая 1970 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. – М., 1997.
27. *О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР*: Указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу 1955–1991 гг. – М., 1997.
28. *О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации*: Федеральный закон от 21 де-

- кабря 1996 г. № 160-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 52. – Ст. 5881.
29. *О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон от 7 авг. 2000 г. № 119-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 33. – Ст. 3345.*
  30. *О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения осужденных: Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 21 марта 1921 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1921. – № 23. – Ст. 138.*
  31. *О народном суде РСФСР: Декрет ВЦИК РСФСР от 30 нояб. 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889.*
  32. *О порядке введения в действия Основ уголовного законодательства, Основ уголовного судопроизводства и Законов об уголовной ответственности за государственные и воинские преступления: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 14 февр. 1959 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. – 1959. – № 7. – Ст. 60.*
  33. *О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 24 апр. 1954 г. // Сб. нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. – М., 1959.*
  34. *О порядке рассмотрения судами дел о досрочном и условно-досрочном освобождении из мест заключения: Указ Президиума Верхов. Совета СССР от 21 апр. 1955г. // Уголовно-процессуальное законодательство СССР и союзных республик. – М., 1957. – С. 30.*
  35. *О революционном трибунале: Декрет ВЦИК РСФСР от 12 апр. 1919 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1919. – № 13. – Ст. 132.*
  36. *О суде: Декрет СНК РСФСР № 2 от 7 марта 1918 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.*
  37. *Об Особом Совещании при народном комиссаре внутренних дел Союза ССР: Постановление ЦИК и СНК СССР от 5 нояб. 1934 г. // Собр. законодательства СССР. – 1935. – № 11. – Ст. 84.*
  38. *Об изменении Инструкции о досрочном освобождении: Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 7 авг. 1920 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1920. – № 70. – Ст. 332.*
  39. *Об условно-досрочном освобождении заключенных женщин ко дню празднования интернационального дня работницы: Декрет ВЦИК РСФСР от 5 марта 1923 г. // Сб. документов по истории уголов. законодательства СССР и РСФСР 1917–1952. – М., 1953.*
  40. *Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.*
  41. *Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые 31 окт. 1924 г. ЦИК СССР // Собр. законодательства СССР. – 1924. – № 24. – Ст. 206.*

42. *Положение* об исправительно-трудовых лагерях: Постановление СНК СССР от 7 апр. 1930 // Собр. законодательства СССР. –1930. – № 22. – Ст. 248.
43. *Положение* об общих местах заключения РСФСР: Постановление Наркомата юстиции РСФСР от 15 нояб. 1920 г. // Собр. узаконений РСФСР. – 1921. – № 23. – Ст. 141.
44. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР* от 27 окт. 1960 г. // Гарант [Электронный ресурс]: Справочная правовая система. – Сетевая версия. – Электрон. дан. – М.: Гарант-Сервис, 1990 – . – Режим доступа: Компьютер. сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та, свободный.
45. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР с алфавитно-предметным указателем*. 7-е изд. – Л.: Изд-во Ленинград. губисполкома, 1925.
46. *Уголовный кодекс РСФСР* от 27 окт. 1960 г.: С постантейными материалами / М-во юстиции РСФСР. – М.: Юрид. лит., 1987.
47. *Устав* о наказаниях, налагаемых мировыми судьями с дополнениями по продолжению 1914 года с извлечениями из решений Правительствующего Сената. – Пг.: Тип. юрид. кн. маг. «Законоведение», 1916.
48. *Устав* о содержащихся под стражею с дополнениями по продолжению 1909 года. – СПб.: Тип. Мартынова, 1912.
49. *Устав* уголовного судопроизводства с дополнениями по продолжению 1909 года с предметным указателем. – СПб.: Тип. Зубкова, 1911.
50. *Учреждение* судебных установлений. – Пг.: Тип. юрид. кн. маг. «Законоведение», 1916.
51. *Кодексы* Польши. Уголовный кодекс. Уголовно-процессуальный кодекс (выдержки). Уголовно-исполнительный кодекс. – М.: PRI, 1998.
52. *Уголовно-процессуальный кодекс* Франции 1958 года: С изменениями и дополнениями на 1 января 1966 года. – М.: Прогресс, 1967.
53. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. – 1965. – № 5.
54. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. – 1967. – № 3.
55. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. – 1968. – № 2.
56. *Бюллетень* Верховного Суда РСФСР. – 1984. – № 4.
57. *Судебная практика* к Уголовному кодексу РФ. – М.: Спарк, 2001.
58. *Аванесов Г.А.* Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы. – М.: Изд-во ВНИИ охраны общественного порядка СССР, 1968.
59. *Аванесов Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования. – М.: Юрид. лит., 1972.
60. *Авдеев В.А.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 1996.
61. *Авдеев В.* Юридическая природа условно-досрочного освобождения несовершеннолетних // Уголовное право. – 2000. – № 3.
62. *Аврах Я.С.* Исполнение приговора по УПК РСФСР // Новое уголов. и уголовно-процессуал. законодательство РСФСР. – Казань, 1961.

63. *Адаменко В.Д.* Советское уголовно-процессуальное представительство. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978.
64. *Адаменко В.Д.* Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983.
65. *Адаменко В.Д.* Процессуальные стадии, связанные с реализацией приговора, определения и постановления суда. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993.
66. *Азаров В.А.* Сущность российского уголовного процесса и судебный контроль // Правовые пробл. укрепления рос. государственности. – Томск, 2002.
67. *Алексеев А.С.* Субсидиарный уголовный иск // Государство и право. – 2000. – № 3.
68. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1980.
69. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение): Курс лекций в 2-х т. – Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973.
70. *Алимов С., Шутилов В.* Институт условно-досрочного освобождения США // Сов. юстиция. – 1972. – № 5.
71. *Баранцевич Е.М.* Итоги проведения в жизнь мобилизации условно-досрочно освобожденных по местам заключения России. – Томск: Тип. Приюта и дома Трудолюбия, 1915.
72. *Бекешко С.П.* Защита как процессуальная функция в советском уголовном процессе // Вопросы уголовного права и процесса. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1958.
73. *Беляев Н.А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. – Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1963.
74. *Беседин А.В.* Защита в стадии исполнения приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 1996.
75. *Бехтерев Г.* К вопросу о применении у нас условного досрочного освобождения // Тюремный вестник. – 1912. – № 1–12.
76. *Бибило В.Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. – Минск: Университетское, 1986.
77. *Бибило В.Н.* Судебная власть в уголовном судопроизводстве. – Минск: Право и экономика, 2001.
78. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997.
79. *Борисевич Г.Я.* Обеспечение прав и законных интересов осужденного в стадии исполнения приговора: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1986.
80. *Борисевич Г.Я.* Обеспечение прав и законных интересов осужденного в процессе досудебной подготовки материалов, рассматриваемых в стадии исполнения приговора // Законность, обоснованность, справедливость в



- деятельности правоохран. органов в свете решений XXII съезда КПСС: Тез. докл. на научн.-практ. конф. (дек. 1986 г.). – Пермь, 1986.
81. *Борисевич Г.Я.* Юридическая природа условно-досрочного освобождения от наказания в виде лишения свободы // Рос. законодательство: теория, практика, пробл. развития / Тез. докл. научн.-практ. конф., посвящ. 80-летию Перм. гос. ун-та. – Пермь, 1997.
  82. *Борисевич Г.Я.* Характеристика процессуальных вопросов, разрешаемых судьей в стадии исполнения приговора // Юрид. наука в совр. мире: фундаментал. и приклад. пробл. / Сб. науч. тр. юрид. ф-та / Перм. ун-т. – Пермь, 2000.
  83. *Борисов О.Э.* О критериях оценки исправления осужденных // Пробл. охраны прав граждан в сфере борьбы с преступностью: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1980.
  84. *Бровин Г.И., Михайлов В.Т.* Прокурорский надзор за законностью исполнения приговора. – М.: Юрид. лит., 1977.
  85. *Бушуев Г.И.* Правосудие в социалистическом обществе // Советское государство и право. – 1983. – № 3.
  86. *Васильев А.И.* Рассмотрение судами дел об условно-досрочном освобождении // Сов. юстиция – 1971. – № 12.
  87. *Васильев А. И.* Представление к условно-досрочному освобождению // К новой жизни. – 1972. – № 11.
  88. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: В 2-х т. – М.: Издание бр. Башмаковых, 1913.
  89. *Винберг А.И., Миньковский Г.М., Рахунов Р.Д.* Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1956.
  90. *Витрук Н.В.* Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1979.
  91. *Водяников Д.П.* Вопросы условно-досрочного освобождения в советском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1967.
  92. *Водяников Д.П.* Предварительная (досудебная) подготовка материалов к условно-досрочному освобождению // Учен. зап. / Всесоюзн. юрид. заоч. ин-т. – М., 1971. – Вып. 19.
  93. *Волколуп О.В.* Система уголовного судопроизводства и проблемы ее совершенствования. – СПб.: Юридический цент Пресс, 2003.
  94. *Володарский П.Г.* Институт досрочного освобождения и практика его применения // Сов. государство и право. – 1957. – № 7.
  95. *Вырастайкин В.* Условно-досрочное освобождение – право, а не обязанность суда // Рос. юстиция. – 1999. – № 7.
  96. *Вырастайкин В.* Условно-досрочное освобождение только для достойных // Рос. юстиция. – 2003. – № 8.
  97. *Вышинская З.А., Шлыков С.А.* Эффективность условно-досрочного освобождения от наказания // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью – М., 1968.

98. *Галкин Б.А.* Советский уголовно-процессуальный закон. – М.: Госюриздат, 1962.
99. *Гальперин И., Вышинская З., Минская В.* Условно-досрочное освобождение от лишения свободы // Актуальные вопросы применения лишения свободы и дополнительных наказаний. – М., 1979.
100. *Гальперин И.М., Лукашевич В.З.* Предание суду по советскому уголовно-процессуальному праву. – М.: Юрид. лит., 1965.
101. *Гельфер М.* О повышении роли суда в исправлении и перевоспитании осужденных // Соц. законность. – 1970. – № 5.
102. *Гилинский Я.И.* Исполнение приговора как стадия советского уголовного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1967.
103. *Гилинский Я.И.* Участие адвоката в стадии исполнения приговора // Вопросы защиты по уголовным делам. – М., 1967.
104. *Глазер Ю.* Руководство по уголовному процессу. – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1884.
105. *Глазкова В.Н.* Характеристика предмета доказывания и доказательств по делам об условно-досрочном освобождении от наказания // Актуальные вопросы правоведения. – Томск, 1978.
106. *Глазкова В.Н.* О необходимости правового регулирования установления исправления органами, реализующими наказание // Предупреждение рецидивной преступности в Сибири. – Томск, 1981.
107. *Глазкова В.Н.* Прокурорский надзор за законностью представления к условно-досрочному освобождению лиц, условно осужденных с обязательным привлечением к труду // Проблемы охраны прав и интересов осужденного. – Кемерово, 1985.
108. *Голик Ю.В., Уткин В.А.* О реформе условно-досрочного освобождения и участии общественности в его применении // Новый уголовный закон: Тез. докл. научно-практ. конф. (Кемерово, 2-3 марта 1989 г.). – Кемерово, 1989.
109. *Гольдинер В.Д.* Защитительная речь. – М.: Юрид. лит., 1970.
110. *Гурвич М.А.* Право на иск. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
111. *Даев В.Г.* Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Правоведение. – 1974. – № 1.
112. *Добровольская Т.Н.* Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. – М.: Изд-во ВНИИ Прокуратуры СССР, 1979.
113. *Дурманов Н.Д.* Освобождение от наказания по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1957.
114. *Дьяченко Р.А.* Условно-досрочное освобождение и замена неотбытой части наказания более мягким: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999.
115. *Елеонский В.А.* Наблюдательные комиссии исполнительных комитетов местных органов. – М.: Юрид. лит., 1966.
116. *Елисеева Н.В., Михлин А.С.* Помилование в Российской Федерации. – М.: Информация. Консультация. Содействие, 2001.

117. *Ефимов М.А.* Условно-досрочное освобождение по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1958.
118. *Ефимов М.А.* Проблемы лишения свободы как вида наказания в законодательстве, судебной и исправительно-трудовой практике: Автореф. ... дис. докт. юрид. наук. – Л., 1966.
119. *Жалинский А., Рёрихт А.* Введение в немецкое право. – М.: Спарк, 2001.
120. *Жилевич Р.С.* Критерии применения условно-досрочного освобождения осужденных лиц // Рос. законодательство: теория, практика, пробл. развития: Тез. докл. научн.-практ. конф., посвященной 80-летию Перм. гос. ун-та. – Пермь, 1997.
121. *Закон об условном досрочном освобождении с изложением рассуждений, на коих он основан / Под ред. Д.А. Коптева.* – СПб.: Издание Г.Г. Ходунова, 1909.
122. *Зельдов С.И.* Освобождение от наказания и от его отбывания. – М.: Юрид. лит., 1982.
123. *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание: Учебное пособие. – Ижевск: Изд-во Удмурд. ун-та, 1993.
124. *Калинин Ю.В.* Тюремная система Франции // Изв. вузов. Сер. Правоведение. – 1978. – № 5.
125. *Каминская В.И.* Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве // Сов. государство и право. – 1968. – № 10.
126. *Карасев И.Е.* Индивидуализация наказания при рассмотрении дел об условно-досрочном освобождении – одна из задач взаимодействия суда и ИТУ // Докл. итоговой научн. конф. юридического факультета Том. ун-та (январь 1975 г.). – Томск, 1976.
127. *Карасев И.Е.* Некоторые особенности доказывания по делам об условно-досрочном освобождении от наказания // Вопросы советского государства и права. – Томск, 1974.
128. *Карпец И.И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1973.
129. *Киселев А.* Условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким // Соц. законность. – 1957. – № 6.
130. *Клочков В.* Основания возбуждения производства об условно-досрочном освобождении и контроль за поведением условно-досрочно освобожденных // Соц. законность. – 1963. – № 8.
131. *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. прав. академии, 2002.
132. *Кокорев Л.К.* Дальнейшее развитие процессуальных прав подсудимого // Совершен. законодательства о суде и правосудии. – М.: Юрид. лит., 1985.
133. *Коломеец В.К.* Предмет доказывания при освобождении от отбывания наказания // Процессуал. пробл. реализации уголов. ответственности: Межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1979.
134. *Кони А.Ф.* Об условном досрочном освобождении // Собр. соч.: В 8-ми т. – М., 1967.

135. *Конституционные основы правосудия в СССР* / Под ред. В.М. Савицкого. – М.: Наука, 1981.
136. *Корнуков В.М.* Правовой статус личности в уголовном судопроизводстве // Пробл. прав. статуса личности в уголовном процессе. – Саратов, 1981.
137. *Кропачев А.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Законность. – 1999. – № 2.
138. *Круглов В.И.* Уголовный иск и механизм его доказывания: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
139. *Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П.* Современная социология права. – М.: Юристь, 1995.
140. *Кузнецов К.* Некоторые вопросы рассмотрения дел об условно-досрочном освобождении от наказания // Советская юстиция. – 1959. – № 7.
141. *Кулиев Р.И.* Условно-досрочное освобождение (в капиталистических странах) // Исправительно-трудовые учреждения. – 1981. – № 17.
142. *Куцова Э.Ф.* Исполнения приговора: Лекция. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
143. *Куцова Э.Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе (предмет, цель, содержание). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
144. *Кырлан Г.Е.* Субъективное право осужденных на условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы // Вопр. теории и практики предупреждения преступлений: Межвуз. сб. – Барнаул, 1986.
145. *Лазарева В.* Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1999.
146. *Ларин А.М.* Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. – М.: Юрид. лит., 1985.
147. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М.: Юрид. лит., 1986.
148. *Ленский В.М.* Организационно-правовые проблемы досрочного освобождения осужденных из исправительно-трудовых учреждений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1996.
149. *Литвинов Р.В.* Разрешение судом вопросов, возникающих в процессе исполнения приговоров. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964.
150. *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержания и формы. – М.: Юрид. лит., 1976.
151. *Лупинская П.А., Сперанский И.Н.* Порядок разрешения вопросов, возникающих при исполнении приговора // Соц. законность. – 1967. – № 2.
152. *Любавин А.А.* Вопросы компетенции суда и администрации при исполнении приговора // Материалы науч.-практ. конф., посвященные пробл. исправительно-трудового права. – Томск, 1961.
153. *Любавин А.А.* Развитие и совершенствование процессуальных форм исполнения приговора к лишению свободы // Вопр. экономики, государства и права в решениях XXII съезда КПСС. – Томск, 1962.

154. *Любавин А.А.* Процессуальный порядок разрешения дел в стадии исполнения приговора // Докл. по вопр. конкретной экономики и советского права. – Томск, 1963.
155. *Люблинский П.И.* Международные съезды по вопросам уголовного права за десять лет (1905-1915). – Пг.: Сенат. тип., 1915.
156. *Люблинский П.И.* Основные черты условно-досрочного освобождения по закону от 22 июня 1909 года // На смену старого права: Сб. статей по вопр. текущей правовой жизни. – Пг.: Типо-лит. Руманова, 1915.
157. *Маликов Б.* Роль государства в формировании и реализации уголовно-исполнительной политики обеспечения прав человека в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2002. – № 8.
158. *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства: В 2-х т. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876.
159. *Мальгин В.* Нерешенные процессуальные вопросы условно-досрочного освобождения // Соц. законность. – 1965. – № 12.
160. *Мартынчик Е.Г.* Охрана прав осужденного в кассационном производстве. – Кишинев: Штиинца, 1979.
161. *Мартынчик Е.Г., Радьков В.П., Юрченко В.Е.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. – Кишинев: Штиинца, 1982.
162. *Мартыняхин Л.Ф.* Задачи суда по условно-досрочному освобождению от наказания // Актуальные вопросы правопедения в период совершенствования социалистического общества. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988.
163. *Мартыняхин Л.Ф.* Совершенствование процессуального порядка условно-досрочного освобождения от наказания // Актуал. вопр. правопедения в период совершен. соц. общества. – Томск, 1989.
164. *Мартыняхин Л.Ф.* Проблемы повышения эффективности судебной деятельности по делам об условно-досрочном освобождении от наказания: Дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1990.
165. *Мартыняхин Л.Ф.* Условно-досрочное освобождение от наказания в системе производств советского уголовного процесса // Пробл. правопедения в совр. период. – Томск, 1990.
166. *Мартыняхин Л.Ф.* О судебном контроле в уголовно-исполнительной системе // Право и рынок: Материалы Всерос. науч. конф. – Барнаул, 1994.
167. *Матвиенко Е.А.* Приговор суда и его исполнение. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1968.
168. *Матвиенко Е.А., Бибило В.Н.* Уголовное судопроизводство по исполнению приговора. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1982.
169. *Матевосян Е.А.* Участие прокурора по делам о применении принудительных мер медицинского характера: Автреф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1993.

170. Мельников А.А. Правосудие в СССР: сущность, социальные функции, законодательное регулирование // Сов. государство и право. – 1981. – № 11.
171. Миклашевский А.И. Закон 22 июня 1909 г. «Об условном досрочном освобождении» с решениями уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената и циркулярами Министерства юстиции. – СПб.: Тип. СПб. тюрьмы, 1914.
172. Миненок А.И. Проблемы повышения деятельности суда в стадии исполнения приговора // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1989.
173. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. – Киев: Вища школа, 1984.
174. Михлин А.С. Досрочное освобождение от отбывания наказания // Проблемы совершенствования уголовного закона. – М., 1984.
175. Михлин А.С. Исполнение наказания судами и контроль за исполнением приговора // Сов. юстиция. – 1988. – № 10.
176. Мольков Н. Условно-досрочное освобождение от наказания и замена его более мягким // Сов. юстиция. – 1978. – № 19.
177. Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. – Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1976.
178. Мотовиловкер Я.О. Основные уголовно-процессуальные функции. – Ярославль: Изд-во Ярослав. ун-та, 1976.
179. Мотовиловкер Я.О. Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984.
180. Навасардян В.Р. Право на защиту подозреваемого, обвиняемого и подсудимого в уголовном процессе. – СПб.: Левша, 2000.
181. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Часть Общая и Особенная: Пособие к изучению науки Уголовного кодекса СССР. – Одесса, 1924.
182. Николук В.В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989.
183. Николук В.В., Кальницкий В.В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. – Омск, 1990.
184. Носенко А.М. Условно-досрочное освобождение от лишения свободы. – М.: РИО Киев. филиала ВНИИ МВД СССР, 1974.
185. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Проспект, 2000.
186. Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России. Общая часть: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.
187. Перлов И.Д. Институт условно-досрочного освобождения и практика его применения // Социалистическая законность. – 1957. – № 3.
188. Перлов И.Д. Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1957.
189. Перлов И.Д. Исполнение приговора. – М.: Госюриздат, 1963.

190. *Петрухин И.Л.* Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М.: Наука, 1985.
191. *Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морцакова Т.Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. – М.: Наука, 1979.
192. *Пионтковский А.А.* Условное освобождение. – Казань: Типо-лит. Казан. император. ун-та, 1900.
193. *Погосян Р.* О судебной реформе // Сов. юстиция. – 1989. – № 10.
194. *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании. – М., 1904.
195. *Познышев С.В.* Основы пенитенциарной науки. – М.: Мысль печатника, 1923.
196. *Полянский Н. Н.* Очерки общей теории уголовного процесса. – М.: Право и жизнь, 1927.
197. *Полянский Н. Н.* К вопросу об юридической природе обвинения перед судом // Изв. вузов. Сер. Правоведение. – 1960. – № 1.
198. *Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. – М.: Юрид. лит., 1965.
199. *Прокопьева С.И.* Принцип состязательности и осуществление функции суда первой инстанции в судебном разбирательстве // Вопросы осуществления правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1982.
200. *Пышнев Д.И.* Судебное разбирательство по делам об условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1981.
201. *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Госюриздат, 1961.
202. *Ременсон А.Л.* Избранные труды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.
203. *Ривлин А.Л.* Пересмотр приговоров в СССР. – М.: Госюриздат, 1958.
204. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – М.: Право, 1916.
205. *Руднев В.* Пенитенциарный судья (к вопросу о судебном контроле за исполнением наказаний) // Рос. юстиция. – 2001. – № 8.
206. *Сабанин С.Н.* Справедливость освобождения от уголовного наказания. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. ВШ МВД РФ, 1993.
207. *Савицкий В.М., Сафонов А.П.* Условно-досрочное освобождение и некоторые вопросы прокурорского надзора // Вопросы криминалистики. – 1963. – № 8, 9. – М.: Юрид. лит.
208. *Саркисянц Г.П.* Участие защитника в кассационной и надзорной инстанциях и при исполнении приговора. – Ташкент: Фан, 1966.
209. *Свиридов М.К.* Вопросы совершенствования законодательства, регламентирующего судебную деятельность по исполнению приговора // Актуал. прав. вопр. борьбы с преступностью. – Томск, 1988.
210. *Свиридов М.К.* Участие осужденного в рассмотрении дел об условно-досрочном освобождении от наказания // Сб. работ юрид. факультета Том. гос. ун-та. – Томск, 1970. – Т. 208.

211. *Свиридов М.К.* Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972.
212. *Свиридов М.К.* Источники доказательств, используемые при разрешении дел об условно-досрочном освобождении // Тр. Том. ун-та. – Томск, 1974. – Т. 24.
213. *Свиридов М.К.* Назначение стадии исполнения приговора в уголовном процессе // Пробл. повышения эффективности прав. регулирования на совр. этапе. – Томск, 1976. – Вып. 1.
214. *Свиридов М.К.* Контроль суда за исполнением приговора // Пробл. борьбы с рецидивной преступностью. – Томск, 1978.
215. *Свиридов М.К.* Сущность и предмет стадии исполнения приговора. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978.
216. *Свиридов М.К.* К вопросу о понятии эффективности уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора // Вопр. повышения эффективности борьбы с преступностью. – Томск, 1980.
217. *Свиридов М.К.* О судах по исполнению приговоров // Прав. вопр. борьбы с преступностью: Сб. статей. – Томск, 1984.
218. *Свиридов М.К.* К вопросу о содержании стадии исполнения приговора // Прав. вопр. борьбы с преступностью. – Томск, 1988.
219. *Свиридов М.К.* Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Прав. пробл. укрепления рос. государственности. – Томск, 2001. – Вып. 7.
220. *Селиверстов В.И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1992.
221. *Семухина О.Б.* Типология уголовного процесса англо-американской и романо-германской правовых систем. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002.
222. *Солодилов А.В.* Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск: Изд-во ТУСУР, 2000.
223. *Спиридонов Б.М.* Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
224. *Спиридонов Б.М.* Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983.
225. *Спицын В.* Условно-досрочное освобождение в учреждениях УИС // Преступление и наказание. – 2003. – № 5.
226. *Спицын В.И.* Теория и практика реализации условно-досрочного освобождения в Российской Федерации // Совр. право. – 2003. – № 1.
227. *Стецовский Ю.И.* Адвокат в уголовном судопроизводстве. – М.: Юрид. лит., 1972.
228. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. – М.: Наука, 1968.
229. *Стручков Н.А., Шупилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1977. – Вып. 1.



230. *Стручков Н.А., Шупилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. Италия, Швеция: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. – Вып. 4.
231. *Стручков Н.А., Шупилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. Англия, ФРГ: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. – Вып. 2.
232. *Стручков Н.А., Шупилов В.П.* Исполнение уголовного наказания в капиталистических странах. Соединенные Штаты Америки, Япония: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. – Вып. 3.
233. *Судебные экспертизы* / В.В. Колтун, С.М. Зосимов, Л.В. Пустовалов и др. – М.: Юрлитинформ, 2001.
234. *Тальберг Г.Д.* Русское уголовное судопроизводство. – Киев: Тип. Кушнерев и К, 1889.
235. *Тарханов А.И.* Замена наказания по советскому праву. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.
236. *Ткачевский Ю.М.* Досрочное освобождение от наказания. – М., Госюриздат, 1962.
237. *Ткачевский Ю.М.* Освобождение от отбывания наказания. – М.: Юрид. лит., 1970.
238. *Ткачевский Ю.М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1997. – № 2.
239. *Ткачевский Ю.М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2002. – № 1.
240. *Тулянский Д.В.* Актуальные проблемы соблюдения сроков в стадии исполнения приговоров // Рос. судья. – 2001. – № 9.
241. *Тулянский Д.В.* Имеет ли место доказывание в стадии исполнения приговора? // Законность. – 2001. – № 10.
242. *Тулянский Д.В.* Осуществляет ли суд правосудие в стадии исполнения приговора? // Журн. рос. права. – 2001. – № 7.
243. *Улицкий С.Я.* Условно-досрочное освобождение из исправительных учреждений (история и современность): Учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2002.
244. *Улицкий С.Я.* Условно-досрочное освобождение от наказания // Законность. – 2003. – № 3.
245. *Утевский Б.* Исправительно-трудовой кодекс УССР // Административ. вестник. – 1926. – № 3.
246. *Уткин В.А.* Наказание и исправительно-трудовое воздействие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.
247. *Уткин В.* Предпосылки развития альтернативных санкций // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2002. – № 8.
248. *Уткин В.А.* Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации: первоначальный этап проекта // Альтернативы тюремному заключению

- нию в Российской Федерации: Материалы Междунар. конф. – М., PRI, 2001.
249. *Уткин В.А.* Развитие альтернатив лишению свободы в рамках эксперимента // Содействие становлению механизма реализации альтернативных мер наказания в Рос. Федерации: Материалы Междунар. семинара. Самара, 24–27 марта 2002 г. – М.: PRI, 2002.
250. *Фаткуллин Ф.Н.* Обвинение и его изменение в суде. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963.
251. *Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С.* Обвинение и защита по уголовным делам. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.
252. *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Тип. Рихтера, 1915.
253. *Филимонов Б.А.* Подготовка и судебное рассмотрение дел о досрочном освобождении от наказания несовершеннолетних. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962.
254. *Филимонов Б.А.* Процессуальные вопросы досрочного освобождения от наказания несовершеннолетних. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965.
255. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2-х т. – СПб.: АЛЬФА, 1996.
256. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. – М.: Городец, 2000.
257. *Халиулин А.Г.* Разграничение полномочий между прокуратурой в обеспечении законности исполнения приговора // Пробл. наказания и исполнения приговора в уголов., уголовно-исполнит. и уголовно-процессуал. законодательстве: Материалы научн. конф. Кемерово 5–6 февр. 1992. – Кемерово, 1992.
258. *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. – М.: Юрид. лит., 1979.
259. *Цыпкин А.Л.* Право на защиту в советском уголовном процессе. – Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та, 1959.
260. *Цыпкин А.Л.* Некоторые вопросы совершенствования стадии исполнения приговора // Мат. конф. по итогам научно-исследоват. работы за 1963–1964 гг. – Саратов, 1965.
261. *Цыпкин А.Л.* Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1965.
262. *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1951.
263. *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб.: АЛЬФА, 1995.
264. *Чечина Н.А., Элькин П.С.* Проблемы правосудия развитого социалистического общества // Государство и право развитого социализма в СССР. – Л., 1977.

265. *Чопоров М.* Об институтах безусловного и условно-досрочного освобождения // Соц. законность. – 1959. – № 7.
266. *Швецов В.И.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе: Учебн. пособие. – М., 1982.
267. *Швецов В.И.* Некоторые вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего исполнение приговора // Актуал. вопр. развития и совершенствования законодательства о судостроительстве, судопроизводстве и прокурорском надзоре. – М., 1981.
268. *Швецов В.И.* Развитие законодательства о стадии исполнения приговора // Сов. юстиция. – 1988. – № 22.
269. *Шейфер С.А.* Собираание доказательств в советском уголовном процессе. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986.
270. *Шифман М.Л.* Прокурор в уголовном процессе. – М.: Изд-во Минюста СССР, 1948.
271. *Шилёв В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1974.
272. *Шилёв В.Н.* Участники уголовного процесса. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1970.
273. *Шушилов В.П.* Роль специального судьи во французской системе исполнения наказания // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1978. – Вып. 28.
274. *Шушилов В.П.* Система исполнения наказания в США. – М.: Типография им. Воровского, 1973.
275. *Шушилов В.* Условно-досрочное освобождение осужденных во Франции // Социалистическая законность. – 1975. – № 5.
276. *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. – Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1963.
277. *Элькинд П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1976.
278. *Юркевич Н.А.* Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства об условно-досрочном освобождении осужденного // Пробл. охраны прав и интересов осужденного: Сб. науч. тр. – Кемерово, 1985.
279. *Юркевич Н.А.* Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.
280. *Якимович Ю.К.* Дополнительные производства в советском уголовном процессе // Актуал. проблемы борьбы с преступностью. – Томск, 1990.
281. *Якимович Ю.К.* Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991.
282. *Якимович Ю.К.* Дополнительные и особые производства в уголовном процессе России. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.
283. *Якимович Ю.К.* Избранные статьи (1985–1996). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997.

- 
284. Якимович Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001.
285. Calliess R.-P., Müller-Dietz H. Strafvollzugsgesetz. – München: Verlag C.H. Beck. – 8., neu bearbeitete Auflage. – 2000.
286. Code de procedure penale 1958 // Les codes / Legifrance.gouv. fr: [Электронный ресурс] / Под патронажем Le service public de la diffusion du droit. – Электрон. дан. – Paris: GOUV.FR, 2000 – . – Режим доступа: [www.legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. франц., англ., испан.
287. *Imprisonment Today and Tomorrow. International Perspectives on Prisoners' Rights and Prison Conditions* / Edited by Zyl Smit D. van, Dünkel F. – Second edition. – The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 2001.

## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, НАУЧНЫЕ ТРУДЫ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ АВТОРОМ

- Аванесов Г.А., 35, 77  
Авдеев В.А., 105  
Аврах Я.С., 32  
Адаменко В.Д., 37,  
38, 39, 41, 45, 54, 66,  
81, 82, 107  
Азаров В.А., 63  
Алексеев Н.С., 142  
Алексеев С.С., 35  
Алимов С., 8, 47
- Батуров Г.П., 62  
Бекешко С.П., 80  
Беляев Н.А., 77  
Беседин А.В., 83,  
124  
Бехтерев Г.К., 6  
Бибило В.Н., 44, 50,  
52, 54, 60, 61, 62, 64,  
79, 82, 99, 115, 121,  
132, 155, 158  
Бойков А.Д., 93  
Борисевич Г.Я., 66,  
120  
Борисов О.Э., 55  
Бровин Г.И., 92, 99  
Бушуев Г.И., 62
- Васьковский Е.В.,  
52, 53  
Винберг А.И., 117  
Витрук Н.В., 78  
Водяников Д.П., 143  
Волколуп О.В., 42,  
54, 142
- Володарский П.Г., 121,  
128  
Вырастайкин В., 55
- Галкин Б.А., 107  
Гальперин И.М., 142  
Гельфер М., 55, 61  
Гишинский Я.И., 79  
Глазер Ю., 52  
Глазкова В.Н., 100, 115,  
119, 127, 130  
Голик Ю.В., 47, 105  
Гольдинер В.Д., 78
- Даев В.Г., 28, 51, 142  
Добровольская Т.Н., 36,  
39, 49, 81, 100, 115, 119  
Дьяченко Р.А., 143
- Елеонский В.А., 26, 28  
Елисеева Н.В., 144  
Ефимов М.А., 28, 121
- Жалинский А., 59  
Жилевич Р.С., 45, 89,  
123
- Зельдов С.И., 35, 77  
Зинатуллин З.З., 114,  
135
- Казимирчук В.П., 62  
Кальницкий В.В., 40  
Каминская В.И., 78  
Карасев И.Е., 120
- Карпец И.И., 55  
Киселев А., 28  
Ковтун Н.Н., 62, 63  
Кокорев Л.К., 28, 142,  
144  
Корнуков В.М., 67  
Круглов В.И., 98  
Кудрявцев В.Н., 62  
Кузнецов К., 28  
Куцова Э.Ф., 32, 61, 64,  
79, 95  
Кырлан Г.Е., 55
- Ларин А.М., 66, 95, 133,  
158  
Ленский А.В., 40, 135,  
140  
Литвинов Р.В., 32, 51,  
66, 76, 99, 110, 148  
Лукашевич В.З., 142  
Лупинская П.А., 35, 121  
Любавин А.А., 61, 84  
Люблинский П.И., 9,  
13, 14, 15
- Маликов Б., 77  
Маргынчик Е.Г., 67, 95  
Маргыняхин Л.Ф., 42,  
45, 52, 104, 109, 110,  
140, 153  
Матвиенко Е.А., 32, 50,  
61, 64, 99, 155, 158  
Матевосян Е.А., 98  
Мельников А.А., 62

- Миклашевский А.И., 10, 11, 12, 13  
Миненок А.И., 54, 58  
Миньковский Г.М., 117  
Михеенко М.М., 121, 123, 133, 137  
Михлин А.С., 77  
Морщакова Т.Г., 62  
  
Навасардян В.Р., 83  
Немировский Э.Я., 32  
Николок В.В., 40, 50, 54, 79, 84, 110  
Носенко А.М., 35  
  
Орлов Ю.К., 114, 121  
Осокина Г.Л., 136  
  
Перлов И.Д., 28, 32, 117  
Петрухин И.Л., 62, 67  
Пионтковский А.А., 6, 7, 13, 15  
Погосян Р., 47  
Полянский Н.Н., 98  
Прокопьева С.И., 51  
Пышнев Д.И., 50, 61, 117  
  
Радьков В.П., 67  
Рахунов Р.Д., 95, 107, 117  
Рёрихт А., 59  
  
Розин Н.Н., 53  
Руднев В., 58  
  
Сабанин С.Н., 143  
Свиридов М.К., 19, 21, 22, 23, 25, 29, 33, 35, 43, 48, 52, 54, 60, 61, 64, 65, 71, 75, 76, 79, 81, 84, 86, 100, 104, 106, 109, 110, 124, 125, 128, 137, 142, 146, 151, 153, 154, 155, 158  
Селиверстов В.И., 55, 77, 78, 116  
Солодилов А.В., 40, 63, 93  
Сперанский И.П., 121  
Спиридонов Б.М., 19, 31, 92, 102, 160  
Стецовский Ю.И., 106  
Строгович М.С., 53, 62, 93, 142, 143  
Стручков Н.А., 59  
  
Тальберг Г.Д., 53  
Тарханов А.И., 55  
Ткачевский Ю.М., 37, 77  
Трубникова Т.В., 40, 137, 140  
Тулянский Д.В., 115, 121, 153, 154  
  
Улицкий С.Я., 17, 18, 19, 21, 24, 25, 143  
Утевский Б., 25  
Уткин В.А., 47, 60, 105  
  
Фаткуллин Ф.Н., 93  
Фельдштейн Г.С., 53  
Филимонов Б.А., 79, 121, 132, 150  
Фойницкий И.Я., 7, 14, 15, 52, 53  
  
Хмыров А.А., 117  
  
Цыпкин А.Л., 81, 82  
  
Чечина Н.А., 61  
Чопоров М., 28  
  
Швецов В.И., 61, 115, 128  
Шифман М.Л., 98  
Шпилёв В.Н., 82, 95  
Шупилов В.П., 8, 47, 59  
  
Элькинд П.С., 36, 61  
  
Юркевич Н.А., 75, 95, 97, 142  
Юрченко В.Е., 67, 95  
  
Якимович Ю.К., 40, 42, 43, 44, 50, 64, 66, 79, 81, 82, 86, 91, 104, 107, 108, 110, 117, 121, 128, 129, 135, 140, 141, 153, 154, 155, 159  
  
Calliess R.-P., 59  
Müller-Dietz H., 59

## ПРИЛОЖЕНИЕ

**Эмпирическую базу** исследования составили результаты изучения официальной статистики по делам об УДО по отчетам управлений судебных департаментов при Верховном Суде РФ по субъектам федерации Сибирского региона (в Новосибирской, Кемеровской и Томской областях); данные официальной статистики ГУИН МЮ РФ за 2000–2003 гг. о числе условно-досрочно освобожденных осужденных; обзоры судебной практики высших судебных органов СССР, РСФСР и РФ по делам об УДО с 1964 года по настоящее время. Изучены материалы 430 дел об УДО, рассмотренных федеральными судами Томской области в течение четырех лет (60 – за 2000 г.; 120 – за 2001 г.; 125 – за 2002 г.; 125 – за 2003 г.). Кроме того, в исследовании использовались результаты:

- хронометрирования и стенографирования 80 судебных заседаний по делам об УДО (36 – в 2001 г.; 27 – в 2002 г.; 17 – в 2003 г.);
- анкетирования 62 судей, имевших практику рассмотрения дел об УДО; 64 прокурорских работников, осуществлявших надзор за законностью представления к УДО, а также принимавших участие в судебном разбирательстве этих дел; 50 адвокатов; 80 сотрудников исправительных органов и учреждений, когда-либо принимавших участие в досудебной подготовке материалов, а также судебном рассмотрении дел об УДО; 180 лиц, условно-досрочно освобожденных от наказания в виде лишения свободы; 110 осужденных, претендующих на УДО.

Таблица 1.3.1

**Удельный вес дел об УДО среди прочих дел, связанных с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения наказания по Томской области (в % к общему числу дел, рассматриваемых в порядке гл. 47 УПК РФ)**

№ п/п	Вид производства	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	Об УДО	15,1	68,3	30,8	33,3
2	Об отмене УДО	0,09	0,3	0,2	0,4
3	О применении акта амнистии	77,3	6,2	31,1	3
4	О приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом	2,4	1	22,7	22,4
5	О замене неотбытого срока более мягким	0,5	2,4	4,4	0,8
6	О замене исправительных работ лишением свободы	0,15	1,6	1,4	1,4
7	О замене штрафа исправительными работами	0	0,06	0	0
8	О досрочном освобождении от условного осуждения	1,6	4,1	4,1	22,7
9	Другие вопросы, рассматриваемые в порядке гл. 47	2,8	16,04	5,3	16



Таблица 1.3.2

**Удельный вес дел об УДО среди прочих дел, связанных с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения наказания по Кемеровской области (в % к общему числу дел, рассматриваемых в порядке гл. 47 УПК РФ)**

№ п/п	Вид производства	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	Об УДО	32,8	44,8	31,3	30,5
2	Об отмене УДО	0,1	0,3	0,1	0,2
3	О применении акта амнистии	34,2	2	22,6	30,9
4	О приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом	0,2	0,6	28,2	22,5
5	О замене неотбытого срока более мягким	26,2	28,9	4,6	4,4
6	О замене исправительных работ лишением свободы	0,1	3,2	0,4	1,4
7	О замене штрафа исправительными работами	0	0,1	0,02	0
8	О досрочном освобождении от условного осуждения	2,2	1	6	4
9	Другие вопросы, рассматриваемые в порядке гл. 47	4,2	19,1	6,78	6,1

Таблица 1.3.3

**Удельный вес дел об УДО среди прочих дел, связанных с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения наказания по Новосибирской области (в % к общему числу дел, рассматриваемых в порядке гл. 47 УПК РФ)**

№ п/п	Вид производства	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	Об УДО	34,7	42,6	44,2	38,3
2	Об отмене УДО	0,04	0,08	0,1	0,1
3	О применении акта амнистии	36,7	12,7	37,9	2,9
4	О приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом	0,3	0,4	7,6	4,5
5	О замене неотбытого срока более мягким	14,8	24,9	1,1	31,6
6	О замене исправительных работ лишением свободы	1	0,2	0,1	2
7	О замене штрафа исправительными работами	0,03	0,07	0,02	0,1
8	О досрочном освобождении от условного осуждения	3,7	4,2	2,3	13,3
9	Другие вопросы, рассматриваемые в порядке гл. 47	8,73	14,85	6,68	7,2

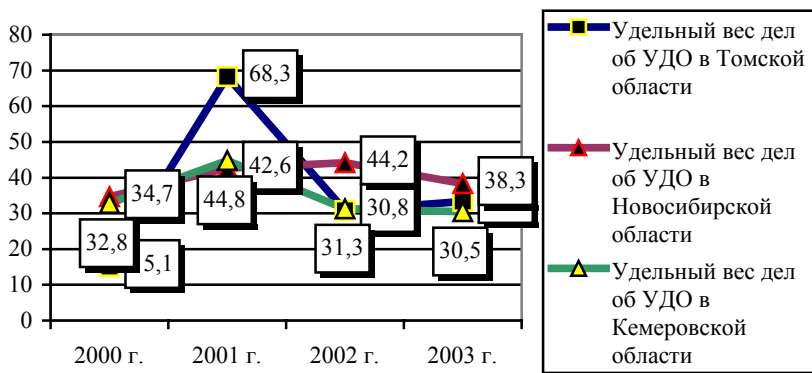


Рис. 1.3.1. Динамика роста удельного веса дел об УДО среди прочих дел, связанных с разрешением вопросов, возникающих в ходе исполнения наказания, по Сибирскому региону (в % к общему числу дел, рассматриваемых в порядке гл. 47 УПК РФ в соответствующем регионе)

Таблица 1.3.4

**Соотношение удельного веса условно-досрочно освобожденных с помилованными и амнистированными по Томской области (в % к общему числу освобожденных от реального отбывания наказания)**

№ п/п	Категории дел	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	УДО	40	94	89	99
2	Помилование	3	0,1	0	0,2
3	Амнистия	57	5,9	11	0,8

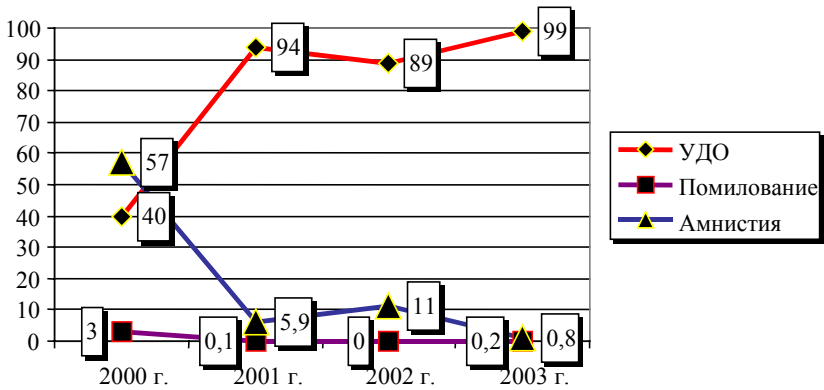


Рис. 1.3.2. Динамика роста условно-досрочно освобожденных среди помилованных и амнистированных по Томской области (в % к общему числу освобожденных от реального отбывания наказания)

Таблица 1.3.5

**Соотношение удельного веса дел об УДО с прочими делами,  
рассмотренными по первой инстанции судьями в порядке уголовного  
судопроизводства по Томской области (в % к общему числу  
единолично рассмотренных дел)**

№ п/п	Категории дел	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	Дела об УДО	6,8	16,5	12,1	5
2	Дела о применении принудительных мер воспитательного характера и о направлении в специальное учебно-воспитательное учреждение	0,4	1,2	0,7	0,4
3	Дела частного обвинения	11,4	18,9	5,1	3,4
4	Дела, связанные с обжалованиями действий должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (кроме обжалования ареста)	0	0	1,2	2,5
5	Дела, связанные с решением вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения по стражу	12	16,7	17,8	21
6	Иные дела (кроме дел основного производства)	5,5	10,9	8,7	6,8

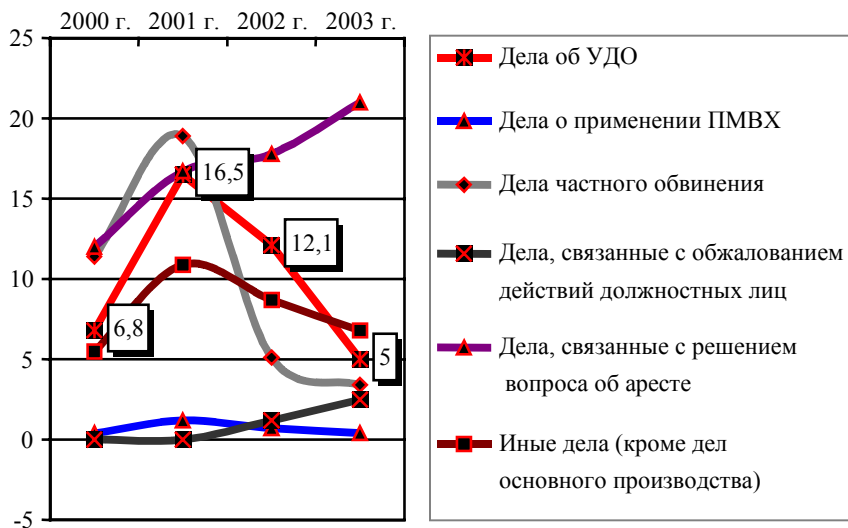


Рис. 1.3.3. Динамика изменения удельного веса дел об УДО по сравнению с прочими делами, рассматриваемыми единолично судьями в порядке уголовного судопроизводства по Томской области (в % к общему числу единолично рассмотренных дел)

Таблица 1.3.6

**Ранжирование дел, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, в порядке убывания сложности процессуальной деятельности (в % по данным опроса судей и прокурорских работников)**

№ п/п	Вид производства	Судьи	Прокурорские работники
1	Об УДО	21,3	16,1
2	Об отмене УДО	23,2	16,6
3	О применении акта амнистии	14,7	12,4
4	О приведении приговора в соответствие с новым уголовным законом	3,6	10,6
5	О замене неотбытого срока более мягким	13,3	12,8
6	О замене исправительных работ лишением свободы	12,7	12,3
7	О замене штрафа исправительными работами	7,8	9,9
8	О досрочном освобождении от условного осуждения	3,7	9,3

Таблица 2.1.1

**Результаты опроса о возможности рассмотрения дел об УДО во внесудебном порядке (в % к общему числу респондентов соответствующей репрезентативной группы)**

№ п/п	Респонденты	Ответы		
		Поддерживают идею внесудебного рассмотрения	Отрицательно относятся к идее внесудебного рассмотрения	Затруднились с ответом
1	Судьи	5	95	0
2	Прокурорские работники	8	92	0
3	Сотрудники УИС	12	79	9
4	Адвокаты	1,5	95,5	3
5	Осужденные	8	86,5	5,5

Примечание. В таблице приведено округленное значение показателей.

Таблица 2.1.2

**Реализация судом полномочий при рассмотрении  
и разрешении дел об УДО**

№ п/п	Полномочия суда	Отношение (в %) к числу изученных дел за соответствующий период		
		2001	2002	2003
1	Возбуждение уголовно-процессуального производства	100	100	100
2	Определение круга участников разбирательства	100	100	100
3	Дополнительное истребование недостающих материалов дела по собственной инициативе	5,8	2,4	1,6
4	Возвращение материалов лицу, инициировавшему производство, по его просьбе	7,5	7,2	8,8
5	Возвращение материалов лицу, инициировавшему производство, по собственной инициативе	2,5	3,2	4,8
6	Исследование материалов дела	100	100	100
7	Оглашение материалов дела	100	19,2	1,6
8	Задавание вопросов участвующим в деле лицам	74,2	33	10,4
9	Разрешение ходатайств и отводов	6,6	9,6	8,8



Таблица 2.1.3

**Направленность вопросов судьи**

№ п/п	Направленность вопросов	Отношение (в %) от общего числа заданных вопросов соответствующему участнику	
		Осужденному	Представителю ИУ
1	О планах на будущее	11	-
2	О поощрениях и взысканиях	34	56
3	Раскаяние в содеянном	4	-
4	О возмещение вреда, причиненного преступлением	17	
5	Участие в общественной жизни исправительного учреждения	9	-
6	Участие в трудовой деятельности	19	23
7	Связь с родственниками, семьей и близкими	0,8	-
8	О преступлении и наказании	1,6	-
9	О поведении после освобождения	1,3	-
10	О поведении после осуждения	2,3	21

Таблица 2.1.4

**Результаты опроса о необходимости создания специализированных судов для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (в % к общему числу респондентов соответствующей группы)**

№ п/п	Респонденты	Ответы			
		Против создания специализированных судов	За создание специализированных судов		
			На правах федеральных районных судов	На правах судов субъектов федерации	
			Во всех регионах	В отдельных регионах	
1	Судьи	79	8	10	3
2	Прокурорские работники	76	14	8	2
3	Сотрудники исправительных органов и учреждений	94	4	2	0
4	Адвокаты	83	9	7	1
5	Осужденные	96	4	0	0

Примечание. В таблице приведено округленное значение показателей.

Таблица 2.2.1

**Результаты опроса о реализации осужденным права на ознакомление с представляемыми в суд материалами (в % к общему числу респондентов соответствующей группы)**

№ п/п	Респонденты	Ответы		
		Никогда	Иногда	Всегда
1	Прокурорские работники	61	28	11
2	Сотрудники ИУ	69	16	15
3	Осужденные	81	12	7

Примечание. В таблице приведено округленное значение показателей.

**Таблица 2.2.2**  
**Реализация осужденными права на заявление ходатайств и отводов**  
**(в % к числу судебных заседаний, в которых участвовал**  
**осужденный, за соответствующий период)**

№ п/п	Права	Период		
		2001	2002	2003
1	Ходатайства:			
	- о допросе иных лиц;	4	6,4 (62,5)	4,8
	- об истребовании документов	2,6	0	2,4
2	Отводы	0	0	0

Примечание. В скобках указан процент удовлетворенных ходатайств от числа заявленных.

**Таблица 2.2.3**  
**Реализация осужденным права на дачу объяснений в ходе судебного**  
**разбирательства**

№ п/п	Содержание объяснений	Отношение (в %) к общему числу данных объяснений
1	О планах на будущее	17
2	О поощрениях и взысканиях	36
3	Раскаяние в содеянном	2
4	О возмещение вреда, причиненного преступлением	16
5	Участие в общественной жизни исправительного учреждения	3
6	Участие в трудовой деятельности	21
7	Связь с родственниками, семьей и близкими	5

Таблица 2.2.4

**Участие субъектов производства в судебном заседании по делам об УДО  
(в % к общему числу изученных материалов  
за соответствующий период)**

№ п/п	Категория дел	Период			
		2000	2001	2002	2003
1	Дела, рассмотренные с участием осужденного	78,5	74,2	33	10,4
2	Дела, рассмотренные с участием прокурора	81,6	79,1	54,4	68,8
3	Дела, рассмотренные с участием представителя ИУ	98	96	76,9	66,4

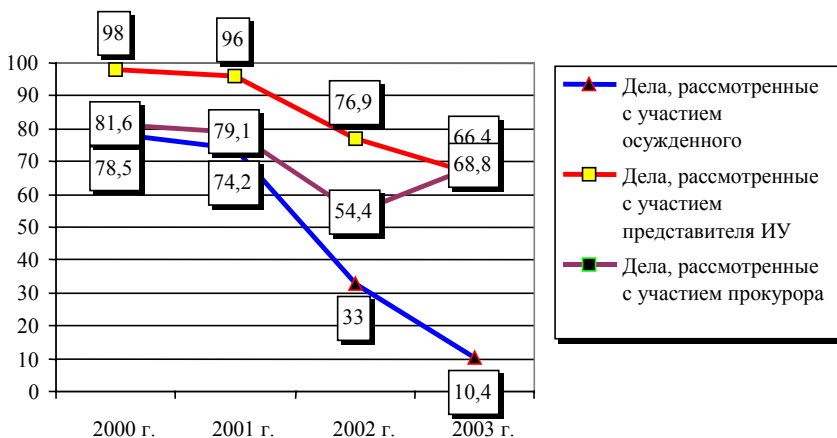


Рис. 2.2.1. Динамика изменения участия субъектов производства в судебном разбирательстве по делам об УДО

Таблица 2.4.1

**Содержание процессуальной деятельности прокурора  
в производстве по УДО**

№ п/п	Реализуемые полномочия	Отношение (в %) к числу исследованных дел за соответствующий период		
		2001	2002	2003
1	Высказывание мнения о возможности УДО	79,1	72,8	76,8
2	Исследование материалов дела	96	94,4	78,4
3	Задавание вопросов	74,2	33	10,4
4	Заявление ходатайств	0	2,4	0

Таблица 2.4.2

**Направленность вопросов прокурора**

№ п/п	Направленность вопросов	Отношение (в %) от общего числа заданных вопросов соответствующему участнику	
		Осужденному	Представителю ИУ
1	О планах на будущее	9	-
2	О поощрениях и взысканиях	32	73
3	Раскаяние в содеянном	8	-
4	О возмещение вреда, причиненного преступлением	16	-
5	Участие в общественной жизни исправительного учреждения	6	-
6	Участие в трудовой деятельности	14	11
7	Связь с родственниками, семьей и близкими	-	-
8	О преступлении и наказании	2,6	-
9	О поведении после освобождения	0,9	-
10	О поведении после осуждения	1,5	16

Таблица 2.5.1

**Содержание процессуальной деятельности представителя  
исправительного учреждения по делам об УДО**

№ п/п	Реализуемые полномочия	Отношение (в %) к общему числу исследованных дел		
		2001	2002	2003
1	Высказывание мнения о возможности УДО	96	76,9	66,4
2	Дача объяснений	96	33	10,4
3	Участие в исследовании документов	96	76,9	66,4
4	Задавание вопросов	74,1	28,8	4
5	Заявление ходатайств	0	0,8	1,6

Таблица 3.1.1

**Удельный вес документов, подтверждающих обстоятельства предмета  
доказывания среди материалов, представляемых в суд по делам об УДО  
(в % к общему числу изученных материалов)**

№ п/п	Обстоятельство предмета доказывания	Вид документа, подтверждающего обстоятельство предмета доказывания	Удельный вес
1	2	3	4
1	Отбытие осужденным установленного ст. 79 УК РФ минимального срока	Приговор суда	100
		Определение суда кассационной инстанции	34,1
		Приговор суда апелляционной инстанции	0
		Постановление или определение суда надзорной инстанции	28,1
		Постановление об амнистии	0

Продолжение табл. 3.1.1

1	2	3	4
		Постановление суда о зачете времени содержания под стражей, а также времени пребывания в лечебном учреждении в порядке ст.ст. 72, 103, 104 УК РФ	3,9
		Постановление суда о смягчении наказания вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу в порядке ст. 10 УК РФ	0
2	Обстоятельства, характеризующие личность осужденного и свидетельствующие о том, что для своего дальнейшего исправления он не нуждается в полном отбытии наказания	Характеристика от администрации	100
		Производственные характеристики	21,8
		Справка о поощрениях и взысканиях	100
		Выписка из протоколов заседания совета воспитателей отряда	75,8
		Карточка индивидуальной воспитательной работы	13,5
		Выписка из протоколов заседаний советов коллектива отряда и колонии	67,9
		Справка о фактически отработанном времени осужденным в течение отбытого срока наказания и заработной плате за этот период	32
Определение суда о прекращении принудительного лечения /Справка о состоянии здоровья	6		
3	Обстоятельства, свидетельствующие о наличии надлежащих условий для закрепления результатов исправительного воздействия	Справка о возможной регистрации по избранному месту жительства	36,9
		Справка о возможном трудоустройстве	26
		Иные документы	28,1

Примечание. Данные в таблице приведены без учета материалов личных дел осужденных.

Таблица 3.1.2

**Распределение дел об УДО в зависимости от оставшейся неотбытой части наказания по Томской области (в % к общему числу исследованных материалов за соответствующий период)**

№ п/п	Продолжительность неотбытой части наказания	Период		
		2001	2002	2003
1	До шести месяцев	52,5	36	12,8
2	Свыше шести месяцев до года	12,5	16,8	28,8
3	Свыше года до двух лет	23,3	25	26,4
4	Свыше двух до трех лет	8,4	18,4	22,4
5	Свыше трех лет	3,3	4	9,6

Таблица 3.1.3

**Ранжирование значимости сведений, содержащихся в материалах личных дел осужденных для разрешения вопроса по существу (в % по данным опроса судей)**

№ п/п	Содержание сведений	%
1	Дисциплинарная практика	54
2	Наличие надлежащих условий, свидетельствующих о возможности дальнейшего исправления после отбытия наказания	8
3	Личностная характеристика	26
4	Трудовая и иная общественно полезная деятельность осужденного в период отбывания наказания	24

Примечание. Суммарный показатель превышает 100%, так как некоторые судьи одновременно отметили более одной группы обстоятельств.



Таблица 3.1.4

**Содержание и удельный вес сведений, содержащихся  
в характеристиках осужденных (в % к общему числу изученных  
характеристик)**

№ п/п	Содержание сведений	Удельный вес
1	Положительные черты характера (отзывчивость, инициативность, вежливость и т.п.)	85,9
2	Признание вины	57,6
3	Раскаяние	64,8
4	Осознание справедливости назначенного наказания	20,6
5	Повышение образовательного и профессионального уровня	35,1
6	Связь с родственниками и близкими и оказание им материальной поддержки	56,5
7	Отношение к воспитательно-исправительной работе	73,9
8	Адекватное реагирование на меры исправительно-воспитательного воздействия	22,5
9	Соблюдение режима	18,1
10	Отношения с другими осужденными	65,3
11	Отношение к отрицательно настроенным группировкам осужденных	26
12	Наличие поощрений и взысканий	98,3
13	Склонность к нарушению режима	5,3
14	Помощь администрации	3,9
15	Отношение к труду	78,8
16	Погашение гражданского иска / Полное или частичное возмещение причиненного преступлением ущерба	23,9
17	Участие в общественной жизни /секциях осужденных	24,8
18	Опрятность и гигиена	18,1
19	Физическое развитие	15,6

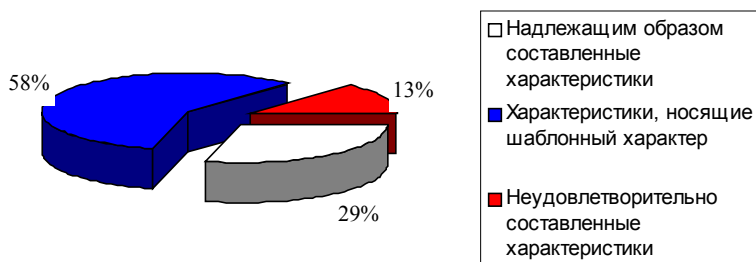


Рис. 3.1.1. Распределение характеристик в зависимости от качества их составления (в % к общему числу изученных характеристик)

Таблица 3.1.5

**Содержание справок о поощрениях и взысканиях осужденных  
(в % к числу изученных справок)**

№ п/п	Вид дисциплинарной практики	Период		
		2001	2002	2003
<b>П о о щ р е н и я</b>				
1	Ни одного	2,5	1,6	2,4
2	Не свыше трех	31,6	18,4	20,8
3	От трех до пяти	36,6	42,4	45,6
4	От пяти до десяти	20,2	31,2	22,4
5	Свыше десяти	19,1	6,4	8,8
<b>В з ы с к а н и я</b>				
1	Ни одного	5,8	1,6	6,4
2	Не свыше трех	36,6	48,8	32,8
3	От трех до пяти	32,5	35,2	29,6
4	От пяти до десяти	21,8	9,6	27,2
5	Свыше десяти	3,3	4,8	4

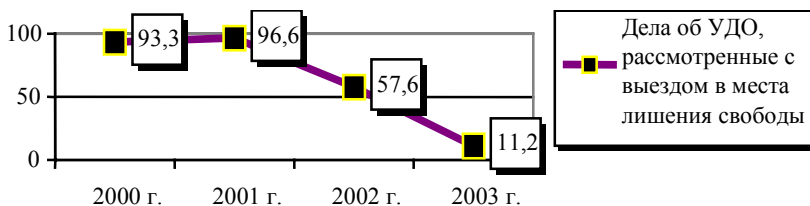


Рис. 3.2.1. Динамика снижения проведения выездных судебных заседаний по делам об УДО в местах лишения свободы по Томской области (в % к числу изученных дел)

Таблица 3.2.1

**Сроки досудебной и судебной подготовки материалов об УДО к судебному разбирательству (в % к числу исследованных материалов за соответствующий период)**

№ п/п	Сроки	Досудебная подготовка материалов			Подготовка к судебному разбирательству		
		2001	2002	2003	2001	2002	2003
1	До недели	11,6	10,4	17,6	0	6,4	1,6
2	От одной до двух недель	35,8	46,4	50,4	22,5	16,8	7,2
3	Свыше двух до трех недель	36,8	28,8	18,4	60,9	60,8	82,4
4	Свыше трех недель	15	14,4	13,6	14,1	15,2	5,6
5	Свыше месяца	0,8	0	0	2,5	0,8	3,2

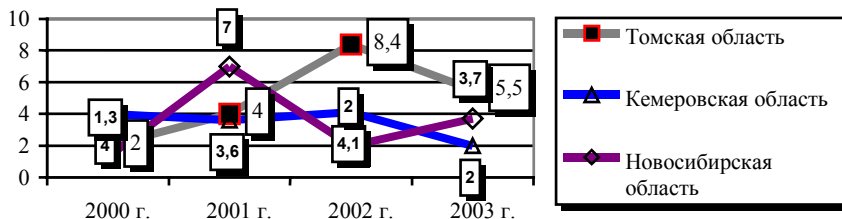


Рис. 3.2.2. Динамика изменения удельного веса отказов в предоставлении УДО по Сибирскому региону (в % к общему числу рассмотренных дел за соответствующий период в репрезентативном регионе)

Таблица 3.2.2

**Количество обжалованных решений о предоставлении УДО по Томской области (в % к числу рассмотренных за соответствующий период)**

№ п/п	Субъект обжалования	Период							
		2000		2001		2002		2003	
		Кас-сация	Над-зор	Кас-сация	Над-зор	Кас-сация	Над-зор	Кас-сация	Над-зор
1	Прокурор	0	0,6	0	0,4	0	0	0	0
2	Осужденный (его защитник)	-	-	-	-	0,8	0	1,3	0
3	Представитель ИУ	-	-	-	-	0	0	0	0

Таблица 3.2.3

**Количество обращений в суд об отмене УДО по Сибирскому региону (в % к числу представлений об УДО за соответствующий период в исследуемом регионе)**

№ п/п	Регион	Период	
		2002	2003
1	Томская область	0,6	1,2
2	Кемеровская область	0,3	0,6
3	Новосибирская область	0,2	0,3

## Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	3
<b>Глава I. Становление и развитие уголовно-процессуального производства по делам об условно-досрочном освобождении в отечественном законодательстве. Сущность уголовно-процессуального производства по делам об условно-досрочном освобождении по современному законодательству .....</b>	<b>6</b>
§ 1. Рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении по законодательству Российской империи (1909 – 1917 годы).....	6
§ 2. Рассмотрение и разрешение дел об условно-досрочном освобождении в 1918–2001 годы .....	16
§ 3. Правовая природа производства по делам об условно-досрочном освобождении.....	32
<b>Глава II. Участники уголовно-процессуального производства по делам об условно-досрочном освобождении и их процессуальный статус .....</b>	<b>47</b>
§ 1. Роль суда в производстве по делам об условно-досрочном освобождении.....	47
§ 2. Процессуальное положение осужденного .....	66
§ 3. Процессуальное положение адвоката осужденного .....	79
§ 4. Процессуальное положение прокурора.....	92
§ 5. Процессуальное положение представителя органа или учреждения, исполняющего наказание .....	103
<b>Глава III. Порядок уголовно-процессуальной деятельности по условно-досрочному освобождению .....</b>	<b>113</b>
§ 1. Содержание уголовно-процессуальной деятельности.....	114
§ 2. Структура уголовно-процессуальной деятельности.....	140
ЛИТЕРАТУРА.....	163
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, НАУЧНЫЕ ТРУДЫ КОТОРЫХ ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ АВТОРОМ.....	181
ПРИЛОЖЕНИЕ .....	183

**Для заметок**

**Для заметок**

Олег Викторович Воронин

**Производство по рассмотрению и разрешению  
вопросов, связанных с условно-досрочным  
освобождением**

Редактор *Н. И. Шидловская*  
Верстка *Л. В. Пермякова*

К-ОКП ОК-005-93, код продукции 953250

---

Изд. лиц. ИД № 04000 от 12.02.01. Подписано к печати 01.09.04.  
Формат 60×84<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура "Times".  
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 13,54. Тираж 350 экз.

---

ЗАО "Издательство научно-технической литературы"  
634050, г. Томск, пр. Ленина, 34а, тел. (382-2) 53-33-35

Отпечатано в типографии ЗАО «М-Принт», г. Томск, ул. Пролетарская, 38/1  
Переплетено в ОГУП «Асиновская типография», г. Асино, ул. Проектная, 22